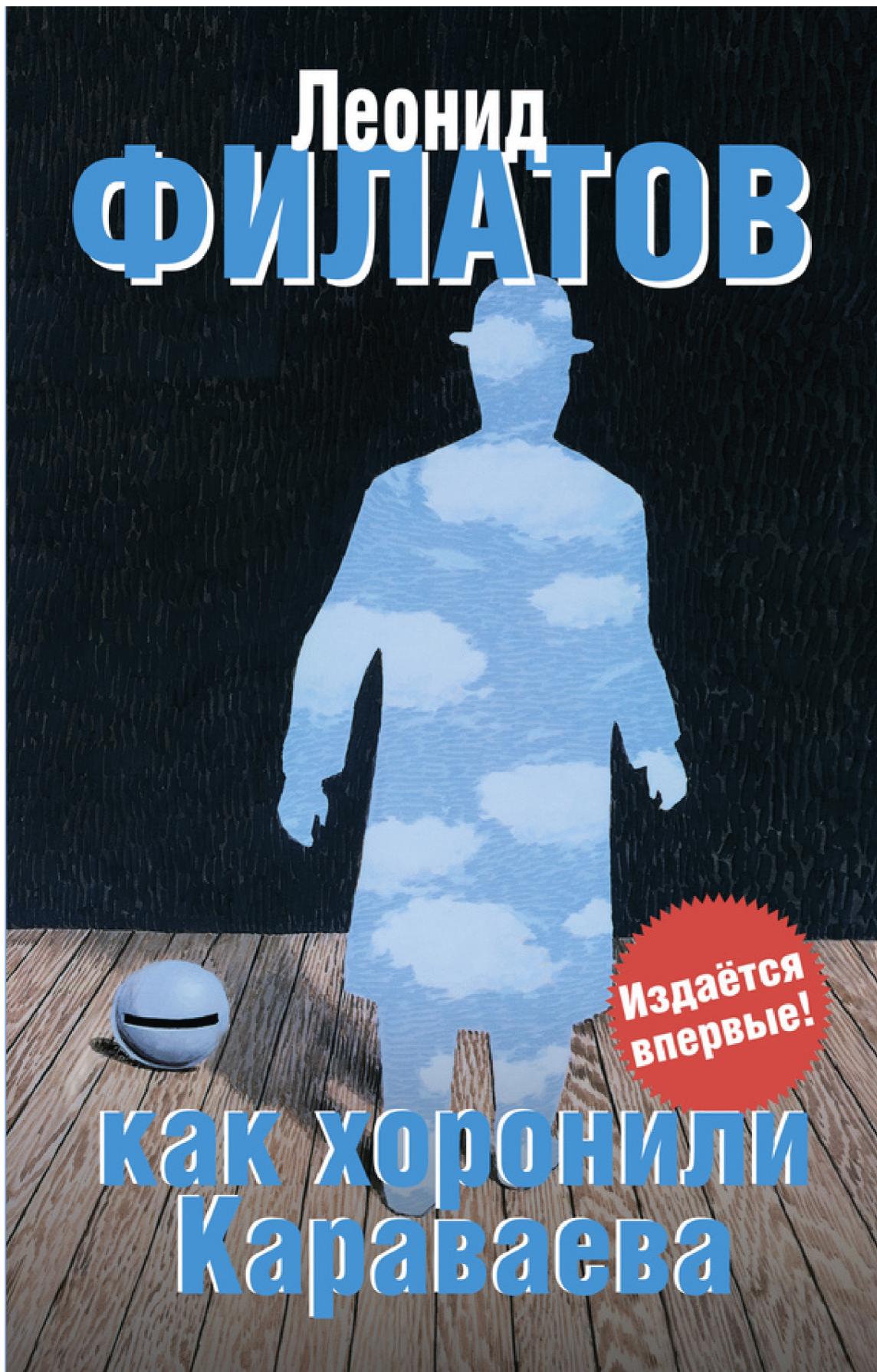

Леонид Алексеевич Филатов
Как хоронили Караваева (сборник)

Аннотация

В данной книге собраны следующие произведения Леонида Филатова:

- *Как хоронили Караваева;*
- *Свобода или смерть;*
- *Сукины дети;*
- *«Голубой огонек».*

Леонид Филатов Как хоронили Караваева (сборник)

Как хоронили Караваева

Директриса . Друзья мои!.. Наш коллектив понес невосполнимую утрату!.. Сегодня мы провожаем в последний путь нашего горячо любимого сотрудника – товарища Карабанова...

Мужчина с насморком . Караваева!..

Директриса . Товарища Караваева! Что можно добавить к этим горьким словам? А вот что. Мы все знали товарища Карамазова...

Мужчина с насморком . Караваева!..

Директриса . Мы все знали товарища Караваева, как скромного незаметного труженика, который неслышно делал свое тихое дело!.. Что можно добавить к этим горьким словам?.. А вот что. В лице товарища Карнаухова...

Мужчина с насморком . Караваева.

Директриса . В лице товарища Караваева мы потеряли гиганта финансовой мысли! Сотрудники нашего учреждения никогда не забудут твоего доблестного и скромного имени, товарищ Кареглазов!

Мужчина с насморком . Караваев!

Директриса . Товарищ Караваев! Что можно добавить к этим горьким словам? А вот что. Твое дело – наше общее дело. Твоя радость – наша общая радость. Твоя беда – наша общая беда. Так что даже в эту трудную минуту мы с тобой, дорогой товарищ Ковырялов!

Мужчина с насморком . Караваев!

Директриса . А ты чего лыбишься? Тут тебе не банкет.

Мужчина с насморком . Уж больно вы, Анна Николаевна, душевно говорили!..

Директриса . Музыканты на месте?

Мужчина с насморком . На месте. Ждут указаний.

Директриса . Небось, опять лабухов набрал?

Мужчина с насморком . Анна Николаевна, обижаете! Эстрадный оркестр. Квинтет. Лауреаты фестиваля в Хельсинки.

Директриса . А как у них насчет похоронной музыки?..

Мужчина с насморком . Заслушаетесь, Анна Николаевна, и помирать не захотите!.. Одно слово – Эшпай.

Директриса . Ну, гляди! Головой отвечаешь! Тут тебе не вечер отдыха. Все-таки Каравацова хороним – не кого-нибудь!..

Мужчина с насморком . Караваева.

Директриса . О том и речь!

Человек с папкой . Анна Николаевна, венки привезли. Я заказывал. Куда сгружать?

Директриса . Сколько заказал?

Человек с папкой . Пять штук, как просили. На все двести рублей.

Директриса . Молоток!

Человек с папкой . Рад стараться!

Директриса . Ленты заказал?

Человек с папкой . А как же! Чистый креп!

Директриса . Надписи проверил?

Человек с папкой . Обрыдаешься! «Дорогому товарищу Ковригину от благодарных сослуживцев».

Мужчина с насморком . Караваеву.

Человек с папкой . Не понял.

Мужчина с насморком . Караваев он, покойник-то, а не Ковригин!

Человек с папкой . Маху дал! Анна Николаевна, маху дал!

Директриса . Вот он, показатель вашего отношения к покойным сотрудникам!

Человек с папкой . Да ведь он покойник, Анна Николаевна! Ему теперь хоть трава не растет! Авось не обидится!

Директриса . Ах, Зубков, Зубков! А вот представь себе, ты помер. И напишут на твоей могиле не «Зубков», а «Пупков».

Человек с папкой . То есть как это?

Директриса . Ну, напишут: «Дорогому, мол, Пупкову...» А ты – Зубков! Понимаешь разницу?

Человек с папкой . Разница очень даже большая. И приятного в этом мало. Однако же, если коллектив примет такое решение, возражать не стану, поскольку буду покойник. Жена, однако, будет возражать, поскольку она работает не в нашем учреждении.

Директриса . Видишь, как тебя понесло! А своего товарища хочешь тайно похоронить? Под псевдонимом?

Человек с папкой . Анна Николаевна, что же мне с энтими венками делать, ведь какие деньги ухлопаны!..

Директриса . А ты государственные денюшки не считай, не ты их печатал. Человека похоронить как следует надо, понял? Все ж таки Коновалова хороним – не кого-нибудь!

Мужчина с насморком . Караваева.

Директриса . Вот именно!

Дама из месткома . Анна Николаевна, плиту привезли!

Директриса . Какую плиту?

Дама из месткома . Надгробную.

Директриса . Надпись сделали?

Дама из месткома . Ой, Анна Николаевна, ну вы как это все равно, прям я не знаю... Какая же может быть надпись, когда мы эту плиту в художественном салоне купили!..

Директриса . Это уж как хотите, только должна быть надпись!

Дама из месткома . Ой, Анна Николаевна, ну вы прям не знаете и говорите!.. Какая же может быть надпись, когда еще скульптуру сколоть надо!..

Директриса . Какую скульптуру?

Дама из месткома . Какую, какую! Ну вы прям, как эта все равно, честное слово! Обыкновенную! На этой плите спортсменка приделанная!

Директриса . Какая спортсменка?

Дама из месткома . Ой, Анна Николаевна, ну что вы как это все равно, прям я не знаю!.. Какая, какая! Гипсовая!

Директриса . Так может нам ее не скальывать? Спортсменку-то? Может, его вниз головой врить можно?..

Дама из месткома . Ой, Анна Николаевна, вы прям скажете, так уж скажете!.. Прям хоть стой, хоть падай! Как же это можно произведение искусства вниз головой, да еще в могилу?..

Директриса . Тоже верно. Неэтично это – как по отношению к искусству, так и по отношению к покойнику. А что, если нам эту статую в натуральном виде на могилу

поставить?..

Дама из месткома . Ой, Анна Николаевна, я щас плюну и уйду, честное слово! Зачем же нам эту статью на могилу ставить, когда она в трусах и в лифчике?.. Вроде как намек получается!

Директриса . А вдруг покойник спортом увлекался? Диски метал или еще чего делал? Вот и получится благородная символика!..

Дама из месткома . Ой, Анна Николаевна, вот вы прям не знаете и говорите! В шахматы он играл, покойник-то! Кабы он диски-то метал, так, поди, и не помер!..

Директриса . Резонно! А, черт, придется скалывать эту спортсменку, а жалко! Все ж таки скульптура!.. Однако у нас тут не музей изобразительных искусств, а кладбище. Костомарова хороним – не кого-нибудь!

Мужчина с наスマрком . Караваева.

Директриса . Вот и я говорю!

Дама в черном . А теперь я прошу оставить меня одну!..

Директриса . Это как же вас, гражданочка, понимать?

Дама в черном . Ах, да понимайте, как хотите! Только оставьте нас наедине. Он – мой!

Директриса . Тут, гражданочка, не парк свиданий. Тут, извиняюсь, похороны.

Свобода или смерть Трагикомическая фантазия

... Толик шел бесконечными лестницами и коридорами, которым, казалось, никогда не будет конца. Точнее его вели. Не под конвоем, разумеется, – сопровождающий был в штатском, – но все равно вели, и это повергало Толика в состояние тоскливой прострации.

Изнутри «грозная» контора выглядела довольно безобидно и вполне могла бы сойти за какое-нибудь министерство или главк, если бы не этот безмолвный сопровождающий с индифферентным лицом и не эти металлические сетки в лестничных пролетах...

* * *

... Доброжелательный следователь вот уже час водил отупевшего Толика по кругу одних и тех же вопросов, от которых свербило в желудке и раскалывалась голова...

– Скажите, а кому принадлежит идея выпустить самиздатовский журнал «За проволокой»?..

– Вы обещали задавать такие вопросы, на которые я мог бы ответить односложно – «да» или «нет»!..

– Хорошо, я поставлю вопрос иначе. Инициатором этого издания был Евпатий Воронцов?

– Не знаю...

– Глупо. Вы не можете не знать. Вы же были одним из авторов журнала. Итак, Евпатий Воронцов?..

– Ну, допустим...

– Такой ответ может иметь широкое толкование. Давайте конкретнее. Да или нет?..

– Ну, да...

– Значит, Евпатий Воронцов. А кто еще входил в состав редколлегии?..

– Я же предупредил, развернутых показаний я давать не буду!..

– Вы ведь, кажется, отказник?.. Три года пытаешься выехать за рубеж на постоянное место жительства?..

– Ну и что?..

– Ничего. Просто личное любопытство. Итак, вы не желаете назвать имена членов редколлегии?..

– Не желаю!..

– Тогда я сам назову. А вы только засвидетельствуете – ошибаюсь я или нет. Аглай Воронцова?..

– Н-нет...

– Подумайте как следует. Ложные показания могут обернуться против вас. Я же веду протокол. Итак, Аглай Воронцова?..

– Ну, предположим...

– Ваши предположения меня не интересуют. Мне нужен исчерпывающий ответ. Принимала ли Аглай Воронцова участие в создании журнала?..

– Ну, да...

– Игорь Федоренко?..

– Да...

– Лариса Федоренко?..

– Да...

Расплылось и исчезло лицо следователя... Обмякла и обесформилась комната... Стущевался заоконный пейзаж... Толик снова шел бесконечными коридорами в сопровождении анонимного паренька с незапоминающимся лицом. Он не слышал хлопанья дверей, треска пишущих машинок, не слышал даже стука собственных каблуков. Все шумы исчезли. В гулких коридорах метался только его собственный голос, искаженный до неузнаваемости, точно записанный на магнитофонную пленку и размноженный тысячью динамиков: «Да... Да... Да... Да... Да...»

Титр:

...

«СВОБОДА ИЛИ СМЕРТЬ»

... Толик влетел в квартиру встревоженный и расхристанный; воротник плаща заправлен внутрь, конец шарфа волочится по полу... Из кухни выглянули две пожилые соседки – Эмма Григорьевна и Зинаида Михайловна. Молодая соседка Нина, разговаривавшая в коридоре по телефону, вжалась в стену. Не обращая внимания на любопытствующих, Толик стремительно проскочил к себе в комнату...

Тетя Вера, конечно же, была дома. Толик знал, как она провела эти шесть мучительных часов в ожидании его возвращения – бесцельно слонялась из угла в угол и смолила одну папиросу за другой: в огромной пепельнице топорщилась целая гора окурков...

– Теть Вер!.. – Толик беспорядочно метался по комнате, по несколько раз заглядывая в одни и те же места. – Где у нас чемодан?.. Ну, этот здоровый, рыжий?.. Мне нужно срочно вывезти все мои бумаги!..

Чемодан обнаружился на гардеробе. Толик стащил его вниз, вывалил прямо на пол все его тряпичные внутренности и стал сгребать в чемодан рукописи и перепечатки, грудами валявшиеся на письменном столе.

– Толик! – не выдержала тетя Вера. – Может, все-таки расскажешь, что там было?.. Я же весь день на валокордине!.. С тобой беседовали?..

– Беседовали, беседовали... – Толик продолжал лихорадочно заполнять чемодан бумагами. – Некогда рассказывать!.. Каждую минуту могут приехать с обыском!..

– Что за чушь? – сейчас тетя Вера являла собой образец рассудительности и спокойствия. – Сначала вызывать на допрос, а потом устраивать обыск?.. Обычно бывает наоборот!..

– Ну откуда тебе знать, как обычно бывает?.. – Толик раздражался все больше – переполненный чемодан не желал застегиваться. – Как будто ты полжизни провела в подполье!.. Твоя девичья фамилия не Засулич?..

– Я руководствуясь элементарной логикой! – с достоинством ответила тетя Вера. –

Если бы они хотели застать тебя врасплох, они бы тебя никуда не вызывали...

Наконец чемодан защелкнулся. Толик пристально посмотрел на него и вдруг кинулся к окну. Двор был пуст. Только на площадке, покрытой жухлой травой, древний старичик выгуливал пуделя...

– Ч-черт! – хрюплю выдохнул Толик. – А если за мной слежка?.. Они же сцепают меня у подъезда!.. Нет, это надо спрятать где-то в доме...

– На чердаке! – твердо сказала тетя Вера. – Там, говорят, сырое и грязно. И воняет дерьмом. Нужно быть очень большим романтиком своей профессии, чтобы проводить обыск на нашем чердаке!..

В дверь аккуратно постучали, в комнату заглянула Эмма Григорьевна.

– Толечка! – Эмма Григорьевна смотрела на Толика преданными глазами. – Иван Васильевич просится в туалет. Вы не могли бы его проводить?.. Коля сегодня в дневную, так что вы у нас единственный мужчина...

* * *

...За долгие годы, прожитые в этой коммуналке, Толик отлично усвоил, что означает «проводить Ивана Васильевича в туалет». Это значило – взвалить грунтового старика на себя и переть его до самого унитаза – у мужа Эммы Григорьевны вот уже несколько лет были парализованы ноги...

– Держите меня за шею, Иван Васильевич!.. – Толик расстегнул на старице ремень, спустил с него брюки и наконец водрузил его на унитаз. – Так, главное дело мы сделали... Ну, а нюансы – это уж вы сами...

Выполнив эту милосердную, но малоприятную процедуру, Толик прикрыл за Иваном Васильевичем дверь и повернулся к Эмме Григорьевне.

– Эмма Григорьевна!.. Пять минут Иван Васильевич поразвлекает себя сам, а я на это время отлучусь, если позволите...

– Толечка, но вы уж обязательно... – заныла Эмма Григорьевна. – Сама-то я его не дотащу... Так что уж, пожалуйста...

– Не волнуйтесь, Эмма Григорьевна! – успокоил ее Толик. – Одна нога там, другая – здесь. Поспею как раз к самому финалу!..

* * *

Поднять чемодан на чердак вручную оказалось не таким уж простым делом. Промучившись минут пять, обозленный и раскрасневшийся Толик вспомнил наконец о веревке. Все-таки тетя Вера дает иногда вполне здравые советы...

На чердаке было сырое и неуютно... Под ногами хлюпало. В затхлом мраке что-то ворочалось и сопело... Кошки?.. Откуда здесь кошки?.. Тогда, может быть, привидения?.. Толик вздохнул и принялся за работу.

Он уже успел поднять чемодан примерно до середины чердачной лесенки, когда внизу, на площадке, негромко щелкнул дверной замок. Чемодан грунтово шлепнулся на пол, Толик мгновенно подобрал веревку.

На лестничной площадке целовались двое. В паузах мужчина, басовитый, как шмель, гудел что-то нежное на ухо своей подруге, та отвечала ему задыхающимся раскаленным шепотом. Из-за полупротворенной двери доносились музыка, хохот, громкие выкрики – шел апофеоз семейного праздника.

Толик сидел на чердаке и молча переживал. Ну, спустились бы на этаж ниже, зачем им под самой дверью-то?.. Наконец то, чего он так опасался, случилось – двое целующихся заметили чемодан...

Через несколько секунд на лестничную площадку вывалилась вся вечеринка. Кто-то позвонил в дверь к соседям напротив. На площадке стало совсем темно. Чемодан валялся в центре толпы, беспомощный, как раненый кабан, не имеющий сил удрать от глумливых охотников. Разговоры шли в неприятном для Толика направлении...

— А что вы думаете?.. Очень может быть!.. В соседнем подъезде композитора обокрали. Причем среди бела дня!..

— Они сейчас шуруют в открытую!.. Под видом сантехников или электриков!..

— Нет, но зачем они приперли чемодан сюда, на верхний этаж?.. Приперли и бросили?!

— Может, их кто-нибудь спугнул?.. С чемоданом-то удирать несподручно!.. Или хотели спрятать на чердаке?..

Два десятка любопытных физиономий обратились к черному квадрату чердачного люка. Толик беззвучно прянул в темноту. Теперь он не видел говорящих, а только слышал их голоса, но это никак не прибавляло ему спокойствия...

— А может, они на чердаке спрятались?.. Пережидают, пока мы уйдем? Мужчины, вы бы слазили, проверили!..

— Не надо, Сережа!.. Еще чего!.. А вдруг их там человек десять!.. Да еще вооруженные!..

— А может, это и не воры вовсе!.. Может, наоборот чего подкинули?.. Труп какой-нибудь или бомбу!..

— Ты уж скажешь!.. Ну все равно надо позвонить в милицию!.. Люб, отзови в местное... По 02 не дозвонишься!..

Толику стало дурно. Он на секунду представил себе, что будет, если сюда и впрямь нагрянет милиция. Черт, как ни противно, а придется обнаруживаться!..

— Минуточку, товарищи! – Толик с проворством молодой белки пролетел по всем лестничным перекладинам. – Нет никаких причин для беспокойства!.. Это мой чемодан!.. Я живу на восьмом этаже!.. Шестьдесят четвертая квартира!..

Он попытался улыбнуться широкой и, как ему казалось, самой обезоруживающей из своих улыбок. Улыбка получилась мучительной и фальшивой. Так улыбались иностранные шпионы в отечественных детективах пятидесятых годов, когда их припирали к стенке доблестная советская разведка.

— Понимаете... Затеял вот ремонт на даче... Ну и собрал на чердаке всякий хлам... Пакля, доски, железки... Там ведь у нас чего только нет... И все валяется без пользы... Так что извините, что напугал!..

Толик рывком оторвал от пола свой неподъемный чемодан и, забыв про лифт, стал спускаться по лестнице. Далеко уйти ему не удалось – закон подлости сработал вторично. Шаркнув о стену, чемодан открылся, – и все оставшееся пространство лестницы заполнила шуршащая бумажная лава.

Жильцы молча наблюдали, как по лестничным ступенькам сползали последние запоздалые листки... Никто не пытался комментировать происходящее...

Толик с ненавистью взглянул на собравшихся и принялся запихивать бумаги обратно в чемодан...

* * *

...Эмма Григорьевна ждала Толика у входа в квартиру. Спекшееся лицо ее не выразило ни малейшего удивления, когда она увидела Толика почему-то спускающимся сверху, да еще с гигантским чемоданом, но Толик понял, что этот парадокс никак не прошел мимо ее внимания.

Караулит, неприязненно подумал Толик. Господи, ну что за страна такая!.. Ни у кого никакой личной жизни, каждый стремится заполнить свою пустоту жизнью соседа!.. Всем до всех есть дело, и возникает иллюзия единения...

— Толечка, слава Богу!.. — заканючила Эмма Григорьевна. — А то я уже начала беспокоиться... Мы же с Иваном Васильевичем без вас, как без рук...

* * *

И снова Толик тащил на себе Ивана Васильевича — на сей раз из туалета в комнату. Тот обнимал его за шею и вертел головой по сторонам, как избалованный ребенок, привыкший к тому, что с ним обязаны возиться, и не обращающий на опекунов никакого внимания...

— Громадное вам спасибо, Толечка! — суетилась сзади Эмма Григорьевна. — Вы позволите обратиться к вам еще раз, если понадобится?.. А то у Ивана Васильевича понос... Уж и не знаю, чего он такого съел...

— Разумеется, Эмма Григорьевна!.. — рассеянно отвечал Толик. — Какие проблемы!.. Всегда к вашим услугам!..

— Мы ведь не сильно обременяем вас, правда?.. — Эмме Григорьевне не терпелось узаконить свои претензии на будущее. — В конце концов, вы человек умственного труда. Физические упражнения вам только на пользу!..

— Это правда! — не успев отышаться, Толик снова вцепился в чемодан. — Я вам даже благодарен. Если бы у Ивана Васильевича не случился понос, мне бы грозила полная атрофия мышц!..

* * *

— Не получилось!.. — Толик впихнул чемодан в комнату и, не снимая плаща, рухнул на кровать. — Там, наверху, какая-то свадьба или проводы... Все выперлись на площадку и стали плятиться на чемодан... В общем, сорвалось!..

— Толик, а может, ничего страшного, а?.. — тетя Вера начала очередной сеанс своей наивной психотерапии. — Пусть все идет, как идет... Ну, будет обыск... Насколько я понимаю, в твоих произведениях нет ничего такого... криминального, что ли...»

— А откуда тебе это известно? — язвительно поинтересовался Толик. — Ты уже второй месяц мусолишь мой рассказ и все никак не можешь его дочитать!.. А вдруг я новый Радищев?..

— Ну, ты же знаешь... — тетя Вера благоразумно отошла на оборонительные позиции. — У меня постоянное давление... Я не могу помногу читать... Глаза очень устают...

— А читать по ночам марксистские брошюры, — взвился Толик, — у тебя глаза не устают?.. Хочешь, я тебе скажу, что лежит у тебя под подушкой?.. Сказать?..

— «Антидюринг»... — конфузливо ответила тетя Вера. — Не забывай, что я всю жизнь проработала на кафедре марксизма-ленинизма. Это мой рабочий материал!..

— Но ты понимаешь... — Толик задыхался от сарказма. — Ты понимаешь, что человек, читающий по ночам Энгельса, подлежит срочной психиатрической экспертизе?.. Это же аномалия!..

— Толик! — голос тети Веры заметно окреп. — Ты сам всегда говорил, что человек свободен. Почему же тебе хочется, чтобы все думали так, как ты!.. Ты веришь в одно, а я — в другое!..

— Это-то и ужасно!.. — закричал Толик. — Мы с тобой антиподы!.. До какого кошмара мы дожили, если родная тетка — мой политический антипод!..

* * *

...В телефонной будке Толик лихорадочно шарил по карманам, выгребая из них

последнюю мелочь. Аппарат прилежно сглаживал монеты. По ту сторону провода напряженно молчали.

«Але! – надрывался в трубку Толик. – Кто это, Игорь или Лариса?.. Але, вы меня слышите?.. Ответьте же что-нибудь!.. Это Толик Парамонов!..»

Опять молчание. Слишком живое и выразительное для того, чтобы быть технической неисправностью. Толик беззвучно матерился, швырял трубку на рычаг и снова принимался искать очередную двушку.

«Але! – орал он через секунду. – Это Борис?.. А можно попросить Бориса?.. Скажите Анатолий Парамонов!.. Ах, его нет!.. А когда он будет?..»

Выдержав внушительную паузу, трубка ответила частыми гудками. Оставалась последняя двушка. Толик аккуратно вложил ее в прорезь аппарата и осторожно набрал номер.

«Але!.. Добрый день!.. Будьте любезны, Евпатия или Аглаю!.. Они на даче?.. А с кем я говорю?.. Соседка?.. Да нет, просто скажите, что звонил Парамонов!..»

Двушки кончились. Можно было бы, конечно, разменять пятаки, да что в этом толку!.. Толик оглянулся по сторонам. За мутным стеклом телефонной будки размыто, как на экране неисправного телевизора, двигалась безразличная толпа со смазанными лицами, текли ленивые потоки машин. Обычный тухлый московский пейзаж. Ничего такого, что могло бы смутить глаз или ухо. И все-таки Толик сжался от мгновенного и острого чувства опасности. Чувство это не покидало его весь последний день, но именно сейчас обострилось до предела. И вроде бы этот тип в польском плаще и с полиэтиленовой авоськой ничем не отличался от остальных мужиков, вяло топтавшихся у табачного киоска, но волчья интуиция Толика безошибочно выхватила из тысячи других прохожих именно этого невзрачного типа – слишком безразличный взгляд, слишком настороженный профиль. Следят, сволочи!..

Толик еще с полминуты оставался в будке, делая вид, что набирает очередной номер, – ему хотелось как следует запомнить внешность человека с авоськой, – а затем стремительно выскоцил на улицу и ринулся в толпу...

* * *

...Он то замедлял шаг, то снова набирал скорость. Мало-помалу погоня начинала его забавлять. Спину покалывали мурашки, холодные и острые, как пузырьки в газировке, но Толик знал, что это не страх. Это было то веселое, дерзкое и куражливое состояние души, которое запомнилось ему еще со школьных времен, когда «замоскворецкие» ходили на «марынорощинских». Человек в польском плаще продолжал двигаться за ним, держа руку с авоськой чуть на отлете, точно в ней находилось нечто такое, что всякую секунду может взорваться...

* * *

...В троллейбусе они снова оказались рядом. При близком рассмотрении преследователь и впрямь оказался совсем бесцветным: блеклые глаза, рыжие реснички. Ну что ж, все правильно. ОНИ дело знают, таким и должен быть профессиональный филер.

Толик подобрался к преследователю совсем близко – пусть знает, козел, что я его рассекретил! – и принял настырно сверлить его зрачками. Тот рассеянно отстранился, исподлобья взглянул на Толика, по лицу его скользнула тень не то удивления, не то смущения, не то досады – Толик победительно отфиксировал последнее! – и опять бездумно воззрился на бегущий за окном городской пейзаж...

* * *

... Толик выскочил из троллейбуса где-то в районе Кропоткинской. Некоторое время он шел не оглядываясь, наконец не выдержал и обернулся. Тип с авоськой, ничуть не скрываясь, следовал за ним.

В далекой диссидентской юности Толику попался в руки какой-то роман из жизни народовольцев. Революционеров Толик не любил, книжка ему активно не понравилась, но кое-какие полезные сведения он оттуда все-таки выудил. Ну, например, способы обнаружения слежки.

Сделав еще несколько шагов, он внезапно свернул в переулок и юркнул в дворовую арку. Двор был тупиковым. Толик прилично знал этот район — неподалеку находилась музыкальная школа, где он проучился целых два года.

* * *

... «Хвост» появился через несколько минут. Толик схватил его за лацканы плаща, рванул на себя и тут же прижал к стене. «Хвост» смотрел на него испуганными линялыми глазками и не делал никаких попыток освободиться.

— Вот что, боец невидимого фронта!.. — Толика прямо распирало от собственной отваги. — Передай своим соколам, что я их не боюсь! У вас есть все — тюрьмы, лагеря, доносчики, а я вас не боюсь, понял?!

Толик еще раз тряхнул преследователя за плечи, словно желая убедиться, дошел ли до него смысл сказанного. Раздался странный звук — что-то хрустнуло и чавкнуло одновременно. Толик отшатнулся. На земле валялась полиэтиленовая авоська, полная разбитых яиц. Яичная лава неторопливо текла по Толиковым башмакам...

— Лида!.. — высоким голосом закричал «хвост». — Вызови милицию!.. Или позвони соседям!.. На меня какой-то придурак напал!.. Он меня аж от Никитских ворот пасет!..

Толик оглянулся. В окнах замелькали люди. Какая-то женщина истошно закричала. В подъезде захлопали двери. Кто-то невидимый, грохоча каблуками, уже сбегал по лестнице.

— Простите меня!.. — задушенно сказал Толик. — Это недоразумение... Я просто обознался... Вот десять рублей... К сожалению, у меня с собой больше нет... Это вам за яйца...

* * *

... Толик уже целую минуту барабанил в металлическую дверь. Как ни странно, именно перед этой дверью он стал понемногу успокаиваться. Здесь ему откроют, не могут не открыть. Просто мастерская находится далеко отсюда, в самой глубине подвала, — пока услышат стук, пока поднимутся по лестнице...

Наконец послышались шаги, заскрежетала отодвигаемая щеколда. На пороге стояла Аглай. Толик привычно потянулся для поцелуя, Аглай резко отстранилась. Это было отступление от традиции. Впрочем, для Толика это была уже не первая неприятная неожиданность за последние сутки.

Внизу, перед самым входом в мастерскую, Толик предпринял еще одну вялую попытку обнять Аглаю, но та была настороже и успела перехватить его руку:

— Не надо, Толик!.. Евпатий дома... Да вообще не надо... Скучно все это... Скучно и противно... Извини.

Да, привычный Толиков мир рушился на глазах. Что они, честное слово, с ума посходили, что ли?.. Неужели они всерьез допускают, что он, Толик, может стать предателем?..

Бородатый Евпатий в черном свитере, перепачканном краской, размашисто лупил кистью по холсту. Он не обернулся на вошедшего, но по его мгновенно напрягшейся спине Толик понял, что его приход не остался незамеченным.

В центре мастерской громоздился уродливый пандус, грубо задекорированный то ли под холм, то ли под лужайку. На пандусе, склонившись друг к другу, сидели две голые девицы в васильковых веночках.

– Здрасьте, прелестницы!.. – приподнято поздоровался Толик. – Вы сегодня кто?.. Наяды?.. Дриады?.. Сирены?.. Хотя какая разница?.. Все равно под кистью маэстро вы превратитесь в винегрет!..

– Это наши соседки! – предупредительно объяснила Аглай, – студентки из Армавира. Таня и Оля. Они иногда позируют Евпатию. Не бесплатно, разумеется.

Толик подошел к Евпатию, подал ему руку, тот пожал ее, не отрывая глаз от холста. Да, ошибки быть не может. Кто-то им сообщил. Но что, собственно, могли сообщить, что? Что Толика вызывали? Но это еще не повод подозревать его черт-те в чем!..

– Не так страшен черт, как его Малевич!.. – Толик коротко хохотнул. – Ну, скажи, старый похабник, на кой тебе обнаженная натура?.. То же самое ты мог бы нарисовать, глядя в потолок. Или в телевизор.

– Девочки! – Евпатий бросил кисть в ведерко с растворителем. – Я думаю, на сегодня мы закончили. Насчет завтра договоримся отдельно. Аглай Ивановна вас предупредит.

Девицы неспешно напялили халаты, попрощались с Евпатием и Аглаей и, не удостоив Толика даже взглядом, чинно двинулись к выходу.

– Вот черт!.. – Толик никак не мог слезть с ернического тона. – Они ведь и вправду чувствуют себя жрицами искусства!.. Жаль не поинтересовался, как они умудряются сохранить в себе столько достоинства, будучи без трусов?..

– Ты сегодня слишком агрессивен, – бесцветным голосом сказала Аглай. – И очень плоско шутишь. Обычно ты остроумнее. Что-нибудь произошло?..

– Это я вас должен спросить, что произошло! – Толик пошел ва-банк. – Я целый день не могу ни до кого дозвониться. А про вас мне сказали, что вы на даче. Как это понять?..

– Видимо, кто-то пошутил, – пожал плечами Евпатий. – Мы никуда не уезжали. Аглай, правда, отлучалась на рынок. А я, как видишь, весь день работаю... .

– Толик! – решилась наконец Аглай. – Это хорошо, что ты пришел. Давай поставим точки над «и». Тебя ведь вызывали, правда?

– Правда, – чистосердечно ответил Толик. – Я и не скрываю. Я потому и звонил, что хотел вас предупредить. Но вы все разбежались по щелям, как тараканы...

– А ты знаешь, – неожиданно перебил его Евпатий, – что у Игоря с Ларисой, у Борьки и у нас были обыски?.. Сразу после того, как тебя вызывали?..

– Ты с ума сошел?.. – напрягся Толик. – Я-то тут при чем?.. Значит, кто-то навел!.. У них контора работает будь здоров!..

– Не нервничай, Толик! – устало сказала Аглай. – Тут все нервные. Просто раз уж ты здесь, хочется понять, что же все-таки происходит... .

– Да они все знали! – закричал Толик. – Они даже знали, откуда у нас ксерокс!.. Но я не сказал им ни единого слова, клянусь!..

– Ты только кивал, – тихо произнес Евпатий. – Они спрашивали, а ты говорил: да или нет. Ну, тогда, разумеется, ты ни в чем не виноват!..

– Но есть же элементарный здравый смысл! – взорвался Толик. – Если тебе показывают на небо и говорят: оно синее, не так-ли?.. Что ты им ответишь?.. Что оно зеленое?..

– Убийственный аргумент! – печально усмехнулась Аглай. – Ты же неглупый человек, Толик. Согласись, в твоих доводах есть некоторая двусмысленность... .

– Двусмысленность?!.. – Толик кинулся в дальний угол мастерской и резко откинулся холщовую занавеску... Тусклым глянцем замерцали ордена и звезды на груди генсека... Государственно наступив брови, глядели с холстов Косыгин, Суслов, Громыко... – А это не двусмысленность?! Одной рукой малевать авангард и толкать его за доллары, а другой –

выполнять партийные заказы для красных уголков?.. Или, может быть, это одна из форм конспирации?.. В таком случае, позвольте вас огорчить, дорогие мои карбонарии, никому-то вы не опасны и не интересны!.. Те, кто представлял для них интерес, – те давно уже в лагерях!.. А вы для них – так, чайники со свистком!..

– Замолчи! – с нажимом сказала Аглай. – Ты и так наговорил достаточно мерзостей. И не смей задевать Евпатия. Он, в отличие от тебя, не трус!

– Да, я плохой! – снова взвился Толик. – А вы с Евпатием святые!.. Ты вообще образец добродетели!.. Может, расскажешь мужу, как ты поддерживаешь честь семьи в его отсутствие?.. Надеюсь, Евпатий поверит тебе на слово и не заставит меня перечислять все твои тайные родинки!.. Ну смелей, Аглай!.. Чего вам бояться, раз вы такие храбрые!..

Евпатий грузно опустился на стул и не мигая смотрел на Толика. Аглай закрыла лицо руками и прислонилась к двери, чтобы не упасть. Толик понял, что произошло что-то страшное и непоправимое, может быть, гораздо более страшное, чем смерть... У него перехватило горло, и он заплакал...

* * *

... Домой Толик вернулся затемно. Коммуналка давно отужинала, все приникли к телевизорам. Только чуткое ухо Эммы Григорьевны отреагировало на слабый щелк замка, и она тут же высунула из комнаты свое острое любознательное рыльце.

– Толечка!.. Какое счастье, что вы пришли!.. Иван Васильевич страдает, но терпит... Я пыталась подсунуть ему утку, но он отказался... На унитазе он чувствует себя более комфортно.

– Естественно! – хмуро согласился Толик. – Унитаз возвышает человека. Особенно финский. Тут Иван Васильевич абсолютно прав!..

Тем не менее операцию по очередному водружению Ивана Васильевича на унитаз Толик на сей раз проделал быстро, деловито и безапелляционно, нисколько не принимая в расчет тонкую душевную организацию своего подопечного.

– Кстати, Толечка!.. – Эмма Григорьевна желала быть ответно полезной. – Вера Николаевна просила передать, что она у соседки напротив. И что голубцы на плите в синенькой кастрюльке!..

* * *

... Оказавшись у себя в комнате, Толик открыл холодильник, достал оттуда початую бутылку водки и сделал несколько крупных глотков прямо из горлышка...

Затем вынул из кармана моток веревки... Это была та самая веревка, с помощью которой он давеча пытался затащить на чердак свой чемодан... Толик смотрел на нее напряженно и пристально, точно пытаясь сообразить, что же, собственно, с ней делать...

После сомнений, колебаний и путанных внутренних монологов у Толика всегда наступала минута ясного и спокойного прозрения: все равно ничего уже нельзя изменить. И тогда появлялось чувство легкости и свободы.

Появилось оно и теперь. Толик как бы наблюдал себя со стороны: вот он накидывает веревку на крюк от люстры, вот связывает петлю и надевает ее себе на шею, вот пробует ногами стол – удастся ли опрокинуть его одним толчком...

В какой-то момент ему вдруг показалось, что это не он, Толик, наблюдает за собой, а кто-то другой, реальный и осязаемый, находящийся здесь же, в этой комнате...

Чьи-то глаза, полные муки и ужаса, следили за каждым толиковым движением и умоляли, заклинали его остановиться...

Толик обернулся. В широко распахнутом дверном проеме медленно, как в рапидной съемке, оседала на пол тетя Вера. Рот ее был исковеркан криком, но крика не было слышно...

Толик сорвал с себя петлю и закинул веревку в плафон.

* * *

...Вокруг тети Веры гомонили переполошенные соседи. Кто-то обмахивал ее полотенцем, кто-то капал на сахар валокордин.

— Да какая вам разница, с какого она года?.. — кричала в трубку разъяренная Нина. — Говорят же вам, сердечный приступ!.. Что это за «скорая» такая, которая полчаса выясняет, как кого зовут и кто чей родственник?!

Тетя Вера смотрела Толику прямо в глаза и беззвучно двигала посеревшими губами. Толик наклонился к ней совсем близко, пытаясь по артикуляции угадать хотя бы отдельные слова...

— Как ты мог... — шептала тетя Вера. — У меня же никого, кроме тебя, нет... Я только для тебя и живу... А ты меня предал...

— Тетя Вера, дорогая... — Толик прижался губами к теткиному виску. — Я тебя тоже очень люблю... Это была глупая шутка... Забудь про это...

* * *

...«Скорая», взметая грязные веера дождевой воды, неслась по ночному городу. Нечастые в такую пору автомобили опасливо жались к обочине, пропуская вперед эту замызганную вестницу то ли беды, то ли надежды...

...Толик держал тетю Веру за руку и твердил про себя как молитву: открай глаза!.. открай глаза!.. открай глаза!.. Так ему было спокойней. Точно услышав толикову просьбу, тетя Вера чуть разомкнула веки. Разомкнула и тут же сомкнула снова, давая Толику понять, что хочет что-то сказать. Толик придвигнулся ближе...

— На книжной полке... — непослушными губами прошептала тетя Вера. — Между Чеховым и Плехановым... восемьсот рублей... я из пенсии откладывала... возьми себе...

— Ты о чем, теть Вер?.. — отшатнулся Толик. — С ума сошла?.. Вот выйдешь из больницы — мы их на радостях и прогуляем!.. А о плохом и думать не смей!..

* * *

...Сыпал мелкий, холодный, кусачий дождь. Люди сбивались в кучки под немногочисленные зонты. Рядом хоронили еще кого-то. Хоронили со вкусом, с толком, с расстановкой. Там было пестро от цветов, гудел оркестр, говорили речи.

У могилы тети Веры ничего похожего не было. И вообще пришедших на похороны было немного. В основном, соседи. И еще несколько старушек, которых никто не знал. Топталась еще группа студентов — те держались особняком.

Толик встал на колени, наклонился над сырым могильным холмиком и сказал прямо туда, в темную, плотную, непроницаемую глубь: «Прости меня, тетя Вера!..»

Лицо его засборило морщинами, стало похожим на печенную сливу, и он заплакал. Кажется, только сейчас он осознал, что вот этот аккуратный продолговатый холмик — это все, что осталось от тети Веры...

— Толик! — соседка Нина потрясла его за плечо. — Хватит, не глупи!.. Земля же холодная, мокрая... Застидишь все свои дела!.. Вставай!..

* * *

...Поминки получились более чем скромные. Все тети Верины сбережения ушли на похоронные хлопоты, так что поминальный стол соседи устраивали вскладчину. Застольная беседа никак не залаживалась – все говорили скучно и тягуче, словно по принуждению.

– И что в ней было хорошо, – разглагольствовал пьяненький сосед Коля, вечно отсутствующий Нинин муж, – не кичилась образованием!.. С рабочими людьми говорила запросто!.. Вот я человек темный, неученый, а она мне: здравствуй, Коля!..

– Что же ей, не здороваться с тобой, что ли?.. – Нина явно стеснялась незамысловатых колиных сентенций. – Ясное дело, раз встретились – здравствуй, Коля!.. Чего тут особенного?..

– Не скажи!.. – упрямился Коля. – Другая прошла бы мимо, а она – здравствуй, Коля!.. По-родственному, по-соседски!.. Кто я для нее?.. Мудак с напильником!.. А она – здравствуй, Коля!..

– Будет тебе балабонить-то!.. – устыдила мужа Нина. – Ты ж не в пивнушке!.. Господи, как зальет зенки, так и несет незнамо что!..

– Святая душа была Вера Nikolaevna!.. – вздохнула Эмма Григорьевна. – И редкой интеллигентности!.. Спички попросит, так сто раз «спасибо» скажет!.. Таких людей сейчас нет!.. Сейчас куда ни глянь – одни хабалки!..

– Хужает народ!.. – согласилась Зинаида Михайловна. – Особенно молодые!.. Давеча на лестнице нагадили!.. Не к столу будет сказано, вот такую кучу навалили!.. Не перепрыгнешь!.. А если бы лифт сломался?..

– Был человек и нету!.. – Коля продолжал разрабатывать излюбленную тему. – И всем наплевать!.. Даже по радио не объявили!.. А ведь какая женщина была!..

– Последнюю пьешь! – тихо предупредила Нина. – И не зыркай на меня!.. Сказала последнюю, значит, последнюю!..

Толик сидел за столом, безучастный ко всем разговорам, тупо уставившись в пустую тарелку. Он вспоминал о своих хозяйственных обязанностях только тогда, когда наступала пора в очередной раз наполнить рюмки...

Паузы становились все чаще и продолжительней. В одну из них ворвался телефонный звонок. Все оживились, завздыхали, заскрипели стульями, будто в середине долгого и нудного совещания был объявлен неожиданный перекур.

Зинаида Михайловна, сидевшая ближе всех к двери, выскочила в коридор. Через секунду она вернулась и сообщила почему-то шепотом: «Толик, это вас!..»

* * *

...Толик не ждал от звонка ничего хорошего. Он знал, что никто из знакомых ему не позвонит, за последние дни его ни разу не позвали к телефону. А чужие...

В трубке зарокотал незнакомый басок. Собеседник говорил быстро, напористо и почти без пауз. Толик не верил своим ушам. Он по несколько раз переспрашивал одно и то же, желая убедиться, что его не разыгрывают, но незнакомец, похоже, не любил, когда ему задавали вопросы, он привык задавать их сам...

– Да, Парамонов!.. – Толик пытался говорить как можно более безразлично. – А кто это говорит?.. Как это неважко?.. Нет, не передумал!.. Что значит, оформляйтесь?.. Простите, а с кем я разговариваю?..

* * *

...Гости давно уже болтали о своем. Приглашенный было костерок беседы теперь полыхал вовсю. С появлением Толика все резко посерезнели и потянулись к рюмкам...

– Черт знает что!.. – растерянно улыбаясь, сказал Толик. – Мне разрешили выезд... Если это, конечно, не чья-то шутка... Но я записал телефоны, можно проверить...

Гости молча косились друг на друга, не зная, как реагировать на это сообщение. Все знали, что Толик ждал этого события три года. Но слишком уж не вязалась его дурацкая улыбка с печальным поводом, собравшим всех за этим столом...

– А я все-таки предлагаю выпить за тетю Вери! – Нина с вызовом подняла рюмку. – Кто-то уезжает, кто-то приезжает, а тети Веры нет!.. Царствие ей небесное!..

– Да!.. – спохватился Толик. – Да, конечно!.. Царствие ей небесное!..

* * *

...Толику и раньше приходилось бывать в здании ОВИРа в Колпачном переулке, но такого скопища людей, как в этот раз, он никогда здесь не видел. Сегодня в овировских коридорах было настоящее столпотворение!.. Стоило кому-то из сотрудников опрометчиво выглянуть из кабинета, как его тут же облепляла со всех сторон толпа страждущих. Некоторое время он еще барабанился в их объятиях, а потом покорно затихал, как моторная лодка, увязшая в водорослях...

Толик двигался в толпе по давно усвоенной системе: толчок под ребро... виноватая улыбка... извините, пожалуйста... еще толчок... снова улыбка... и снова «извините»... Нужный Толику кабинет оказался в самом конце коридора. Одинокая дверь с устрашающей табличкой «Н. И. Смертьюк».

«Не хватает только черепа с костями!.. – подумал Толик. – Как на трансформаторной будке!..» Толчей и ажиотажа тут не было. Тут вообще никого не было. Толик забеспокоился. Двери, возле которых не было очередей, с детства не внушили ему доверия. Может, он в отпуске, этот Смертьюк?.. Или на бюллетене?.. Толик постучался. Нет, кажется, все в порядке. Хмурый дядька с заспанными глазами оторвался от письменного стола и выжидающе посмотрел на Толика...

* * *

...Хозяин кабинета лениво шуршал бумажками, выискивая в них Толикову фамилию. Толик пребывал в состоянии благоговейного трепета. Он смотрел на Смертьюка преданными собачьими глазами и, казалось, только и ждал подходящей секунды, чтобы нежно лизнуть его в небритую щеку...

– Парамонов Анатолий Сергеевич!.. – Смертьюк отыскал наконец нужную бумажку. – Да, мне звонили по вашему поводу. Полетите по израильской визе...

– Почему по израильской? – слабо зароптал Толик. – Я же не еврей!.. Мне не нужно в Израиль!.. Я хочу в Париж!..

– Французской визы мы вам сделать не можем!.. – поскучнев голосом, отрезал Смертьюк. – Вот долетите до Вены, а там воля ваша!.. Хоть в Париж, хоть куда!..

– Скажите, а вот эти... товарищи... – Толик вынул аккуратно сложенный листочек. – Вот эти товарищи не смогут помочь?.. Мне сказали, что в случае чего я могу обратиться к ним...

Смертьюк глянул на листочек, и брови его поползли вверх. Видимо, фамилии, которые он там увидел, произвели на него впечатление.

– Ну, раз у вас такие покровители... – Смертьюк впервые взглянул на Толика с уважением. – Эти могут спроворить вам любую визу. Хоть на Берег Слоновой Кости!..

* * *

...Еще около месяца Толик бегал по всяческим инстанциям, задаривал шоколадками вахтерш, дерзко флиртовал с секретаршами и, смиренно сложив руки на коленях, выслушивал поучения косноязычных начальников...

Он отдавался этой дурацкой беготне с таким безоглядным упоением, будто это была его всегдашая жизнь, хотя уголком мозга он понимал, что его настоящая, главная жизнь стоит сейчас на обочине, с укоризной и состраданием наблюдает за его выкрутасами и, подобно умной жене, терпеливо ждет, когда он, наконец, «перебесится» и обратит на нее внимание...

Этот миг настал. Однажды утром бесконечная административная карусель остановилась. Паспорт с визой и авиационный билет лежали у Толика в кармане. Но радости не было. Вместо нее пришли испуг и растерянность. Имитация «полнокровной» жизни кончилась, главная жизнь снова вступила в свои права. Толик вспомнил о Евпатии...

* * *

...К телефону долго не подходили. Пока в трубке звучали долгие и унылые гудки, Толик спешно прокручивал в мозгу наиболее вероятные варианты разговора.

Возможно, услышав Толиков голос, Евпатий тут же положит трубку. Возможно, молча выслушает все извинения, но разговаривать не захочет. Возможно, пожелает Толику доброго пути, но откажется от встречи...

– Але!.. – настороженно сказал Евпатий.

– Але!.. – закричал Толик. – Это я, Евпатий!.. Умоляю, не бросай трубку!.. Я страшно виноват перед тобой!.. Я все наврал про Аглаю!.. Но я не со зла, я по дурости!.. Обиделся, что вы мне не доверяете, ну вот и... Прости меня, Евпатий, прости меня, ради Бога!..

Евпатий молчал, и это было замечательно. Он не швырнул трубку на рычаг, не оборвал Толика на полуслове. Значит, первая атака удалась, теперь можно было расслабиться и перейти на элегический лад.

– Мне разрешили выезд, Евпатий!.. Билет и виза уже на руках!.. Улетаю послезавтра первым парижским рейсом!.. Не знаю, вправе ли я просить об этом, но... Мне бы очень хотелось, чтобы вы с Аглаей пришли меня проводить... Кто знает, увидимся ли?..

Евпатий молчал. Но Толика не пугало его молчание, и он и не ждал от Евпатия никаких проявлений энтузиазма, достаточно и того, что Евпатий не сказал «нет».

– И еще одно!.. Ты говорил, что у тебя есть приятель в Париже... Ну, из наших, эмигрант... Художник он там или кто... Может, ты ему отзовишь?.. Было бы неплохо, если бы кто-нибудь меня там встретил и как-то помог в первые дни...

Евпатий молчал. Потом буркнул только одно слово: «Хорошо!» Толик не понял, к чему конкретно относилось это «хорошо» – к последней его просьбе или ко всему разговору в целом, но это было уже неважно. Главное, что Евпатий поддержал разговор. А кроме того, даже в самом слове «хорошо» изначально не может быть ничего плохого...

* * *

...В последний вечер Толиковы соседи на удивление долго не расползались по комнатам. Все старательно имитировали какие-то кухонные процессы, хотя должны были, по обыкновению, давно уже сидеть у телевизоров.

Толик не ожидал застать здесь столь представительную аудиторию. Он заскочил в

кухню на минутку, чтобы сделать себе чашку кофе, но по острой и мгновенной переглядке женщин понял, что его здесь ждали и что «пресс-конференции» не избежать...

— Толечка, вы не обидитесь, если я вас спрошу?.. — у Эммы Григорьевны сдали нервы, и она кинулась напролом. — Мне все-таки непонятно, как это вы решились?.. Жили вы жили, и вдруг срываетесь куда-то на край света!..

— Ну, Париж — не самый край... — осторожно возразил Толик. — И не самое дикое место с точки зрения цивилизации...

— Да, я понимаю... — заторопилась Эмма Григорьевна. — Там, конечно, и еда получше, и одежда поприличней... Но чужой язык, чужие нравы... Вас это не пугает?..

— Это вас должно пугать!.. — хихикнула Нина. — Вот Толик уедет — кто будет Ивана Васильевича на толчок сажать?.. Колька-то целыми днями на работе!..

— Погодите, Нина!.. — поморщилась Эмма Григорьевна. — Это же психологически интересно!.. Человек бросает насиженное место и едет в чужую страну!.. Должны же быть мотивы!..

— Мотив один, Эмма Григорьевна!.. — усмехнулся Толик. — Свобода!.. Не колбаса, не джинсы, а свобода!..

— Ну, свободу каждый понимает по-разному!.. — Эмма Григорьевна раскраснелась от полемического задора. — Не знаю, что вы имеете в виду под свободой, но лично я, например... Я, например, свободна!..

— Ой!.. — Зинаида Михайловна аж задохнулась от возмущения. — Синичка ты моя вольная!.. Она свободна!.. Говно из-под больного мужа выгребать — вот вся твоя свобода!..

— Фу, Зина!.. — застрадала Эмма Григорьевна. — Неужели нельзя без жлобства?..

— А что, не так, что ли? — не смутилась Зинаида Михайловна. — Ну что ты в жизни видела, кроме своего тромбофлебита?.. А тоже мне — рассуждает о загранице!..

— Потому что я бывала за границей!.. — запальчиво отпарировала Эмма Григорьевна. — В Болгарии. По турпутевке. И представь себе, не потрясена!..

— Правильно!.. — согласилась Зинаида Михайловна. — Ты бы еще в Пензу съездила!.. Болгария — это ж соцлагерь!.. Братская страна!.. Что ты там увидишь?..

— Не будем спорить!.. — примирительно сказала Эмма Григорьевна, хотя по всему было видно, что ей хочется именно спорить. — Но почему нужно покидать родину?.. Человек должен жить там, где он родился!..

— А почему бы не допустить простую мысль, Эмма Григорьевна? — Толик отхлебнул из кофейной чашки. — Что никому ничего не должен?.. Человек живет однажды!.. Так пусть он живет, как ему нравится!..

— Это опасная доктрина, Толечка! — Эмма Григорьевна заполыхала, как печка, в которую плеснули керосину. — А вдруг все захотят уехать на Запад?.. Кто же тогда останется?!.

— Умные уедут, дураки останутся... — мрачно отозвалась Зинаида Михайловна. — Вроде нас с тобой. Чтобы было на ком воду возить!..

— Все не уедут!.. — меланхолически сказала Нина. — Да и на черта мы там нужны?.. Мы и здесь-то никому не нужны, а уж там...

— Ладно, пусть у нас плохо!.. — Эмма Григорьевна сделала тактический маневр. — Но тогда тем более грешно уезжать!.. Надо не бежать от трудностей, а преодолевать их!..

— Вот и преодолевайте!.. — миролюбиво сказал Толик. — Ходите на собрания, на демонстрации, на субботники!.. Славьте, пойте, стройте!.. А я не хочу преодолевать трудности!.. Не хочу, и все!..

* * *

...В толчее шереметьевского аэропорта Толик совершенно растерялся — он то подолгу торчал у центрального табло, мучительно пытаясь сообразить, почему там нет нужного ему

рейса, то, путаясь в сумках и чемоданах, панически метался по залу, высматривая встречных, где ему следует проходить таможенный контроль...

Тут была другая, незнакомая Толику Москва, страшно далекая от той, в которой он худо-бедно, но чувствовал себя хозяином. Эта другая Москва говорила по-английски, по-французски и по-немецки, она шуршала декларациями, загранпаспортами и валютой, она пахла духами, ликерами и виргинским табаком...

Вот октябрьской поступью пропала японская делегация. Они шли слаженно и организованно, держась строго в затылок друг другу, и у Толика осталось впечатление, будто мимо пронесли глянцевую групповую фотографию...

Вот величаво проплыли два арабских шейха. Гордые, надменные и молчаливые, они отрешенно смотрели вдаль и покачивали в такт ходьбе головами, словно передвигались не с помощью собственных ног, а ехали на верблюдах...

А вот веселым разноцветным табунком проскакала скандинавская семья. Папа, мама и двое ребятишек – все в чем-то немыслимо ярком, все ослепительно беловолосые и все неправдоподобно синеглазые, – ну, прямо сказка Андерсена, настоящий игрушечный набор!..

На фоне этих красивых, нарядных и беспечных людей взмыленный Толик, навьюченный сумками и чемоданами, чувствовал себя как лимитчица из Караганды, случайно попавшая на Гегелевские чтения...

Толику сделалось тоскливо. Еще совсем недавно собственный отъезд представлялся ему событием исключительным и трогательным, пикантно украшенным завистью приятелей и слезами приятельниц...

А вот теперь выясняется, что есть люди, для которых перелет через границу – дело пустячное и будничное, что-то вроде того, как сделать укол или пройти флюорографию...

Евпатий с Аглаей, конечно же, не приедут. И правильно сделают... Было бы глупо рассчитывать на их дружбу после всего, что произошло в тот ужасный вечер в мастерской...

Правда, Евпатий пообещал дозвониться в Париж... Но пообещать он мог и просто так, для проформы, чтобы отвязаться...

Евпатий появился в самую последнюю минуту, когда Толик уже стоял возле таможенного контроля. Он настырно пробирался через толпу, победительно выставив животик и растопырив коротенькие ручки, похожий на пожилого, но уверенного в себе пингвина...

– Здорово, Евпатий! – у Толика сжалось сердце от благодарной нежности к старому приятелю. – Я уж и не ждал! Оказывается, это очень гнусная вещь – уезжать, когда тебя никто не провожает!.. А где Аглай?..

Толик даже не успел испугаться. Вопрос выскоцил сам собой. Это был вопрос из того недавнего, счастливого и безмятежного прошлого, где все казалось простым и ясным, где говорили то, что думали, и где не надо было бояться неосторожных слов...

– Мы с Аглаей расстались, – буднично сказал Евпатий. – Да ты не бери в голову... Нормальная житейская ситуация... Сошлились, разошлись...

– Ты бросил Аглай?.. – почти искренне возмутился Толик. – Но Аглай тут ни при чем!.. Я же все наврал!.. Ты не должен был мне верить!..

– А я тебе и не поверил, – Евпатий избегал смотреть на Толика. – Я поверил Аглае. Она сказала, что все это правда...

Толик не нашел в себе смелости длить этот мучительный разговор. Евпатий поставил в нем слишком жирную точку. Таможенник уже пропустил арабского шейха, стоявшего в очереди перед Толиком, сзади обеспокоенно чирикали японцы, времени оставалось в обрез...

– Я позвонил в Париж... – Евпатий решил наконец сменить тему. – Андрей встретит тебя в «Шарле де Голле»... Ну и поможет как-то устроиться на первое время...

– А как он меня узнает?.. – Толик с простодушием ребенка уцепился за спасательный круг, брошенный ему Евпатием. – Нужен какой-то пароль!.. Или опознавательный знак!..

— Узнает!.. — Евпатий без стеснения задрал свитер и вытащил из-под ремня журнал в голубой обложке. — Держи в руках последний номер «Нового мира». Это и будет твой опознавательный знак!..

* * *

Таможенник уже взял Толиков паспорт и даже успел раскрыть его, когда Толик вдруг с силой рванулся назад. Толпа отъезжающих смятенно всколыхнулась. Пожилая дама испуганно прижала к груди белого пекинеса. Японцы, не готовые к отступлению, валились друг на друга, как доминошки...

Отчаянно работая локтями, Толик добрался наконец до Евпатия, крепко прижал к себе его голову и лихорадочно зашептал ему в ухо:

— Ты думаешь, я стукач?.. Ты думаешь, что если мне разрешили выезд, то это как-то связано с тем допросом?.. Но это неправда, неправда!.. Я ничего им не сказал!..

— Толик, тебе пора!.. — Евпатий осторожно высвободился из Толиковых объятий и легонько подтолкнул его в сторону таможни. — Ну, иди, иди, неудобно же!.. То ты рвешься за границу, то тебя палкой отсюда не выгонишь!..

…Возле паспортного контроля Толик обернулся, отыскал глазами Евпатия и прощально помахал ему рукой. Евпатий не ответил. Казалось, что он смотрит не на Толика, а куда-то поверх его головы, будто пытается издали разглядеть в фиолетовой парижской дымке смутные очертания Толиковой судьбы...

* * *

…В самолете Толик расслабился. Бесцельно шатаясь из салона в салон, он обзнакомился с добной половиной пассажиров. То ли людям нечем было себя занять, то ли Толик действительно был в ударе, но все охотно шли на контакты. Правда, языков Толик не знал, но это ему не мешало. Дам веселил его дикий «эсперанто», включавший в себя словечки из всех языков мира и снабженный, к тому же, активной мимикой и жестикуляцией.

Хорошенькая стюардесса Людочка аккуратно ставила перед Толиком очередную порцию коньяку и ласково обжигала его огромными золотистыми глазами. Толик сразу же зачислил Людочку в актив своих побед. И, хотя победе этой не суждено было иметь практического подтверждения, Толика вполне устраивал и теоретический ее вариант. Он летел навстречу новой неведомой жизни, и эта новая жизнь, похоже, улыбалась ему вовсю...

Когда зажглось табло, советующее не курить и пристегнуться, Толик вернулся, наконец, к себе в салон и плюхнулся в свое кресло. Рядом сидел внушительных размеров негр, которого Толик поначалу почему-то не заметил. Всеохватная натура Толика жаждала общения.

— В Париж? — деловито спросил Толик, как будто в его воле было изменить курс и направить самолет в Аддис-Абебу.

— В Париж?.. — радостно ответил негр и оскалобился на все тридцать два зуба, точно ждал этого умного вопроса всю жизнь.

* * *

…Париж ошеломил Толика, что называется, с порога. И не шумом, не многоцветием, не своим знаменитым «особым» парижским воздухом, а тем, как мгновенно, легко и безоглядно рассыпались здесь, еще в аэропорту, казавшиеся такими прочными связями

недавнего дорожного братства.

Стюардесса пригласила пассажиров к выходу, и глаза давешних Толиковых попутчиков тут же подернулись ледком отчужденности. Все засуетились, засобирались, зашуршили плащами и разом потеряли друг к другу всякий интерес. Душа компании Толик Парамонов снова стал сирым анонимом.

Собственно, Париж тут был ни при чем. Люди, вынужденные какое-то время сосредотствовать в замкнутом пространстве, – будь то салон самолета или купе поезда – всегда легко сходятся в разговоре, проникаются друг к другу симпатиями, обмениваются адресами и телефонами, но стоит им снова очутиться в большом мире, и вселенские сквозняки моментально выдувают из них память о случайных попутчиках...

Приунывший Толик плыл в прозрачном тоннеле «Шарля де Голля» и казался сам себе серенькой плотвичкой, неведомо как попавшей в роскошный аквариум с экзотическими рыбками. Может быть, впервые за все последнее время Толик заставил себя подумать о том, что он прилетел в чужую страну, где никто не подозревает о его существовании. Прилетел навсегда.

* * *

... Толик торчал у здания «Шарля де Голля» уже минут пятнадцать и, вероятно, мог бы торчать еще столько же, если бы не вспомнил о своем «опознавательном знаке» – последний номер «Нового мира», аккуратно свернутый в трубочку, находился во внутреннем кармане плаща...

... Незнакомец появился внезапно, точно вырос из-под земли. В воздухе поплыл терпкий запах дорогого одеколона. Толик ни черта не смыслил в одежде, но даже на его непросвещенный вкус незнакомец был одет весьма элегантно.

– Вы Андрей? – непрезентабельность собственной внешности Толик попытался восполнить избытком хороших манер. – Очень приятно. Евпатий много рассказывал о вас. Сказать по правде, я боялся, что вы меня не узнаете...

– Чего же проще? – Андрей разглядывал напыжившегося Толика с откровенной, но добродушной иронией. – Мятые брючки, воспаленный взгляд, да еще и «Новый мир» в руках!. Типичный портрет советского прогрессиста!..

* * *

... Андрей вел машину просто виртуозно, как, впрочем, и подобает истинному парижанину: шляпа лихо сдвинута на глаза, левая рука безмятежно лежит на руле, правая – с дымящейся сигаретой – на спинке сиденья. Вот они, хозяева жизни, завистливо подумал Толик, а ведь всего пять лет, как в Париже... Ну, ничего, ничего, мы тоже не огурцом деланные...

– Я снял тебе комнату, – Андрей без всяких упреждений перешел с Толиком на «ты». – Апартамент мне не по карману. Комната вполне приличная, жить там можно. Во всяком случае, какое-то время...

– Спасибо, – сердечно поблагодарил Толик. – Я человек непривередливый, всю жизнь по коммуналкам... Хуже другое... Я совсем не знаю языка... Хотя Париж, говорят, русский город...

– Русский-то он русский, – Андрей снисходительно покосился на Толика, – но это все же не Рязань!.. Надо срочно учить язык!.. Без языка тут невозможно адаптироваться!..

– Ну, что касается адаптации... – Толик высокомерно фыркнул. – Я бы не хотел превращаться во француза... И вообще я не люблю приспосабливаться... Пусть уж принимают меня таким, какой я есть!

— Знакомый мотивчик!.. — губы Андрея чуть искривились в улыбке. — Среди нашей эмиграции таких пруд пруди!.. Языка не учат, работать не хотят. Приезжают, запираются на все замки, включают видео и смотрят Аллу Пугачеву. Спрашивается, зачем уезжали?..

Толик хотел было обидчиво возразить, что он не обыватель, а человек идеи, и что для него главной задачей было не «слинять», а обрести творческую свободу... но передумал. Под колесами ровно гудела автострада. Впереди начинал сизоветь Париж.

* * *

...Пока Андрей негромко переговаривался с хозяйкой, чистенькой и опрятной пожилой дамой, осанкой и повадками напоминающей Маргарет Тэтчер, Толик с нарочито брезгливым выражением лица тщательно изучал свое новое жилище. Делал он это вовсе не потому, что ему здесь что-то не нравилось — комната как комната, вся на виду, изучать здесь было нечего — а просто так, из патриотической амбиции: мол, и мы не лыком шиты, живали в апартаментах и не падаем в обморок при виде розовой туалетной бумаги.

Неожиданно за стеной (а поначалу показалось, что прямо здесь, в этой же комнате — настолько это было громко и внезапно) грянула латиноамериканская мелодия, вслед за ней выразительно скрипнули диванные пружины, после чего, словно усиленный микрофоном, послышался тягучий женский вздох. Толик метнул затравленный взгляд на хозяйку. Та всполошенно залопотала по-французски. Андрей усмехнулся и перевел.

— Мадам Лоран говорит, что за стеной живет супружеская пара. То ли из Сальвадора, то ли из Парагвая. А может, и из Колумбии. Она всегда плохо запоминает названия. Очень милые и симпатичные люди. Хотя и коммунисты.

— Ах, они еще и коммунисты?.. — Толик с ненавистью взглянул на стену, за которой любовные стоны набирали все новые обертона. — Переведи ей, что я политический эмигрант!.. Я бежал от коммунистов!.. И я не могу терпеть рядом с собой гнездо ненавистной мне идеологии!..

Слушая Андрея, мадам Лоран кивала, ахала, закатывала глаза, всем своим видом демонстрируя, сколь близко к сердцу принимает она кошмар создавшейся ситуации, но стоило Андрею замолчать, она тут же кинулась в контратаку.

— Мадам Лоран говорит, — снова перевел Андрей, — что ничего плохого они не делают. Только танцуют кумбию и занимаются любовью. Любовь и танцы — вот их страсть. Зато за другой твоей стеной живет очень серьезная девушка. Ее зовут Сильви. Кстати, она хорошо говорит по-русски.

Не дожидаясь от Толика хотя бы формальной капитуляции, Андрей снова повернулся к мадам Лоран, сказал ей нечто успокаивающее: дескать, конфликт уложен, жилец не против, просто немного устал и поэтому дурит, — и ласково выпроводил хозяйку за дверь.

— Я оплатил за три недели, — строго сказал Андрей. — Дам еще на карманные расходы. Заработкаешь — вернешь. Если только заработкаешь. Деньги здесь на клумбах не растут!..

Вместо ответа Толик откинулся на спинку кресла, откинув ноги на стол, и одним махом вывалил его содержимое на пол. Гора листков с машинописным текстом загромоздила почти половину комнаты.

— Это не все! — небрежно сказал Толик. — Я привез сюда только лучшее. Четыре романа. Семь повестей. Ну, и добрый трехтомник рассказов. Думаю, на первое время хватит...

— Спятил, Бальзак? — Андрей даже растерялся. — Какой трехтомник?.. Напечатают рассказчик — скажи спасибо. Тебя здесь никто не знает. Кому ты интересен?

— Пока не знают! — запальчиво уточнил Толик. — Зато меня знает вся читающая Москва. А если тебя читают, значит ты известен!..

— Тебя читают только в КГБ, — осадил Толика Андрей. — И то по долгу службы. А КГБ это еще не вся читающая Москва...

Он смотрел на Толика с откровенной жалостью. Очередной сумасшедший, приехавший

завоевывать Париж. Взлохмаченный, в жеваном пиджачке, со слюдяным блеском в глазах. Неопознанный Наполеон.

— Ладно, — со вздохом сказал наконец Андрей. — Попробую показать твои опусы сведущим людям. Сгружай свое собрание сочинений в чемодан и тащи ко мне в машину...

* * *

... Толик гулял по Парижу. Толкался у прилавков букинистов на набережной Сены, брал в руки то одну, то другую потрепанную книжицу, но не потому, что намеревался купить, а просто так, из вежливости к продавцам...

Бродил по Монмартру, излишне заинтересованно и подолгу разглядывая картины и картинки, а попутно ища — и не менее заинтересованно! — общественный туалет... Торчал на площадке возле Палас де Шайо и совершал безмолвный ритуал созерцания знаменитой Эйфелевой башни...

К вечеру ноги сами собой, без помощи какой-либо карты, привели его на Плас Пигаль. Вожделенная мечта советского туриста не показалась ему очень уж респектабельным местечком. Он задержался возле одного из рекламных щитов. Щит был анонимный, только буквы, ни одной картинки. Толик поозирался по сторонам, точно проверяя, нет ли за ним слежки, и только после этого нагнулся к окошечку кассы...

* * *

... Хорошенькая девушка — настоящая опрятная парижаночка, как только они могут работать в таких местах! — светя под ноги фонариком, проводила Толика до его места. На экране сопели, кряхтели и чмокали. Консервативная натура Толика не позволяла ему сразу же уставиться в экран. Он мазнул взглядом по сторонам: слева свободно, справа тоже. Да и вообще в зале едва ли набиралась дюжина зрителей. Какого же черта она посадила его «согласно купленным билетам»?

Прямо перед Толиком сидели четыре негра. Распрямив строгие позвоночники и по-страусиному вытянув шеи, они внимали экрану так доверчиво и прилежно, как, наверное, могли бы слушать воскресную проповедь.

Вдруг Толик вздрогнул: чья-то рука мягко и вкрадчиво легла на его коленку. Толик отвел глаза от экрана и взглянул на неведомую нахалку. Нахалка смотрела на Толика прямо и вопросительно, глаза ее, огромные, темные и влажные, были совсем близко. Толику стало жутко. По спине здоровенной улиткой прополз холодный ручей пота. Где-то на периферии его памяти забрезжила крохотная искра противнейской догадки.

Незнакомка произнесла что-то хищным баритональным шепотом, Толик нервно дернулся, парик съехал с головы незнакомки, и догадка стала реальностью.

Разумеется, ему и раньше приходилось слышать о «гомиках», он даже видел их кое-где в компаниях. Но то были свои, безобидные, в чем-то даже трогательные «гомики». Они кроили себе джинсы, стояли в очередях в Большой театр, рассуждали о Марселе Прусте и Маргарет Дюра и экономили копейку от зарплаты до зарплаты... Здесь же было нечто другое, чужое, враждебное, требовавшее от Толика некоего опасного знания.

— Ты чего, пес? — сипло спросил Толик, автоматически перейдя на чертановский диалект, не раз спасавший его в стычках с московской шпаной. — А ну прибери лапы, сучара! Давно асфальту не ел?..

«Незнакомка» сказала что-то обезоруживающее мягкое — видимо, извинилась — и тут же пересела в другой ряд. Но настроение у Толика было безнадежно испорчено. Он встал и, не глядя ни на пыхтящий экран, ни на свою «соблазнительницу», направился к той же двери, откуда пришел...

— Все в порядке, месье? — спросила хорошенькая девушка с фонариком, когда нахохлившийся Толик выходил на улицу.

— О да! — по-русски ответил Толик, стараясь казаться беспечным. — Все было замечательно, мадемузель!.. За исключением того, что меня чуть не трахнули!.. Но это мелочи!..

* * *

...Нагруженный свертками, Толик поднимался по лестнице. Откуда-то сверху, видимо, из комнаты латиноамериканцев, доносились треск маракасов и грохот каблуков. «Любовь и танцы — вот их страсть», — вспомнил Толик слова хозяйки.

Он уже добрался до середины лестницы, когда навстречу ему с гомоном ринулась неизвестно откуда взявшаяся толпа лилипутов. Лилипуты обтекали Толика с двух сторон, как сыплющиеся с горы камешки при небольшом обвале. Толпа исчезла так же внезапно, как и появилась.

Толик уже вставил ключ в замок своей комнаты, когда дверь справа, за которой, по словам хозяйки, обитала неведомая Сильви, приоткрылась. Толик услышал приглушенный женский смех и звонкий чмок поцелуя, после чего мимо Толика быстро — он даже не успел разглядеть лица — прошмыгнула мужская фигура. Толик проводил незнакомца глазами вплоть до лестницы и снова вспомнил слова мадам Лоран: «Очень серьезная девушка».

— Добрый вечер, месье! — Это было произнесено по-русски, и Толик понял, что обращаются именно к нему. Сильви стояла на пороге своей комнаты, придерживая рукой полы короткого халатика. — Вы наш новый квартирант? Мадам Лоран говорила мне о вас. Как вам нравится Париж?

— Ничего, — сдержанно ответил Толик. — Многое я именно так себе и представлял. Вот только почему у нас в доме так много лилипутов?..

— Они из цирка, — объяснила Сильви. — Пробудут здесь еще около недели. Вы не любите лилипутов? А я люблю. У них маленький срок жизни, и они живут очень ответственно.

— Вы так хорошо говорите по-русски, — Толик вдруг вспомнил о галантности. — Почти без акцента. Вы русская?..

— Не совсем, — Сильви смотрела на Толика просто и открыто, без малейшего кокетства, и этим нравилась ему все больше и больше. — Бабушка русская. А вообще-то я из Бельгии. В Париже только учусь. А вы писатель?

Толик насупился. Ему очень хотелось произвести на Сильви впечатление, но он все никак не мог попасть в нужный тон.

— Да, в общем, писатель... — Толик выбрал тон байронической отчужденности. — Политический эмигрант. Если вы понимаете, что это означает...

— О да, понимаю! — сочувственно кивнула Сильви. — Я многое знаю о России. Ну что ж, давайте знакомиться? Меня зовут Сильви.

— Очень приятно. А меня зовут Анатолий. Но на русский слух это слишком официально. Зовите меня просто Толя.

Толику хотелось казаться ироничным и раскованным, он даже попытался сделать озорной реверанс, но в ту же секунду все его свертки посыпались на пол. Бутылки, банки, гамбургеры, облитые кетчупом, — все это лежало теперь в общей безобразной куче, как символ сиротства его, Толика, холостяцкого бытия. Сильви это развеселило, она звонко захохотала, так бесстрашно обнажая гортань и зубы, что Толик, которому было не до смеха, все-таки успел отметить про себя, что во рту у нее не было ни одной пломбы...

— А вы знаете, Толя, — отсмеявшись, сказала Сильви. — Это даже хорошо, что вы не успели поужинать. Поужинаем вместе. Тут через дорогу есть очень милое кафе...

* * *

...Кафе оказалось прямо на улице. Несколько крохотных столиков, огороженных веревочным барьером. Остро пахло молотым кофе и жареным картофелем. Несмотря на поздний час прохожих на улице было предостаточно. Где-то совсем близко, как невидимый ручей, невнятно бормотал аккордеон...

Толик слишком стремительно влюблялся в Сильви, чтобы мог чувствовать себя раскованным в ее компании. Он мучительно напрягал мозг, пытаясь сочинить что-нибудь легкое, ненатужное, остроумное, но в мозгу искрило и замыкало, и разговор то и дело сползал в давно наезженную Толиком колею...

– Ну почему обязательно борьба?.. – горячилась Сильви. – Я не люблю этого слова!.. Нормальные люди не должны ни с кем бороться!.. Они должны просто жить!..

– Просто жить? – снисходительно усмехался Толик. – Просто жить – это для бабочек!.. Это значит жрать, спать и совершать естественные отправления!..

– Ничего подобного!.. – не сдавалась Сильви. – Просто жить – это значит любить, замечать красивое, радоваться солнышку...

– Как можно радоваться солнышку, – распалялся Толик, – если ты видишь его сквозь тюремную решетку?.. Счастье – это свобода!.. А свобода не дается без борьбы!..

– Но свобода – это фантом!.. – Сильви оказалась крепким орешком. – Абсолютной свободы нет нигде в мире!.. Человек может рассчитывать только на внутреннюю свободу!.. Так что же, вечная борьба?..

– Да, вечная борьба!.. – не без важности подтвердил Толик. – Вечная борьба за вечные идеалы!.. Правда, я сторонник бескровного оружия... Мое оружие – это мое перо!..

– Господи!.. – вздохнула Сильви. – И зачем вы только приезжаете в Европу?.. Если вы не можете без борьбы, сидите у себя дома и боритесь!.. Кто вам мешает?..

Толик подготовился что-то возразить, но тут зрачки его остановились, он напрягся и замер, как гончая, учゅявшая дичь. Сильви проследила его взгляд, но не увидела ничего такого, что могло бы привлечь его внимание...

– Наши!.. – Толик кивнул на группу молодых людей, робко толкавшихся у обувной витрины. – Совки вы мои родимые!.. Нигде от вас спасу нет!..

– Почему ты думаешь, что это ваши?.. – удивилась Сильви. – На них не написано!.. Может, поляки или югославы... Это же туристический район!..

– Наши!.. – уверенно повторил Толик. – А галстучки на резиночках?.. А стадный способ передвижения?.. А ожидание провокации в глазах?.. Нет, я своих за версту чую!..

Толика тянуло на подвиги. Ему безумно хотелось завоевать Сильви сейчас, немедленно, сию секунду, и неожиданное появление соотечественников смутно обещало такую возможность...

– Привет, земляки!.. – Толик с сердечной улыбкой подошел к сгрудившимся у витрины. – Услыхал родную речь – не мог пройти мимо... Я тут в долгосрочной командировке... А вы, как я понимаю, туристы?..

– Делегация от комсомола!.. – авторитетно пояснил паренек в очках. – Активисты со всего Союза!.. Из Тулы, из Вологды, из Иркутска!..

– Молодцы!.. – неизвестно за что похвалил комсомольцев Толик. – А не боитесь гулять в такое время?.. Спецслужбы не дремлют!.. Тут даже дворники – цереушники!..

– А чего нам бояться?.. – хихикнула бойкая девчушка со ставропольским акцентом. – Мы поодиночке не ходим!.. И потом, у нас телефон посольства есть!..

– Значит так, ребята!.. – внезапно посоветовал Толик. – Обстановка сейчас напряженная. На правах старожила даю совет. По Плас Пигаль не шляться. В секс-шопах не светиться. В порнокинотеатры неходить.

– Да, нас инструктировали... – разочарованно сказал кто-то из группы. – Туда не ходи, сюда не ходи... А куда же тогда ходить-то?

– В Лувр!.. – жестко ответил Толик. – В Лувр и только в Лувр!.. В смысле провокаций это самое безопасное место... Что делать, ребята!.. Противно, но выхода нет!..

– Да нас только по музеям и водят!.. – нестройно заныли комсомольцы. – Мы самого Парижа-то и не видели!.. А послезавтра уже улетать!..

– Кстати! – оживился Толик. – Может, передадите весточку на родину?.. Я мог бы воспользоваться служебными каналами, но раз есть оказия... .

– Конечно, передадим!.. – хором заверили комсомольцы. – Какие проблемы!.. Только адрес оставьте!.. Или телефон!..

Толик оглянулся по сторонам, давая понять, что дальнейшая информация не предназначена для посторонних ушей, – смышленые комсомольцы мгновенно уловили Толиков сигнал и тут же сдвинулись в тесный заговорщицкий кружок.

– Так вот, братцы-кролики!.. – свистяющим шепотом сказал Толик. – Передайте вашему гребанному правительству и лично товарищу Суслову...

Последние его слова утонули в громком гвалте проходившей мимо компании, но по застывшим лицам комсомольцев было видно, что они услышали все, что Толик хотел довести до их сведения...

...В следующую секунду они уже улепетывали вдоль по тротуару, целеустремленно тарана собой праздную толпу, точно небольшой кавалерийский эскадрон, срочно вызванный к месту боевых действий...

– Комсомольцы-ы, добровольцы-ы!.. – дурашливо пел им вслед Толик. – Мы сильны нашей верной дружбой!.. Сквозь огонь мы пройдем, если нужно!..

– Толя, не надо!.. – потянула его за руку Сильви. – Пойдем отсюда!.. Не хватало тебе в первый же вечер познакомиться с местной полицией!..

– Вот это свобода!.. – изумился Толик. – Когда «голубые» хватают тебя за задницу – никакой полиции рядом нет, а когда тебе хочется спеть задушевную русскую песню – полиция тут как тут...

* * *

...Пока Сильви забирала в рецепции ключи и почту, Толик с удивлением наблюдал, как с улицы вползала в холл престранная процесия. Это были молодые бритоголовые люди в длинных просторных одеяниях и в сандалиях на босу ногу, каждый держал в руках что-то вроде деревянной трещотки, звук которой отдаленно напоминал треск кастаньет...

– Эти кришнайты, – объяснила Сильви, перехватив недоуменный Толиков взгляд. – Они проводят марш мира. То есть, путешествуют по разным городам и раздают пацифистские возвзвания...

Проходя мимо Толика и Сильви, кришнайты так низко склоняли головы и так почтительно здоровались, как если бы сегодня им посчастливилось встретить самого Кришну с супругой. Судя по тому, как спокойно отреагировала на появление пришельцев мадам Лоран, Толик понял, что эти странные люди тоже являются законными обитателями этого дома...

– Ты, наверное, очень устал... – сказала Сильви. – Но если завтра тебе не рано вставать, мы могли бы зайти ко мне и выпить кофе...

* * *

...Комната Сильви была под стать Толиковой и выглядела более чем скромно. На туалетном столике громоздились всевозможные пузырьки, баночки, коробки, вороха дешевой бижутерии. С настенного календаря глупо улыбался красавец в плавках, рекламировавший лосьоны от Диора. На диване валялись брошенные и забытые в попыхах

блузки и юбки...

Необъятный и таинственный мир, полный огней и интриг, сузился до размеров обычного гостиничного номера, и ореол «блестательной парижанки» вокруг Сильви изрядно померк, но сейчас Толику это даже нравилось: «домашняя» Сильви казалась ему проще, понятней и ближе, с ней он чувствовал себя спокойней и уверенней...

— Послушай!.. — неожиданно для себя сказал Толик. — Сегодня я впервые прилетел в Париж... И первая женщина, которую я здесь встретил, была ты... Может, это судьба?..

— Я всего лишь соседка!.. — Сильви была явно не готова к столь фундаментальному прологу. — Роман с соседкой — это несерьезно. Вот если бы мы столкнулись на улице, в толпе...

— Даже если бы я прожил в Париже всю жизнь, — Толик продолжал настаивать на эпохальной интонации, — и встретил тебя перед самой смертью, ты все равно была бы для меня первой!

— Красиво!.. — смиренно согласилась Сильви. — Так мог бы сказать Мопассан. Правда, он сделал бы это втрое короче и не так патетично...

— У тебя есть кто-нибудь?.. — почти грубо спросил Толик. — Ну, я имею в виду... друг или любовник... не знаю, как это у вас называется...

— А как ты думаешь? — Сильви все больше забавляла Толикова основательность. — Я вполне взрослый человек. Должна же у меня быть какая-то личная жизнь?..

— Так вот с сегодняшнего дня, — мрачно объявил Толик, — никакой личной жизни у тебя не будет. Теперь я буду — твоя личная жизнь. Я один.

— Толя!.. — Сильви даже всплеснула руками. — Да ты скрытый тиран!.. А как же все твои разговоры о свободе личности?..

— Свобода свободой, — без тени юмора сказал Толик, — а увижу здесь какого-нибудь козла — башку ему оторву, так и знай!..

Сильва расхохоталась. Толик некоторое время растерянно смотрел на нее, будто соображая, чем же он ее так рассмешил, а потом вдруг обхватил ее лицо ладонями и поцеловал прямо в смеющийся рот.

* * *

Среди ночи тишину дома прорезал истошный женский вопль, затем послышались сердитые мужские голоса. Беседа велась явно не в парламентарных тонах.

Сильви и Толик еще некоторое время лежали в постели, прислушиваясь к тому, что происходило в коридоре, а потом разом, как по команде, откинули одеяло и принялись одеваться.

Они успели как раз к финалу разыгравшейся драмы. Двое смуглых мужчин, явно южного происхождения, отчаянно жестикулируя, наскакивали друг на друга, точно два бойцовых петуха. Красивая рослая женщина — вероятно, тоже дитя экваториального пояса — пыталась утихомирить их как могла, но, в результате, только подливала масла в огонь. При всем своем лингвистическом невежестве Толик все-таки уловил, что перепалка шла на испанском.

Между тем коридор заполнялся людьми. Разноцветными стайками высыпали из своих комнат лилипуты. Степенной вереницей притопали кришнайты. Появились еще какие-то люди, которых Толик видел впервые.

Внезапно один из спорщиков резко выбросил руку вперед — Толик даже не услышал звука удара — и его оппонент кубарем полетел вниз по лестнице. Победитель швырнул вслед поверженному еще несколько темпераментных проклятий, после чего сгреб рослую красавицу в охапку и стремительно уволок ее в комнату. Так Толик впервые познакомился с Рикардо и Долорес.

Толпа квартиронтов постояла еще некоторое время в оцепенении, а затем, словно

очнувшись, задвигалась, завозилась, зашумела...

Сильви и Толик спустились на один лестничный марш. Пострадавший лежал без движения, уткнувшись лицом в пол. На светлом пиджаке его во всю правую лопатку расплывалось громадное кровавое пятно. В центре пятна торчал здоровенный нож...

– Боже мой! – ахнула Сильви. – Надо срочно вызвать врача и полицию. Может быть, его еще можно спасти!..

Неожиданно пострадавший слабо застонал, зашевелился и вскочил на ноги с резвостью, которой никак нельзя было ожидать от столь очевидного кандидата в покойники. Он осторожно завел левую руку за спину и, чуть поморщившись, рывком выдернул нож из-под лопатки. Затем аккуратно вытер его носовым платком и сунул во внутренний карман пиджака с таким видом, как если бы это была обыкновенная расческа. Видимо, сознавая необычность продемонстрированного им аттракциона, пострадавший счел необходимым обратиться ко всем присутствующим – а главным образом к Толику и Сильви, – с пространной тирадой, в которой французская речь была густо перемешана с испанской.

– Он говорит, – с трудом переводила Сильви, – что не надо ни врача, ни полиции. Он не хочет для Рикардо никаких неприятностей. Кроме того, Рикардо пытается заколоть его уже не в первый раз, но, по счастью, все заживает на нем, как на собаке...

С этими словами пострадавший задрал рубашку и предъявил любопытствующим смуглый живот, на котором и в самом деле можно было увидеть множество шрамов.

– Рикардо его близкий друг, – продолжала переводить Сильви, – и соратник по борьбе. Но Рикардо очень ревнив.

Он постоянно ревнует всех к своей жене Долорес. Этот недостаток очень мешает ему как лидеру, и собратья по партии неоднократно говорили ему об этом...

Толпа квартирников сгрудилась на верхней лестничной площадке и напоминала благодарную цирковую галерку, каждую секунду готовую взорваться овациями на любую хлесткую реплику шпрехшталмейстера.

– В заключение он хочет сообщить, – переводила Сильви, – что его зовут Хорхе Гонсалес. Он благодарит всех собравшихся за участие в его судьбе и считает, что пока в отдельных людях есть сострадание к ближнему, человечество может рассчитывать на лучшее...

Несостоявшийся покойник церемонно раскланялся и исчез в темноте лестничного марша.

Лилипуты и кришнайты заапплодировали.

* * *

...Утром Толик, довольный собой, стоял под душем. Сегодня ему нравилось все – нравилась погода, нравился Париж, нравилась Сильви, нравилась седенькая и чистенькая мадам Лоран с постоянно исходящим от нее слабым запахом пиццы, нравился весь этот суматошный дом, густо населенный эксцентричными фантомами из всех стран света, а самое главное – нравился себе и сам Толик, нравился глубоко и принципиально.

Вот он стоит, по пояс отраженный в запотевшем зеркале, совсем еще не старый мужчина с далеко не дряблыми мышцами, а если хорошенъко выдохнуть воздух, то исчезнет и намек на грядущее пузцо, а если обратиться к хорошему стоматологу, то можно будет улыбаться обеими сторонами рта сразу... Нет, нет, сегодня Толик решительно себе нравился. Решительно и бесповоротно.

Зазвонил телефон. Толик выключил воду, подхватил полотенце и, наспех задрапировавшись, выскочил из ванной. В трубке любезно застремотали по-французски, и Толик успел уже было приуныть, как вдруг в картавом мусоре чужой речи остро сверкнуло родное словечко «Москву».

– Да, да! – закричал Толик по-русски. – Это я заказывал Москву! – и, спохватившись,

добавил: – «Уи, уи, сэ моя! Мерси, мадемуазель!» – В трубке что-то пискнуло, а потом послышался голос Евпатия.

– Але? – всего-то и произнес Евпатий, а Толик уже облился слезами. Такого тягучего, ленивого, томного «але» нельзя было услышать нигде в мире, кроме того громадного и чумазого города, который Толик любил и ненавидел одновременно и куда дорога была ему заказана раз и навсегда.

– Здорово, Евпатий! – сглатывая слезы, проговорил Толик. – Это я, Толик Парамонов!.. Да Париж как Париж!.. Нет, в Лувре еще не был!.. Устраивался с жильем, то да се... Ты лучше расскажи, как вы там, мои дорогие!..

Сзади хлопнула дверь, но Толик не обратил на это внимания. Сейчас ему хотелось только одного – говорить!.. Говорить много, взахлеб и обо всем сразу, исторгая массу необязательных слов, перескакивая с темы на тему, промахивая важное и заостряясь на пустяках... Словом, говорить так, как это умеют делать только в Москве, в тесной компании, за бутылкой водки...

– Спасибо тебе за Андрея, Евпатий!.. Да, очень помог!.. Если бы не он, не знаю, что бы я делал!.. Да вот, жду ответа из редакций!.. Уверен, что напечатают!.. Парамоновы на улице не валяются!..

Сзади коротко кашлянули. Толик обернулся. У двери стоял Андрей. Живописный все-таки тип, этот Андрей. Черное пальто, черная шляпа, белый шарф. Элегантный кредитор с того света, явившийся по душу очередного грешника.

– Ты извини, Евпатий!.. – сконфуженно забубнил в трубку Толик. – В одном звонке всего не расскажешь!.. Я тебе потом перезвоню, ладно?.. А лучше напишу!.. Привет Аглае!.. Ах да, извини!.. Ну, пока!..

Толик положил трубку и с надеждой взглянул на Андрея. Он всегда презирал расфранченных хлыщей, слонявшихся по вечерам по улице Горького, подозревая в них либо альфонсов, либо фарцовщиков, но этот парижский плейбой внушал ему уважение и даже трепет. В его спокойствии чувствовалась скрытая сила. А кроме того, сейчас от Андрея зависела вся Толикова жизнь.

– Я тебя предупреждал, – ровным голосом сказал Андрей, – у меня лишних денег нет. Международные звонки здесь стоят недешево. Надо как-то соизмерять свои аппетиты со своими возможностями.

– Бог ты мой! – театрально завопил Толик, воздевая руки к небу. – Здесь все с утра до ночи говорят только о деньгах!.. Даже русские с их бескорыстием!.. Не серчай, барин!.. Заработка – отдам!..

– Хочется верить, – Андрей смотрел на Толика без улыбки. – Но покамест мне дали понять, что местная печать в твоих услугах не нуждается...

– Отказали? – ахнул Толик и забегал по комнате. – Везде отказали?.. Да нет, ты что-нибудь не так понял!.. Не могли они отказать!.. На каком основании?..

– Чисто советский синдром! – жестко усмехнулся Андрей. – Ты еще спроси, по какому праву!.. Тут тебе не Москва, паренек!.. Качать права будешь в родном жэке!..

– Но как они успели все прочитать? – не унимался Толик. – Нет, нет, тебя просто обманули!.. За такой короткий срок невозможно прочесть даже один мой роман!..

– Видишь ли, – рассудительно сказал Андрей, – в редакциях сидят профессиональные люди. Им незачем читать тебя целиком. Достаточно десяти страничек, чтобы понять, что твоя фамилия не Толстой!..

Толик задохнулся от возмущения, пытался что-то сказать, но вместо слов из гортани его вырвалось какое-то бульканье. Он сел на диван и закрыл лицо руками. Андрей смотрел на него печально и сочувственно.

– Ладно, собирайся! – сказал он со вздохом. – Попробуем сунуться еще в одно местечко. Только на этот раз таскай свое творчество сам. Я тебе больше не носильщик!

* * *

...Обстановка издательского офиса не вызывала в Толике никаких уважительных эмоций... Три задрипаных комнаташки, сплошь забитые пыльными связками книг и журналов в анонимно серых обложках... Да и сам хозяин офиса – хрупкий старишок в простом костюмчике – больше походил на среднего советского бухгалтера, нежели на серьезного парижского издателя... Самой яркой и шумной фигурой в этой скромной обители был здоровенный говорящий попугай. Попугай говорил исключительно по-русски. Он раздражал Толика тем, что постоянно встревал в разговор и задавал дурацкие вопросы посредством цитат из русской классики.

– Ну, хорошо! – азартно наседал на старишку Толик. – Пусть вам не нравится моя проза!.. Но почитайте хотя бы мою публистику!.. К примеру, вот это!.. «Амурные похождения Екатерины Фурцевой»!

– Послушайте! – старишок был вежлив, но непреклонен. – Нас не интересуют ничьи амурные похождения. Я готов дать вам тысячу франков из личных денег, но я не могу рисковать репутацией издательства...

– Скажи-ка, дядя, ведь недаром? – хрюпал попугай и требовательно уставился на Толика.

– Черт подери! – в поисках поддержки Толик обернулся было к Андрею, но тот сосредоточенно уткнулся в журнал, делая вид, что все происходящее его не касается. – Черт подери, да кто вам сказал, что, печатая мои вещи, вы чем-то рискуете?.. Меня читает вся советская интеллигенция!

– Не могу ей этого запретить! – развел руками старишок, – о вкусах не спорят!.. Хотя лично я на ее месте читал бы Гоголя...

– Русь, Русь, куда несешься ты?!.. – снова прохрипел попугай и, нахохлившись, замер, видимо потрясенный глубиной вопроса.

– А позвольте поинтересоваться, – ехидно прищурился старишок. – У вас есть лагерный цикл «Мордовские рассказы». Вы что, сидели в Мордовии?..

Вопрос был неожиданным и попал в точку. Толик смущенно заерзал в кресле, но по инерции продолжал сохранять наступательный тон.

– Нет, не сидел!.. А разве это необходимо?.. Есть документы, свидетельства, очевидцы... Писатель имеет право на художественный домысел!..

– Мой вам совет, – наставительно сказал старишок. – Никогда не пишите о страданиях, которых не испытали лично. Это неблагородно.

– Нет, ты слыхал?!. – Толик сардонически расхохотался и снова обернулся к Андрею. – Они еще нас учат!.. Ну, конечно, им отсюда виднее, что делается в наших лагерях!..

– Мне виднее, – устало подтвердил старишок. – Я отсидел там тринадцать лет. Извините, у меня еще сегодня много работы. Сожалею, что не смог быть вам полезным.

Толик сгреб со стола свои листочки, подхватил свой необъятный чемодан и, кренясь на ходу, как корабль, получивший пробоину, направился к выходу.

– Хотят ли русские войны? – ни к селу ни к городу спросил попугай. Толик не ответил.

* * *

Андрей спускался по лестнице первым. Он шел легкой походкой независимого человека, даже не оборачиваясь на своего спутника, видимо, пребывая в спокойной уверенности, что тот наверняка следует за ним. Толик, красный, злой и взъерошенный, одышливо пыхтел сзади, волоча за собой злополучный чемодан.

– Не вешай нос! – по-прежнему не глядя на Толика, посоветовал Андрей. – Среди здешней русской эмиграции есть состоятельные люди. Найдем тебе покровителя!..

– Найдешь их тут! – задавленно просипел Толик. – У них один принцип: выгодно или

невыгодно!.. А на русскую литературу им наплевать!.. Торгали вонючие!..

— А ты как думал? — ласково удивился Андрей. — Тут тебе не московская кухонька: бутылка водки, килька в томате и карбонарские разговоры до утра!.. Тут работать надо!..

* * *

... Толик кое-как угромоздил свой чемодан в багажник и с облегчением плюхнулся на сиденье рядом с Андреем. Машина тронулась.

— Слушай-ка! — неожиданно сказал Андрей. — А не плюнуть ли нам на великую русскую литературу, а?.. У меня на примете есть одна толковая фирма. Они делают прелестные гробы!..

— Что?.. — Толик поперхнулся сигаретой. — Какие к черту гробы?.. Шути поизящней, а то у меня нервы не в порядке...

— Я не шучу! — Андрей пристально смотрел на дорогу. — Чистое дело и приличные деньги. Работают в основном эмигранты. Поляки, сербы, турки...

— Изdevаешься? — на глазах у Толика закипели слезы. — Да лучше я подохну с голоду, чем стану делать гробы!.. Я не гробовщик, я писатель!..

— Ты уверен? — спокойно спросил Андрей. Спросил буднично, без иронии, без желания обидеть. Спросил, вовсе не ожидая ответа, словно он был известен ему и так. — Спрячь свои амбиции, дружок!.. В Париже хороший гробовщик стоит дороже, чем говенний писатель...

* * *

... Толик втащил чемодан в комнату и бухнул его на пол. Затем пошарил в шкафу и достал оттуда заветный моток веревки. Он долго и тщательно ладил петлю, придиличко вымерял длину веревки, вдумчиво изучал потолок. Когда же наконец он надел петлю себе на шею, закрыл глаза и попытался сосредоточиться перед прыжком в вечность, — за стеной ликующе скрипнули диванные пружины и во всю мощь загремела неизбытная кумбия...

Толик стоял на стуле с закрытыми глазами и с петлей на шее, не будучи в силах даже возмутиться. Он стоял, величественный и оскорблённый, как приготовившийся к молитве пустынник, на голову которому нагадил случайный орел... Затем сбросил с себя петлю и принялся отвязывать веревку...

* * *

Здесь, в коридоре, кумбия гремела еще громче. Толик постучал — сначала тихонько, потом настойчивее. Ему не ответили. Тогда он толкнул дверь и шагнул в комнату. Шагнул и обмер. В комнате, сплошь заклеенной портретами Маркса и Че Гевары, прямо под кумачовым транспарантом с пламенной формулой: «*Patria a muerte!*» на утлом скрипучем диване революционная супружеская пара истово и простодушно занималась любовью...

Женщина увидела Толика, округлила глаза и сказала мужчине что-то по-испански. Пара вскочила с дивана, прикрывая причинные места. Толик смущился, но ненадолго: эти бесстыжие дети Кордильер сорвали ему мероприятие посерезнее...

— Мьюзик!.. — выразительно сказал Толик и заткнул себе уши пальцами. — Слишком громко!.. Вы тут не одни!.. Так нельзя!..

Рикардо и Долорес стояли перед Толиком голые, как Адам и Ева накануне изгнания из Эдема, и старались понять, чего хочет от них этот незваный и сердитый визитер.

— Нон мьюзик! — Толик попытался быть максимально доходчивым. — Выключите эту хреновину!.. Вас слышно на весь квартал!..

Рикардо и Долорес переглянулись и снова уставились на Толика. Тогда Толик размашисто прошагал через всю комнату, протянул руку к магнитофону и резко нажал нужную кнопку. Кумбия смолкла.

– Вот так!.. – наставительно сказал Толик. – И давайте договоримся, впредь без музыки!.. Все то же самое, но без музыки!..

Рикардо наконец сообразил, что происходит, и с яростным рыком ринулся на Толика. Какое-то время Толик трепыхался в его мощных лапах, как перепелка в силке, потом мир для него перевернулся, и он почувствовал, что летит... Приземлился он на той же лестничной площадке, что и злосчастный Хорхе Гонсалес, в точности повторив его траекторию...

Захлопали двери. Дом, охочий до зрелиц, привычно заполнял «галерку». Шумно гомонили лилипуты. Опасливо шуршали кришнайты. Снизу, из рецепции, квохча, прискакала мадам Лоран. Последней появилась Сильви...

Рикардо, застигнутый публикой неглиже, неожиданно застеснялся и нырнул к себе в комнату. Оттуда – больше для порядка – выкрикнул еще несколько раскатистых испанских ругательств и только после этого захлопнул дверь...

– Толя! – Сильви коснулась волосами Толикова лица. – Как ты себя чувствуешь?.. Он тебя не ранил?..

– Ничего!.. – Толик ощупал голову и поморщился. – Только башкой треснулся... Ты видела, как я летел?..

– Да, – сказала Сильви. – Это было эффектно. Ты летел, как Хорхе Гонсалес. Вверх тормашками.

– Я летел, как буревестник, – поправил Толик. – А вот приземлился неэлегантно. Но я потренируюсь!..

Он поднял глаза. «Галерка» смотрела на него с доброжелательным ожиданием: любой спектакль требует внятной точки. Что ж, традиция есть традиция.

– Спасибо за внимание, господа!.. – поблагодарил Толик. – Простите, что мало!.. Надеюсь, в ближайшее время побаловать вас чем-нибудь еще!..

* * *

...Мрачный Толик, раздетый по пояс, сидел на диване. Сильви хлопотала вокруг него, как трепетный реставратор вокруг античной статуи, щедро заклеивая пластырем свежие ссадины...

– Что за манера трахаться под музыку?.. – вслух размышлял Толик. – Да еще под портретами вождей!.. Это что, как-то бодрит?.. Или это просто марксистский принцип?..

Сильви понимала, что эксцентричные супруги Фуэнтес меньше всего занимают сейчас Толиковы мысли. Сегодня произошло нечто посерьезнее и пострашнее, чем скандал на лестнице, сегодня разом рухнули все Толиковы иллюзии и погребли под своими обломками не только его гордыню и честолюбие, но и самое желание жить...

– Толя!.. – осторожно сказала Сильви. – А может, нам попробовать издать твою книгу за собственный счет?.. Я не знаю, сколько это может стоить, но у меня есть кое-какие сбережения...

– Еще чего!.. – вспыхнул Толик. – За собственный счет пусть издаются графоманы!.. А настоящая литература не нуждается в милостыне!.. Она сама эту милостыню подает!..

– Извини! – тихо сказала Сильви. – Просто ты мне нравишься... И мне хотелось тебе помочь... По-моему, это вполне естественное желание...

– Ты мне тоже нравишься... – Толик попытался улыбкой снять напряжение. – Но у тебя есть только один способ мне помочь... Надо каждый день говорить мне, что я гений!..

– Это нетрудно!.. – Сильви все еще продолжала дуться. – Можно я начну прямо сейчас?.. Ты гений, ты гений, ты гений!..

В дверь вежливо поскреблись, и на пороге возникла мадам Лоран. Из-за ее не очень внушительных бедер выглядывали встревоженные мордашки лилипутов. Пришедшие заговорили громко, одновременно и без пауз, пытаясь перекричать друг друга, – все это вместе создавало впечатление сплошного неумолчного цикадного звона, из которого трудно было выловить какой-нибудь один магистральный звук...

– Мадам Лоран говорит, – наконец сориентировалась Сильви, – что кто-то вызвал сюда полицию... Полицейские уже прибыли и хотят побеседовать с пострадавшим... То есть, с тобой...

Похоже, между хозяйкой дома и ее маленькими квартирантами назревал нешуточный конфликт – лилипуты гневно дергали мадам Лоран за юбку, та шипела на них, как гусыня на непослушных гусят. Не найдя согласия в своих рядах, вся компания снова развернулась к Толику и Сильви...

– Мадам Лоран просит тебя замять недоразумение! – под возмущенный ропот лилипутов перевела Сильви. – Она говорит, что до сих пор ее дом пользовался приличной репутацией, и ей не хотелось бы иметь неприятности с полицией...

– О чём речь!.. – Толик великодушно развел руками. – Скажи ей, что месье Фуэнтес мне даже симпатичен!.. Если бы все коммунисты занимались только тем, что с утра до вечера трахали своих жен, – мир полюбил бы их, как родных!..

По добродетельному лицу мадам Лоран пробежала тень смятения. Она была явно шокирована демократичностью толиковых формулировок, но, поскольку главный очаг ее беспокойства был ликвидирован, она рассыпалась в благодарностях и устремилась вниз по лестнице, увлекая за собой ворчащих лилипутов, недовольных столь грубым и очевидным попранием истины...

– А все-таки хорошо, – сказал себе Толик, – что этот опереточный идиот съездил мне по морде!.. Иногда это бывает полезно!.. Мужчина не должен кукситься, он должен бороться!..

* * *

... В холле собирались все обитатели дома. Лилипуты и кришнайты облепили троих полицейских и хором давали показания. Рикардо и Долорес кричали громче всех, но их никто не слушал. С появлением мадам Лоран, Сильви и Толика все взгляды обратились в их сторону. Один из полицейских – видимо, старший – безошибочно угадал в Толике пострадавшего.

– Может ли месье Парамонов, – обратился полицейский к Толику, – подробнее изложить суть конфликта, происшедшего между ним и месье Фуэнтесом?..

Сильви перевела вопрос на русский.

– Никакого конфликта не было! – беспечно пожал плечами Толик. – Я спускался по лестнице и оступился. Со мной это бывает.

– Но свидетели утверждают, – с нажимом продолжал полицейский, – что месье Фуэнтес периодически устраивает в доме дебоши на почве ревности. Так ли это?..

– Кто это утверждает?! – почти искренне возмутился Толик. – Супруги Фуэнтес – образец семьи!.. Я в жизни не видел более корректных и воспитанных людей!..

Сильви чуть не прыснула, но честно перевела сказанное на французский.

– Следует ли понимать ваши слова таким образом, – подытожил полицейский, – что у вас нет никаких претензий к месье Фуэнтесу?..

– Абсолютно! – твердо отчеканил Толик. – Надеюсь, что и месье Фуэнтес не испытывает ко мне никаких иных чувств, кроме уважения и симпатии!..

Рикардо заулыбался, закивал, зажестикулировал и кинулся сжимать Толика в объятиях, с такой страстью, как будто встретил фронтового друга, которого уже не чаял застать в живых.

Толпа заметно поскучнела, потеряла интерес к происходящему и стала потихоньку разбредаться по этажам. Полицейские оттерли в сторону мадам Лоран и вполголоса уточняли с ней какие-то формальности. В холле остались только две пары – Рикардо и Долорес, Толик и Сильви.

Рикардо отвесил Толику картинный поклон и, сделав серьезное и важное лицо, произнес несколько фраз на своем ломаном французском.

– Рикардо говорит, что он приносит тебе свою благодарность!.. – бесстрастно перевела Сильви. – Сегодня ты помог не Рикардо Фуэнтесу!.. Сегодня ты помог революции!..

– Пошел он в жопу со своей революцией!.. – приветливо улыбаясь, ответил Толик. – У меня от своей изжоги!.. Робеспьеров до хера, а работать некому!..

– Так и перевести? – без улыбки спросила Сильви. – Нет уж, я сделаю свой перевод!.. Во избежание неприятностей!..

Видимо, Сильви сделала перевод весьма далекий от оригинала, ибо Рикардо расплылся в довольной улыбке и разразился еще более пространной тирадой.

– Рикардо очень рад, что вы единомышленники! – перевела Сильви. – Сегодня годовщина свадьбы Рикардо и Долорес!.. Приглашены только самые близкие друзья!.. Семья Фуэнтес считает нас таковыми!..

* * *

…И снова затрещали маракасы и застонали гитары. Гостей набралось человек пятнадцать, мужчины и женщины, в основном, молодежь. Гортанные, смуглые, белозубые – все они, видимо, были детьми одной и той же страны.

Улыбающийся Рикардо галантно наполнял бокалы и делал прянные комплименты женщинам. Танцующая Долорес раскручивала юбку вокруг бедер, время от времени демонстрируя присутствующим трусики цвета кумача. Томный Хорхе Гонсалес смотрел на нее глазами, похожими на две лопающиеся от сока вишни.

Толик и Сильви толкались среди танцующих пар, как два петеушника на выпускном балу. Толику было хорошо и спокойно. Даже портрет Маркса на стене не вызывал у него никаких эмоций: дед как дед, а если прищуриться, то даже смахивает наDarвina.

Неожиданно музыка оборвалась – Рикардо пожелал сказать спич. Говорил он долго, хрипло и энергично, рубя воздух обеими руками, как, в общем, и полагается уважающему себя лидеру. Глаза присутствующих горели нездешним огнем, некоторые сморкались в носовые платки…

– Ты бы хоть перевела! – шепотом попросил Толик. – А то сижу, как тумбочка!..

– Он говорит по-испански! – так же шепотом ответила Сильви. – Я поняла только два слова – «любовь» и «революция»!

Рикардо закончил речь и тут же запел «Интернационал», все слаженно поддержали, видимо, это было традицией. Толик пел вместе со всеми, пел по-русски, с трудом вспоминая слова.

Сильви толкнула его в бок, он поднял глаза и поперхнулся на середине фразы. В проеме открытой двери стоял Андрей. Лицо его было насмешливо и спокойно. Толик судорожно поозирался – никто не обращал на него внимания. Тогда он потихоньку выбрался из-за стола и почему-то чуть не на цыпочках вышел из комнаты, не забыв аккуратно притворить за собой дверь.

* * *

– Славные у тебя приятели!.. – похвалил Андрей. – И очень музыкальные!.. Почему бы тебе не разучить с ними пару песен Серафима Туликова?..

– Понадобится – разучу!.. – окрысился Толик. – Это не твое дело!.. И вообще мне надоело, что ты учишь меня жить!..

– Да что ты?.. – Андрей округлил глаза. – А тебе не надоело, что я оплачиваю твоё существование?.. Или это тоже не мое дело?..

– Пойми меня правильно!.. – Толик сбавил тон. – Я очень благодарен тебе за поддержку... Но нельзя же обращаться со мной, как с семилетним пацаном!..

Внезапно «Интернационал», уже набравший было грозовые обертона, оборвался на полуфразе. Дверь комнаты Фуэнтесов с треском распахнулась, и оттуда панической ласточкой выпорхнул Хорхе Гонсалес. Изящно приземлившись на своей обычной посадочной площадке, он быстро вскочил на ноги, одернул задравшийся пиджак и, заметив случайных зрителей, философически развел руками: мол, чего же иного ждать от этого дикаря Рикардо, такой уж у него поганый характер!..

– Как мило!.. – восхитился Андрей. – Простенько и доступно!.. И часто вы так развлекаетесь?..

– Рядовой аттракцион!.. – прокомментировал Толик. – Орлята учатся летать!.. У нас еще и лилипуты есть!..

– А теперь о деле!.. – посерезнел Андрей. – Некая дама прочла пяток твоих рассказов и, кажется, готова их напечатать!..

– Правда?.. – вскинулся Толик. – Так что же ты молчал?.. Пять рассказов – это, конечно, чепуха, но лиха беда начало... А что за дама?..

– Сурьезная дама! – успокоил его Андрей. – Пра-пра-пра... правнучка художника Кипренского. Или его однофамилица. Очень авторитетна в русских издательских кругах!..

– Спасибо тебе, Андрей! – Толик растрогался до слез. – Ты настоящий товарищ!.. А то я уж было перестал надеяться!..

– А ты не торопись надеяться! – остудил Толика Андрей. – Сначала вам надо познакомиться!.. Так что живо собирайся и спускайся вниз!..

* * *

...Ресторанчик был заполнен наполовину. Публика здесь собралась, в основном, пожилая и спокойная. Только в темной нише, как кроты в норе, возились невидимые до поры оркестранты, – видимо, готовились к выступлению.

– Здесь бывают только русские, – пояснил Андрей. – Русская кухня, русский оркестр... Хотя все это, конечно, клюква для старишек... Повспоминать, поплакать... Молодежь сюда практически не ходит...

– Мадам заставляет себя ждать! – Толик глянул на часы. – Ты уверен, что она вообще придёт?..

– Не нервничай! – Андрей критически оглядел своего подопечного. – Что ты насупился, как милиционер в засаде?.. Ослабь галстук, взбей челку и вообще веди себя попроще...

– Шармировать я не буду! – гордо заявил Толик. – Я не Ален Делон!..

– Иды ты! – удивился Андрей. – А я вас все время путаю!.. Ну, раз ты не Делон, у тебя только одно оружие – пламенный глагол!..

Толик не успел ответить. Андрей вдруг сорвался с места и, лавируя между столиками, кинулся навстречу немолодой dame в каштановом парике. Толик надеялся увидеть некую парижскую диву с лебединой шеей и фиолетовыми глазами, нечто вроде тех, что показывают по телевизору с международных выставок женских мод, а увидел довольно нескладную пожилую тетку в скромном сером костюмчике, напоминавшую скорее школьную директрису или секретаря райкома. Толик захандрил и потянулся к водке.

– Она, видишь ли, желает познакомиться! – мрачно сказал себе Толик и наполнил стакан до краев. – Тоже мне, принцесса монакская!.. А с Чеховым она не желает

познакомиться?..

Он выдохнул воздух, поморщился и разом опрокинул водку в рот. Оркестр заиграл «На сопках Манчжурии». За столиками оживились, зазвякали посудой, загомонили...

– Придется немного подождать! – Андрей наконец вернулся к столику. – У нее сегодня несколько деловых встреч. Она даст знать, когда освободится.

– Ах, к ней еще и очередь!.. – развеселился Толик. – Ну, тогда я пошел танцевать!.. Не могу же я сидеть весь вечер, как дурак с вымытой шеей!..

– Не бузи!.. – предупредил Андрей. – И перестань изображать расшалившегося гения!.. В конце концов, сегодняшнее мероприятие нужно только тебе!..

– Но ты же сказал: «будь попроще»! – кротко изумился Толик. – Вот я и пытаюсь быть попроще!.. Почему я не могу потанцевать?.. Или в этой кунсткамере не танцуют?..

– Сядь! – жестко приказал Андрей. – Я сказал тебе, сядь!.. Если ты сию же минуту не сядешь на место, я плюну на все и уйду!..

– Ой, как страшно! – Толик глумливо зажмурил глаза. – Думаешь, кинул мне башлей, так я у тебя в кулаке?.. Да положил я на твои башни!.. Я свободен, понял?.. Сво-бо-ден!..

Толик лихо крутнулся на каблуках, показывая Андрею, до какой именно степени он свободен, и, слегка покачиваясь и натыкаясь на столики, целеустремленно двинулся в сторону оркестра. Андрей дернулся было за ним, но так и остался на месте.

– Господа! – зычным голосом профессионального массовика сказал Толик, и одуванчики голов, как по команде, развернулись в его сторону. Оркестр стушевался и смолк.

– Господа!.. Насколько я понимаю, мы все пришли сюда, чтобы оплакать горькую судьбу России!.. Так давайте же кручиниться организованно!.. Предлагаю сеанс коллективной ностальгии!.. Итак, подо что сегодня плачем, господа?.. Что наиболее эффективно вышибает у нас слезу?.. «Очи черные»?.. «Амурские волны»? Или «Подмосковные вечера»?..

Публика озадаченно молчала, но Толик и не нуждался в диалоге. Он достал из кармана несколько скомканных купюр и размашистым жестом швырнул их аккордеонисту. Оркестр заиграл что-то элегическое. Толик легко, как редиску, выдернулся из-за столика какую-то старушку и повел ее в медленном танце, чуть придерживая за талию...

– Господа, не отлынивать! – Толик яростно продолжал активизировать массы. – Плачут все без исключения!.. Второй столик слева, не вижу слез!.. Третий столик справа, не слышу рыданий!.. Господа Шереметьевы, Юсуповы, Голицыны, па-а-а-чему такая пассивность?!..

Он наконец отпустил свою невесomую партнершу, и та опала у него в руках, как проколотый воздушный шарик. Толик элегантно донес ее до первого попавшегося стула и тут же принялся составлять другие танцевальные пары. Он беспардонно срывал с мест старичков и старушек и выталкивал их в центр зала. Белоголовые старички колыхались под музыку, как одуванчиковое поле под слабым ветром...

– А ну, вынуть платки!.. – надрывался Толик. – Изойдем слезой во славу отечества!.. Столик у окна, не откалывайтесь от коллектива!.. Вам что, нечего оплакивать?.. А бестужевские курсы?.. А государственная дума?.. А уха с расстегаями?..

Он продолжал выкрикивать нечто пламенное, даже когда Андрей сгреб его в охапку и понес к выходу. В последний момент в Толиковых глазах сфокусировалось лицо дамы в каштановом парике. Она смотрела на Толика без улыбки, но с явной заинтересованностью. И Толик решил, что она, в общем, ничего. Не красавица, конечно, но ничего, ничего...

* * *

Андрей тащил упирающегося Толика к машине и попутно старался успокоить метрдотеля. Следом за ними на улицу выскочили еще несколько служащих ресторана – видимо, гости со столъ ярко выраженной индивидуальностью, как у Толика, были в этом заведении большой редкостью...

— Без рук!.. — буянил Толик. — Я сказал, без рук!.. В няньках я не нуждаюсь!.. Я вполне взрослый человек и могу сам отвечать за свои поступки!..

— Взрослый, взрослый!.. — миролюбиво согласился Андрей, запихивая Толика в машину. — Ты у нас очень взрослый!.. Вот только бы отучить тебя писаться в постельку!..

* * *

... В холле был приглашен свет. Видимо, все жильцы, включая мадам Лоран, уже спали. Толик ступил на лестницу, как на заминированный мост. Он тщательно проверял подошвами каждую ступеньку, будто она того и гляди уплывет из-под ног...

И все же перед самым финишем случился конфуз. В какой-то момент Толик вдруг не ощутил под рукой перил, потерял равновесие и, хватая воздух руками, грохнулся на все четыре конечности...

От него шарахнулись две тени, и он понял, что спугнул любовную парочку. Лилипут и лилипутка замерли в коридорной нише и смотрели на Толика с таким ужасом, как если бы он был внезапно вернувшийся из командировки муж. Лицо лилипути цвело алыми пятнами губной помады...

— Ай-яй-яй!.. — ласково пожурил влюбленных Толик. — Такие маленькие, а занимаются такими делами!.. Вот я скажу вашей пионервожатой — она оставит вас без компота!..

Наверху скрипнула дверь. Толик поднял глаза. Сильви стояла на пороге своей комнаты и молча смотрела на Толика. Толик скорбно вздохнул и попытался подняться. Лестница снова попробовала встать на дыбы, но он уже крепко держался за перила...

* * *

... Вот уже минуту Толик тщился содрать с себя брюки. Незамысловатый этот трюк сегодня давался ему с превеликим трудом. Брюки никак не хотели расставаться с Толиком, пока он не сообразил, наконец, что не худо бы сначала снять туфли.

— ...Глупый город!.. — сказал Толик тоном, исключающим всякую полемику. — Город канареек!.. Все чего-то клюют, все чего-то щебечут, и никому ни до кого нет дела!..

— Толя!.. — мягко возразила Сильви. — А может, это и есть свобода?.. Когда никому ни до кого нет дела?.. Ты же сам говорил, что в Москве к тебе испытывали слишком пристальный интерес...

— Что ты знаешь о Москве?.. — сентиментально оскорбился Толик. — Это потрясающий город!.. Для того, чтобы понять, что такое Москва, надо там жить!..

— Я допускаю, — коварно согласилась Сильви, — что Москва — лучший город в мире, а Россия — лучшая в мире страна... Но я не могу понять, почему вы оттуда бежите?..

— Не можешь понять?.. — глаза у Толика заволоклись туманом, в голосе появились инфернальные интонации. — И правильно, что не можешь!.. Запад никогда не сможет нас понять!.. Потому что мы для вас — величайшая загадка!..

С этими словами Толик гордо отчалил в туалет. Через секунду оттуда донеслись мучительные звуки рвоты...

* * *

... Среди ночи в доме опять поднялся переполох. Зажглись окна, захлопали двери. Толик открыл глаза, пошарил рукой по одеялу — Сильви рядом не было. В световом прямоугольнике полуоткрытой двери всполошенно метались неясные тени. Толик натянул майку и джинсы и осторожно выглянул в коридор.

Пестрая толпа полуодетых жильцов нервно топталаась возле комнаты Фуэнтесов. Дверь была распахнута настежь, но зрителей собралось так много, что они не могли поместиться в дверном проеме. Лилипуты залезали друг другу на плечи, желая получше разглядеть, что происходит внутри.

Толик несколько раз обошел толпу с тыла, пытаясь втиснуть голову в какой-нибудь зазор, но вовремя понял, что это не более здравая затея, чем поместить ее в слесарные тиски. Из-под чьей-то подмышки вынырнула встревоженная Сильви.

— Полиция арестовала Рикардо! — сообщила Сильви. — Оказывается, он был организатором какой-то террористической группы!.. Что-то вроде «Красных бригад»!..

Толпа любопытствующих вскользнулась, образуя живой коридор, и двое полицейских вывели из комнаты Рикардо. Лицо его было известково-белым, на руках посверкивали никелированные наручники. Рикардо приветственно вскинул руки и выкрикнул что-то по-испански...

Мадам Лоран одышливо металась по лестнице, шарахаясь от стен и задевая за перила, как пожилая летучая мышь. Она хватала полицейских за руки, пытаясь что-то им объяснить. Те вежливо отстранялись.

— Мадам Лоран говорит, — переводила Сильви, — что семья Фуэнтес всегда была ей несимпатична. Но она не подозревала, что пригрела в своем доме бандитов и убийц!..

Между тем полицейские выносили из комнаты Фуэнтесов ящики с опасной начинкой — гранаты, автоматы, пластиковые бомбы... Тускло отсвечивали черные автоматные стволы... Толпа завороженно молчала...

* * *

Где-то в глубине комнаты забилась в истерике Долорес. Сильви и Толик, расталкивая толпу, кинулись на крик. Всклокоченная и полураздетая Долорес, бурно жестикулируя и обливаясь слезами, произносила трагический монолог, обращенный ко всем сразу и ни к кому в отдельности.

— Долорес боится, — переводила Сильви, — что теперь мадам Лоран выставит ее на улицу. Но Долорес ни в чем не виновата. Рикардо не посвящал ее в свои дела...

В толпе зашмыгали носами. Если еще минуту назад симпатии жильцов были на стороне романтического бунтаря Рикардо, то теперь единственным объектом их сочувствия была бедная покинутая Долорес...

— Долорес говорит, — продолжала переводить Сильви, — что она никогда не любила Рикардо. Ей всегда нравился Хорхе Гонсалес. Но Хорхе был женат, и она не хотела разбивать семью...

Долорес рванулась к платяному шкафу, рывком распахнула дверцы и вытащила из вороха шмотья неведомо как и откуда попавшую сюда буденовку.

— Долорес говорит, — Сильви едва послепала за темпераментной речью южанки. — Долорес говорит, что Рикардо был политический извращенец. Когда он занимался с ней любовью, он заставлял ее надевать вот это!..

Долорес нахлобучила на себя буденовку и выразительно развела руками, точно призывая всех стать свидетелями ее поруганной чести.

Так и стояла она перед разноцветной и разноязыкой толпой — экзотическое дитя экватора в вылинявшейся русской буденовке — не умеющая постичь все запутанные эзистенциальные связи этого безумного мира...

* * *

Утром уезжали лилипуты. Они высypали на улицу стайкой цветных колибри. Цирковая

дирекция прислала за ними специальный автобус, два огромных негра забрасывали в багажное отделение саквояж и чемоданы.

Часть жильцов спустилась вниз проводить отъезжающих.

– Пустеет дом, – печально сказала Сильви. – Как все-таки люди привыкают друг к другу... Вот уедут эти маленькие – и жизнь станет немножко другой...

Автобус наконец тронулся, открывая противоположную сторону улицы, и Толик вздрогнул от неожиданности: перед ним, облокотившись на капот своего автомобиля, стоял улыбающийся Андрей.

– Добрый день, мадемузель! – Андрей поклонился Сильви. – Вы не возражаете, если я украду вашего друга?.. Нам предстоит срочный деловой визит!..

* * *

– Вот это сюрприз! – Толик торопливо вытряхивал из платяного шкафа все его небогатое содержимое. – Я-то думал, что после моего выступления в ресторане она и слышать обо мне не захочет!..

– Я тоже так думал!.. – Андрей долго и дотошно перебирал толиковы галстуки, пока наконец не выбрал более или менее подходящий. – Но женская душа потемки!.. Я считаю, что ты обычна свинья, а она считает, что ты неординарная личность!..

* * *

...За стеклом автомобиля проплывал универмаг «Тати». Толик, прежде не видевший «Тати» ни в кино, ни по телевизору, ни воочию, сумел бы узнать его и без вывески – это был знаменитый дешевый рай для советских туристов, не менее знаменитый в Москве, чем, скажем, Лувр или Эйфелева башня.

За универмагом потянулись крохотные лавочки без названия, торговавшие одеждой и обувью – турецкие, альжирские, марокканские...

– А куда мы, собственно, едем? – вдруг обеспокоенно заерзал Толик. – Надеюсь, не в тот же самый ресторан?

– Мы едем к ней домой! – бесстрастно ответил Андрей. – У вас сегодня конфиденциальная встреча. То есть без меня.

– Как это без тебя?.. – совсем разнервничался Толик. – Это что еще за игры?.. Я что, похож на альфонса?..

– Нет, Толик, до альфонса тебе далеко. Альфонсы меньше комплексуют. И гораздо лучше одеваются...

* * *

...В маленьком турецком магазинчике Толику выбирали костюм. Владельцы магазинчика – шумная турецкая семья – старики, взрослые, дети – хором давали советы, восхищенно цокали языком, вытаскивали на свет Божий все новые костюмы. Андрей придирчиво щупал материю, морщился, отрицательно качал головой и тыкал пальцем в очередную модель на витрине.

– Ну, на кой мне костюм?.. – вяло сопротивлялся Толик. – Я же не свататься еду. А для деловой встречи сойдет и мой собственный. Он вполне приличный. Болгарский.

– У тебя жирное пятно на лацкане!.. – Андрей придирчиво щупал очередную модель. – А ты его даже не заметил!.. И вообще, такое впечатление, что ты носишь этот костюм с детства!..

Наконец Андрей утвердительно кивнул головой – долгожданный выбор обновки состоялся. Толик нехотя отправился в примерочную кабинку. Он уже почти разделся, когда занавеска чуть отодвинулась и в кабинку всунулась лукавая мордочка турчонка. Пацаненок пробормотал какие-то извинения и положил на стул рядом с Толиком нарядный целлофановый пакет.

– Обновляться так обновляться! – донесся из-за занавески голос Андрея. – В пакете носки и плавки!..

– А это еще зачем? – встревоженно поинтересовался Толик. – Зачем мне носки и плавки?..

– Лучше быть во всеоружии! – философски ответил Андрей. – Мало ли как сложится беседа!..

* * *

…За окном тянулись парижские пригороды. Нахохлившийся Толик – в новом костюме и с букетом роз – напряженно молчал всю дорогу. Наконец не выдержал.

– Послушай!.. Насколько я понимаю, речь должна идти о публикации моих рассказов, так?.. Тогда для чего весь этот маскарад?.. И при чем тут носки и плавки?..

– Дикий человек!.. – покачал головой Андрей. – Ну, если у дамы интерес к тебе не только как к писателю, но и как к мужчине, то что же в этом плохого?.. Я бы гордился!..

Автомобиль остановился у опрятного двухэтажного дома с черепичной крышей.

– Вытряхивайся! – приказал Андрей. – У меня есть еще кое-какие дела… Я смотаюсь на часик в одно место, а потом вернусь за тобой, о’кей?..

Толик безропотно выбрался из машины и, еле волоча ноги, побрел к дому. Некоторое время он топтался перед дверью, не решаясь нажать кнопку звонка. А затем неожиданно сорвался с места и что было духу кинулся обратно.

– Пойми!.. – Толик колотился об автомобильное стекло, как гигантский махаон, попавший в керосиновую лампу. – Я не могу туда идти!.. Это пошло и гнусно!.. В конце концов, у меня есть принципы!.. И у меня есть любимая женщина!..

Андрей, не глядя на Толика, нажал на газ. Автомобиль тронулся. Перед поворотом он насмешливо помигал Толику подфарниками и через несколько минут скрылся из виду.

– Какая же ты сволочь! – сказал Толик вслед автомобилю. – Я думал, ты товарищ, а ты сволочь!.. Сволочь и сутенер!..

* * *

…В огромной гостиной мадемуазель Кипренски, в окружении бронзы и хрустала, зеркал и картин, Толик произносил пылкий монолог. Видимо, монолог изрядно затянулся. Хозяйка откровенно скучала и поглядывала на себя в зеркало. Толик это видел, но продолжал говорить, попутно обдумывая варианты вежливого бегства.

– Я ехал сюда с надеждой, – витийствовал Толик, – что местная русская диаспора отнесется ко мне ну если не с интересом, то хотя бы со вниманием!.. Где же еще искать пристанище вольному русскому слову, почти задушенному советской цензурой, как не здесь?.. И что же я вижу?..

– Сварить еще кофе? – участливо спросила хозяйка, не проявляя ни малейшего интереса к тому, что же все-таки увидел Толик.

– Нет, спасибо! – Толик боялся пауз. – И что же я вижу?.. Я вижу на Западе ту же самую цензуру!.. Только не идеологическую, а финансовую!.. Русское зарубежье поражено цинизмом, прагматизмом и нравственной глухотой!.. А между тем именно русское зарубежье – это последняя надежда советского андеграунда!..

– Хотите что-нибудь выпить? – снова поинтересовалась хозяйка.

– Нет, спасибо! – Толик понимал, что перед ним ставят шлагбаум, но продолжал отчаянно жать на газ. – Да, конечно, парижские издательства сделали для русской словесности чрезвычайно много... Но ведь русская словесность не ограничивается одним Солженицыным!.. Есть и другие талантливые писатели!..

– Может, перенесем нашу беседу в спальню? – ровным голосом предложила хозяйка. У Толика пересохло в горле. Втайне он все-таки надеялся, что эта дурацкая пьеса обойдется без постельного эпилога.

– Да, конечно! – сипло выдохнул Толик. Хозяйка, раскачивая необъятными бедрами, двинулась в направлении спальни, гость некоторое время потоптался на месте, а затем обреченно поплелся за ней...

* * *

...Он вошел в спальню и замер на пороге. Мадемузель Кипренски уже успела облачиться в розовый пеньюар и теперь лежала в белом мареве алькова, похожая на гигантский сливочный торт...

– Ну что же вы?.. – протяжно сказала мадемузель Кипренски. – Или вы боитесь?.. Впрочем, правильно делаете, что боитесь!.. В постели я радикал!..

– А я – нет... – Толик предпринял мучительную попытку пошутить. – Я как раз очень умеренный... Может, поладим на компромиссе?..

Мадемузель Кипренски молчала, глаза ее отливали хищной зеленцой. Толик понял, что ответа он не дождется, и, зажмурившись, стал стягивать с себя пиджак, рубашку, галстук...

* * *

...Андрей подъехал к дому мадемузель Кипренски чуть раньше оговоренного срока. Толика на улице еще не было. Андрей посмотрел на освещенные окна, глянул на часы и, откинувшись на спинку сиденья, закурил...

* * *

...Толик уже топтался в прихожей, не зная, чем себя занять, и потому в сотый раз поправлял галстук, когда мадемузель Кипренски наконец вернулась из ванной. Сейчас она была без макияжа, и от нее пахло хорошим мылом.

– Вы уже уходите? – легко огорчилась мадемузель Кипренски. – Очень жаль, я бы хотела еще поболтать... Но будем надеяться, это не последняя встреча... Вы были очень милы!..

– Большое спасибо!.. – ни к селу ни к городу брякнул Толик. – Мне самому очень жаль... Но у меня масса дел... Кстати, вы ничего не сказали о моих рассказах...

– Ах, рассказы!.. – мадемузель Кипренски сосредоточенно нахмурила невысокий лобик. – Да, да, действительно... Я прочитала несколько ваших рассказов... Мне кажется, они не заинтересуют наших читателей...»

– То есть как?.. – опешил Толик. – Мне говорили, что рассказы вам понравились!.. Вы же сами выразили желание их напечатать!..

– Не расстраивайтесь! – мадемузель Кипренски ласково погладила Толика по щеке. – Ну, сколько вам заплатили бы за вашу публикацию?.. Ну две, ну три, четыре тысячи франков!.. Так вот вам пять тысяч – и забудем об этом!..

Она порылась в складках халата, достала оттуда увесистую пачку банкнот и, не считая, сунула Толику в карман. Пол поплыл у Толика под ногами. Он пришел в себя только когда оказался на лестничной площадке. Хозяйка приветливо улыбалась ему из дверного проема...

— Ах ты, тварь! — с ненавистью прохрипел Толик. — За кого же ты меня принимаешь?! За платного осеменителя?.. Да провались ты со своими франками!.. И запомни, русские писатели не продаются!..

Он с силой швырнул банкноты в дверной проем, но дверь успела захлопнуться раньше, и разноцветные бумажки разлетелись по всей лестничной площадке. Толик постоял, почертылся, затем опустился на корточки и стал аккуратно собирать разбросанные им купюры...

* * *

...Обратно ехали опять же молча. Толик гневно пламенел глазами и курил сигарету за сигаретой. Андрей искося поглядывал на Толика, но задавать вопросы не решался — можно было спровоцировать взрыв.

— Останови!.. — внезапно приказал Толик. — Вот здесь, возле кафе!.. И не жди меня... Я доберусь на метро!..

— Алкаш!.. — Андрей сокрушенно покачал головой. — Или станешь алкашом... Так тебе никаких денег не хватит!..

— Успокойся! — зло усмехнулся Толик. — Сегодня я пью на свои!.. Эти денежки заработаны честным трудом!..

Он вынул из кармана скомканный ворох купюр. Две из них выскоились из пальцев и спланировали на сиденье. Андрей подобрал их и протянул Толику.

— Оставь себе!.. — мстительно съязвил Толик. — Проститутки обязаны делиться с сутенерами. Я правильно понимаю местные нравы?..

* * *

...Сквозь стекло кафе Андрей видел, как Толик примостился у стойки бара. Спустя несколько секунд перед ним появилась бутылка водки. Толик наполнил стакан до краев и осушил его в один прием. Он пил крупными жадными судорожными глотками, как измученный трехдневной жаждой бедуин, наконец-то добравшийся до колодца...

* * *

...Прислонившись к двери своей комнаты, чтобы хоть как-то задержаться в положении, приближенном к вертикальному, Толик сосредоточенно шарил по карманам, пытаясь отыскать ключи.

Из комнаты Сильви доносились женские голоса. Один из них — резкий, гортанный, хрипловатый — принадлежал Долорес, другой — спокойный, мягкий, увещевающий — Сильви. Сути диалога Толик уразуметь не мог — женщины говорили на французском.

Так и не найдя ключей, Толик постучался в комнату Сильви и, не дожидаясь приглашения, толкнул дверь. Хозяйка комнаты и Долорес сидели на кровати, обнявшись. Долорес плакала в голос, Сильви пыталась ее утешить.

— Долорес получила письмо от Рикардо, — торопливо объяснила Сильви. — Он просит о помощи. Похоже, ему грозит длительное тюремное заключение. Хотя лично я не вижу, чем мы можем ему помочь!..

Долорес замерцала влажными глазищами, и с ресниц ее сорвалась тяжелая слеза. Толик плохо усвоил смысл сказанного, но глаза Долорес сделали свое дело – он тут же втянул живот и выпятил грудь.

– Она просит тебя встретиться с друзьями Рикардо. Хорхе Гонсалес хочет провести акцию протеста, чтобы привлечь к судьбе Рикардо внимание общественности.

Долорес смотрела на Толика так умоляюще, что он, так и не взял в толк, что от него добиваются, все-таки счел необходимым утвердительно кивнуть. Долорес зашебетала что-то на своем испано-французском и отпечатала на Толиковой щеке звонкий поцелуй.

– Она говорит, что ты настоящий друг! Рикардо сообщил ей в письме, что ты известный писатель и твое участие в акции придаст ей больший резонанс!

Толик насупился, не зная, как реагировать на неожиданный комплимент, и снова кивнул: дескать, что есть, то есть, чего уж тут скромничать. На пороге Долорес обернулась и напоследок обожгла Толика взглядом цвета расплавленного гудрона...

– Прости, Толя... – обеспокоенно сказала Сильви, как только они остались одни. – Ты что, действительно собираешься участвовать в какой-то там акции протеста?..

– А почему бы и нет? – Толик беспечно пожал плечами. – Если Рикардо считает, что моя репутация может ему помочь...

– Какая репутация?.. – Сильви смотрела на Толика с ужасом. – Ты здесь никто!.. У тебя нет даже статуса политического беженца!..

– Бороться за справедливость можно без всякого статуса!.. – напыщенно ответил Толик. – Достаточно того, что я просто человек!..

– Но почему ты думаешь, – не унималась Сильви, – что, защищая Рикардо, ты борешься за справедливость?.. А что, если он и в самом деле обыкновенный террорист?..

– Я не знаю, кто он такой, – Толик начал раздражаться. – Но я знаю, что он человек идеи. А такие люди мне импонируют!..

– Господи! – всплеснула руками Сильви. – Но ты же сам говорил, что ты противник этой идеи!.. Что тебе отвратительно любое насилие!..

– Да, я против насилия!.. – закричал Толик. – И в этом смысле их идея несовершенна!.. Но она объединяет людей!.. Посмотри, как горят у них глаза, когда они говорят о будущем человечества!.. Посмотри, как они простодушны, отважны и бескорыстны!.. Им плевать на деньги и на комфорт!.. Они хотят отдавать, а не хапать!.. А чего хочет Запад?.. Чего хочешь лично ты?.. Домик в Ницце?.. Миллиард в швейцарском банке?.. Ежегодный отдых на Гаваях?.. Ненавижу!.. Ненавижу ваши разговоры о башлях, ваши постные тусовки, ваши приkleенные улыбки!.. Ненавижу, ненавижу!..

– Толя! – вдруг тихо спросила Сильви. – А может быть, все проще?.. Может быть, просто тебя в детстве сильно переласкали?.. Может быть, мир и не виноват, что из тебя не получается Толстой?..

– Что ты сказала?.. – Толик зашипел, как пригорающая яичница. – Да кто ты такая, чтобы меня оценивать, дрянь?.. Ты всего лишь обычная потаскушка! Убирайся вон, я не желаю тебя видеть!..

– Я бы с удовольствием это сделала, – глухо и печально сказала Сильви, – но, к сожалению, я у себя дома. Если ты не желаешь меня видеть, может быть, проще уйти тебе самому?..

Толик поозирался, сообразил, наконец, где находится, и пулей выскочил из комнаты. С грохотом захлопнулась дверь. Сильви заплакала.

* * *

...Проснулся он поздно. Солнце уже стояло в зените. Толик оторвал чугунную голову от подушки и тут же увидел лежащий у изголовья розовый конверт.

Он долго и сосредоточенно вглядывался в прыгающие строчки, не умев сразу схватить

их простой и пугающий смысл, а когда наконец это удалось, лоб его покрылся мгновенной испариной.

На крохотном листочке рукой Сильви было написано всего несколько слов: «Прощай. Я буду скучать по тебе. Видно, не судьба. Сильви».

* * *

Внизу, в холле, перепуганная мадам Лоран изо всех сил отбивалась от обезумевшего Толика.

– Где Сильви? – бился в истерике Толик. – Куда она уехала?.. У вас должен быть ее адрес!.. Или телефон!.. Она не могла исчезнуть просто так!..

– Мадам Лоран говорит, – послышался сзади знакомый голос, – что Сильви уехала сегодня ночью. Единственное, что она просила передать тебе, это письмо.

Толик обернулся. За спиной стояли двое – как всегда респектабельный, гладко выбритый, благоухающий дорогим одеколоном Андрей и малогабаритный господинчик в старомодном котелке и темных очках.

– Мадам Лоран говорит, – продолжал переводить Андрей, – что Сильви собиралась остановиться у своей подруги, пока не подыщет новую квартиру. Адреса и телефона подруги не оставила.

Толик, кажется, только теперь осознал, что произошло, и зарыдал – беззастенчиво, бурно, открыто, не стесняясь присутствующих. Андрей вынул носовой платок и принял утират ему слезы. Толик, точно капризный ребенок, отворачивал физиономию в сторону и взбрыкивал руками, но Андрей терпеливо продолжал делать свое дело…

– Не драматизируй ситуацию!.. – мягко уговаривал Андрей. – Ты здесь без году неделя!.. Ты даже не успел узнать ее как следует!.. А между тем в Париже полным-полно хорошеных женщин!..

– Как ты не понимаешь!.. – захлебывался Толик. – Я же люблю ее!.. Она была моей единственной отдушиной в этой газовой камере!.. Без нее я просто умру!..

– Будешь умницей – не умрешь! – Андрей подмигнул Толику и повернулся к господинчику в котелке и в очках. – Человечество не допустит твоей гибели. Вот у месье Леруа есть замечательная идея, как поставить тебя на ноги!..

Господинчик в котелке и в очках, услышав свою фамилию, молча и коротко поклонился. Вид у него был весьма экстравагантный и таинственный, если не сказать детективный. «Коровьев! – мелькнуло в голове у Толика. – Чистый Коровьев!..»

– Месье Леруа, – продолжал Андрей, – предлагает тебе свои издательские услуги. Ты можешь написать книжку, которая станет бестселлером. Серию психологических этюдов из твоей собственной жизни. Но название месье Леруа диктует свое: «Дневник стукача».

Толик оглушенно молчал. Он медленно переводил взгляд с Андрея на месье Леруа и обратно, силясь по их глазам понять, не ослышался ли он, а если не ослышался, то не шутка ли это…

– Дневник стукача? – раздельно переспросил Толик и сам поразился собственному голосу – он был пугающе чужой и словно доносился издалека. – А почему, собственно, стукача?.. Я к этой профессии, извините, не имею никакого отношения!.. Вероятно, месье Леруа меня с кем-то перепутал!..

– Да ты не задирайся!.. – миролюбиво сказал Андрей. – Предложение, конечно, пикантное, но поверь, никто не хочет тебя уколоть!.. В конце концов, судьба у каждого складывается по-своему… Просто есть реальная возможность заработать приличные деньги!..

– Гадина!.. – протяжно выдохнул Толик. – Ты украл у меня все – достоинство, самоуважение, любовь!.. Ты превратил меня в насекомое!.. Теперь ты хочешь украсть у меня последнее – покой!.. Я ненавижу тебя!.. Ты дьявол, дьявол!..

— Да, от скромности ты не умрешь!.. — сокрушенно констатировал Андрей. — Ну какой же уважающий себя дьявол станет тратить силы на такую бесцветную моль, как ты?.. Я просто обыкновенный идиот, который надеялся, что тебе можно помочь...

— Нет, ты дьявол! — бешено заорал Толик. Он уже ничего не видел, ничего не соображал, ничего не чувствовал, кроме бесконечной, клокочущей, всепоглощающей ненависти. Перед глазами его, как в оптическом прицеле, прыгала переносица Андрея, ненавистная переносица, которую следовало немедленно разбить, раскрошить, расквасить, чтобы пришли, наконец, желанные покой и равновесие...

— Теперь я все понял!.. Ты специально окружил меня своими людьми, которые должны твердить мне, что я бездарь!.. Ты и Евпатий — вы вдвоем все это устроили!.. Вы хотели отомстить мне за Аглаю!..

Толик схватил с contadorки мадам Лоран увесистое пресс-папье и замахнулся было на Андрея, но тот успел перехватить Толикову руку, и пресс-папье с грохотом упало на пол. Андрей крепко уцепил Толика за подбородок и залепил ему несколько звонких пощечин. Толик мгновенно пришел в себя, в глазах появилось привычное плаксивое выражение. Подывая, как больная собака, он бессильно опустился на колени.

— Я заплатил мадам Лоран еще за неделю!.. — Андрей демонстративно швырнул на contadorку несколько купюр. — Но это последнее, что я для тебя делаю. Дальше помогай себе сам!

Андрей и месье Леруа исчезли. Толик встал с колен и отряхнул брюки. Мадам Лоран пересчитывала деньги.

* * *

... Толик поднимался по лестнице. Впервые он почти физически ощущал, что дом пуст. Ушли куда-то кришнайты со своими трещотками. Уехали лилипуты. Арестован Рикардо. Исчезла Сильви. А вот теперь ушел Андрей. Никого, никого... В опустевшем помещении, как муха в стакане, звенела тоскливая тишина.

Толик уже одолел последний лестничный пролет, когда на верхней лестничной площадке открылась дверь. На ярком свету Долорес казалась голой — халат просвечивал насеквоздь... Толик не удивился. Он знал, что здесь его ждут. Более того, он знал, что только здесь его и ждут. Сейчас это было единственное место на земле, где его, Толика Парамонова, хотели видеть...

* * *

... Едва за Толиком захлопнулась дверь, Долорес начала очередной монолог. Толик всегда удивлялся, как ей удается выговорить такое количество слов за такое короткое время. Она продолжала говорить и тогда, когда Толик снял с нее халат, и даже тогда, когда он повалил ее на диван... Толик не прислушивался к монологу. Пафос его он понимал и без перевода — через каждое слово проскачивало: революция... Рикардо... Рикардо... революция...

— Да, да... — натужно бормотал Толик. Он явно поторопился с мизансценой и теперь, лежа в неудобной позе, силился расстегнуть брючный ремень. — Да, да... Дело Рикардо не умрет... Дело Рикардо будет жить в веках...

Наконец монолог окончился, рука Долорес потянулась к магнитофону, и в комнате на полную мощность загремела кумбия. Толик дернулся, как ящерица, готовая закопаться в бархан, но цепкие пальцы Долорес уже сдирали с него рубашку...

* * *

... Толик ополовинил стоящую на столе бутылку водки и теперь бесцельно слонялся по комнате, маясь внутренними монологами... Первым делом надо найти Сильви... Легко сказать, надо найти... Он даже не удосужился спросить, где она учится... А как быть с этой дурой Долорес?.. Ведь он же обещал ей поддержку... Кстати, не такая уже она и дура... Всегда она человек идеи...

Делая очередной круг по комнате, он мельком глянул на себя в зеркало. Глянул и ужаснулся. Лицо пожилого упыря.

Набрякшие веки. Глазные белки в частой сеточке кровяных прожилок. Стойкий апоплексический румянец на щеках... Нет-нет, нельзя глушить водку в таких количествах... Иначе можно надорвать сердце... А лечение здесь стоит дорого...

Зазвонил телефон. Толик кинулся к нему, сшибая стулья. Может, это Сильви?.. Она добрая девочка, она не может долго обижаться... А, черт, как же он мог забыть, что полчаса назад заказал разговор с Москвой!.. Евпатий, дружок ты мой дорогой, ты сейчас единственный, кто может меня спасти!.. Только окажись дома, умоляю тебя, окажись дома!..

Толик цепко ухватил трубку, точно опасался, что она может выскохнуть из рук и сигануть под диван.

— Уи, уи!.. — Толик даже задохнулся, услышав заветное словечко «Моску». — Уи, мадемузель! Я заказывал разговор с Москвой!.. — И после паузы продолжил уже по-русски — Але?.. С кем я говорю?.. Это Парамонов из Парижа!.. Мне нужен Евпатий Воронцов!.. А когда он будет?.. Что-что?! — Толика бросило в жар. — Как это... арестован?.. Этого не может быть!.. А когда его... когда это случилось?..

В трубке продолжали говорить, но Толик уже ничего не слушал... Вот тебе и «чайник со свистком»... Ах, Евпатий, Евпатий!.. Вот теперь у Толика и впрямь никого не осталось...

Толик подошел к зеркалу и пристально вглядился в своего двойника. Небритый угрюмый из зеркальной рамы смотрел на него с нескрываемым отвращением. Но где-то там, в глубине его зрачков, пряталось и другое — ожидание и интерес: соверши или не соверши?..

— Прости меня, Евпатий!.. — глухо сказал Толик. — Прости, Аглай!.. Я все искуплю, вот увидите!.. Умереть за свободу можно везде!.. Везде, не только в России!..

* * *

... Было шесть часов утра, когда на одной из улочек в Клиши появилась необычная процессия. Она медленно и торжественно двигалась мимо закрытых еще лавочонок, неся над собой колышущееся алое марево из флагов и транспарантов.

Во главе процессии шли Толик, Долорес и Хорхе. За ними следовало еще человек двенадцать. Молодые белозубые, с оливковой кожей, они были для Толика невыгодным фоном — в их окружении он выглядел, как внезапно воскресший покойник.

Время от времени кто-то из демонстрантов чуть приотставал, чтобы наклеить на стену очередную листовку. Листовок было великое множество, на каждой из них гневно пламенело: «Свободу Рикардо Фуэнтесу!..»

Демонстрация дошла уже почти до середины улицы, когда Хорхе вдруг коротким броском метнул в одну из витрин гранату. Грохнул взрыв, волна от него прокатилась по соседним витринам, в жилых помещениях со стоном осыпались окна, где-то пронзительно завизжала женщина...

Взрывы следовали один за другим. Неподалеку взвыла полицейская сирена. Несколько раз кряду сухо стрекотнул автомат. Демонстранты поспешно забрасывали улицу дымовыми шашками...

Толик уже не видел ни Долорес, ни Хорхе, глаза его слезились от едкого дыма, но он продолжал идти вперед, выставляя над головой, точно спасительную хоругвь, плакат с

лозунгом по-французски: «Свобода или смерть!»

Полицейские машины выплыли из тумана буквально в десяти метрах от Толика и теперь плялились на него цветными «мигалками», как аборигены чужой планеты – на неведомого земного пришельца.

Толик остановился. Дым оседал рваными клочьями, в белой пелене образовались зазоры, и теперь Толик отчетливо видел полицейских. Ему что-то крикнули в мегафон, он не услышал.

Все происходящее казалось Толику настолько неправдоподобным, что он даже не испытывал страха. Придавал уверенности и крохотный дамский пистолет, накануне подаренный ему Долорес. Пистолет лежал в кармане плаща, его опасный холодок Толик чувствовал даже сквозь одежду...

Толик поднял плакат повыше и крикнул по-русски: «Да здравствует свобода!.. Да здравствует революция!.. Да здравствует Рикардо Фуэнтес!..»

Он поперхнулся дымом, снова откашлялся и хотел было выкрикнуть что-то еще, но вдруг услышал за спиной легкий щелк затвора. Звук был близкий и внятный. Толик обернулся. Облокотившись на капот автомобиля, в него целился молодой полицейский. Толик хорошо видел его лицо. Анонимное лицо исполнителя. Этот не будет выкрикивать лозунги, он просто нажмет курок...

И тогда Толик выстрелил первым. Выстрелил прямо в это молодое красивое равнодушное лицо и увидел, как оно взорвалось кровью, расплылось, перестало существовать...

В тот же миг со всех сторон затрециали выстрелы, и Толик, стоя в центре круговой пальбы, даже не успел понять, что стреляют именно по нему.

Тело его содрогалось от выстрелов, а он все продолжал стоять, будто запретил себе падать, пока не получит ответа на последнюю свою догадку: неужели это он, Толик Парамонов, золотой медалист сто тридцать шестой московской школы, убит сегодня утром на улицах города, о котором мечтал всю свою жизнь?..

* * *

На экране сменялись фотографии. В темноте зала лениво переговаривались полицейские. Разговор шел, в основном, о житейских пустяках – сидевших в зале мало интересовало происшедшее на экране. Лишь изредка возникал профессиональный комментарий.

Вот пятилетний Толик в панамке и в трусиках стоит рядом с огромной овчаркой. Дело, видимо, происходит на даче...

...Вот он же, только уже в пионерском галстуке, на первомайской демонстрации. Сзади улыбающаяся тетя Вера...

...Вот Толик в Артеке. Берет автограф у знаменитого авиаконструктора Туполева...

...Вот Толик – выпускник. Среди парадно выстроившихся одноклассников он отмечен чернильным крестиком...

...Вот он в обнимку с Евпатием и Аглаей. Все трое хохочут в объектив.

...Вот он с какой-то девицей в бикини на берегу моря. Сзади пыхтит катерок с отчетливым названием «Андрей Жданов»...

...Вот Толик целует Сильви. Это единственный его парижский снимок, сделанный расторопным Андреем...

...Нет, не единственный. Вот мертвый Толик на парижском асфальте. Один глаз, видимо, выбит, глазница залита кровью, другой, неестественно выпущенный, удивленно смотрит прямо в камеру. Рука крепко сжимает древко плаката с надписью «Свобода или смерть!». В отличие от прочих фотографий, любительских или просто поблекших от старости, эта выглядит на редкость четкой и выразительной. Делал профессионал.

Сукины дети Комедия со слезами [1]

...Довольно для ученика,
чтобы он был,
как учитель его,
и для слуги, чтобы он был,
как господин его.
Если хозяина дома
назвали веельзевулом,
не тем ли более домашних его?

От Матфея, 10,25

Сначала – полная чернота, голландская сажа, тьма египетская, ни одной светящейся точки. Но это чернота живая, гулкая, объемная, насыщенная чьим-то тяжелым дыханием, сопением, стуками. Совсем близко возникают задавленные до хриплого шепота мужские голоса.

– Я тебе повторяю: ничего не было, идиот! Хочешь перекрещусь? Я человек верующий – ты знаешь...

– Не крестись – я видел мизансцену. Я обещал, в следующий раз я тебя убью. Так что молись, говно!

– Левушка, ну вспомни о чувстве юмора. Через пять минут ты будешь хохотать над тем, что сейчас говоришь!

– Я возможно. А ты уже нет. Потом я раскаюсь. Наверное, когда тебя будут хоронить, я даже буду плакать.

– Ну что ж мне теперь делать, совсем с ней не общаться?.. Мы же все-таки коллеги!.. И цивилизованные люди...

– В цивилизованных странах за это убивают. Я придерживаюсь правил. Если я тебя не убью, я не смогу жить.

– Хорошо, ударь меня по морде. Если тебе будет легче, ударь меня по морде. Только не сломай нос...

– Бить я тебя, сволочь, не буду. Это малоэффективно. Я сделаю, как обещал. Я отрублю тебе голову!..

Глухой удар, долгий надсадный крик, и черноту прорезает яркая полоска света: видимо, кто-то, перепуганный, там, в глубине этой плотной черноты, опасливо прикрыл дверь. И этот далекий луч, как магниевая вспышка, высвечивает близкое, в пол-экрана, лицо. Лицо вампира. Меловая маска с красными губами. На щеке алеет карминное сердечко. Подведенны фиолетовые глаза расширены от ужаса. Словно упырь, застигнутый рассветом, обладатель мелового лица кидается в спасительную черноту...

Но вот уже взбудораженная темень перестает быть теменю – то тут, то там хлопают двери, света становится больше, отдельные возгласы перерастают в гомон.

По освещенному коридору, мимо распахнутых гримуборных несется белая маска с красным ртом и надломленными бровями. За маской, хрипло дыша, неотступно следует толстый человек в странной белой хламиде. Лицо толстяка в крупных каплях пота, мятежные кудри пляшут вокруг лысины, как язычки пламени на ветру. В вознесенной руке неотвратимый, как судьба, поблескивает топор.

...С грохотом захлопывается за белой маской дверь гримуборной и захлопывается как нельзя более вовремя, ибо уже в следующую секунду в нее с визгом врубается топор...

– Все равно я убью тебя, мерзавец!.. Я тебя приговорил!.. Это только отсрочка, ты понял?.. Я отрублю тебе голову и пошлю твоей семье!..

Толстый Левушка, как рыбина в сетях, бьется в руках перепуганных коллег.

– Отрубишь и пошлешь, – соглашается рассудительный Андрей Иванович Нанайцев,

заслуженный артист Российской Федерации. – Но эффекта, к сожалению, не увидишь. Потому что будешь заготавливать древесину в Коми АССР.

– Прости меня, Лев, но ты все-таки очень не Пушкин, – огорченно сетует Элла Эрнестовна, супруга Андрея Ивановича, также заслуженная артистка, но другой республики. – Топор – это непарламентарно. В таких случаях вызывают на дуэль.

– В таких случаях вызывают на партком, – парирует Федяева. – Такого циничного адюльтера у нас еще не было. К тому же Гордынский очень скверный актер. Убивать – это, конечно, слишком, но выгнать его необходимо...

… В дверь гримуборной Гордынского скребутся две молоденькие актрисы Аллочка и Ниночка. Их симпатии однозначно на стороне жертвы.

– Игорь, открой, это Алла и Нина!.. Игорь, не бойся, его держат!.. Игорь, почему ты молчишь?.. Игорь, мы сейчас вызовем «скорую помощь»!

Дверь, со всаженным в нее топором, нервно распахивается, впускает Аллочку и Ниночку и тут же захлопывается вновь.

– Я Левушку понимаю, – раздумчиво говорит Тюрин, – мужчина должен как-то реагировать… В конце концов, пока Гордынский в театре, мы не можем быть спокойны за своих жен!..

– За свою ты можешь быть спокоен, – огрызается жена Тюрина, вздорная особа с невнятным лицом. – У тебя жена не блядь! Все прут на Гордынского, а про нее ни слова!..

Дверь гримуборной Гордынского снова распахивается, на пороге появляются Аллочка и Ниночка.

– Срочно врача! – глаза у Аллочки круглые и блестящие, подбородок нервически подергивается, но в голосе сдержанность и значительность. Таким голосом создают панику, желая ее погасить. – Игорь истекает кровью!.. Кажется, он задел ему сонную артерию!..

– Какую артерию, что она плетет? – неуверенно лепечет толстый Левушка. Он с ужасом начинает чувствовать, как легкий морозец бежит по его лысине, покрывая мгновенным инем еще недавно влажный венчик кудрей. – Не знаю я никакой артерии!.. Да я к нему пальцем не прикоснулся!..

– Ты прикоснулся топором! – Федяева на глазах проникается состраданием к Гордынскому. – Не надейся, что мы это замнем!.. Я лично тебя посажу, мерзавец! Алла, Нина, звоните в «скорую»!..

Толпа актеров отшатывается от Левушки – таково уж свойство любой толпы – мгновенно и чистосердечно менять пристрастия! – и устремляется в гримуборную к Гордынскому. Игорь лежит на диване, вытянувшись, как покойник. Трагические глаза его темны, как две чернильницы, меловое лицо залито кровью.

Толпа расступается, и в конце живого коридора мы видим потного, взъерошенного, раздавленного всем происшедшем бедного Левушку. Под шпицрутенами взглядов он подходит к дивану и внезапно бухается перед Игорем на колени.

– Прости меня, Игорь, – глотая слезы, сипло говорит Левушка и смотрит на Игоря страдающими глазами. – Я скотина, я подлец… Я никогда не думал, что способен поднять руку на человека…

– Бог простит, Левушка, – печально и растроганно отвечает Игорь, и по лицу его тоже катятся слезы. – Я на тебя не в обиде… Просто морду жалко, через неделю съемки…

– Съемки? – ахает Левушка. – У тебя съемки? А я тебя искалечил… Я хочу умереть… Пусть меня расстреляют… У нас еще есть расстрел?..

– Не мучай себя, Левушка, – Игоря душат слезы, но он заставляет себя говорить. – Каждый может ошибиться… Черт, какая слабость… Видимо, от потери крови…

Игорь вяло кивает головой куда-то в сторону, но все безошибочно поворачиваются к умывальной раковине: внутренняя поверхность ее красна от крови… И тут с Левушкой происходит какая-то внутренняя метаморфоза, он весь поджимается, как перед прыжком, обводит присутствующих лихорадочно горящими глазами, встает с колен… и кидается к гримерному столику. С грохотом летят на пол ящики, коробки с гримом, дезодоранты…

Наконец, счастливый и усталый, как Данко, которому хоть и с трудом, но удалось разломить свою грудную клетку, Левушка поднимает высоко над головой флакончик с алоей жидкостью...

– К-р-ровь? – яростно кричит Левушка. – Вот она, твоя кровь, ублюдок! И цена ей один рубль двадцать копеек!..

И производится она на химкомбинате имени Клары Цеткин!.. А теперь я тебе покажу, какой бывает настоящая кровь!

Гордынский кидается к двери, кто-то виснет у него на руках – толпа не терпит очевидного неблагородства.

Левушка, держа над головой флакон, пытается пробиться к Гордынскому, ему мешают – и в толпе находятся милосердные души... Странно размалеванные лица... Эксцентрические одежды... Неадекватные реакции...

Нелюди. Привидения. Артисты.

Вступительные титры фильма:

...

«СУКИНЫ ДЕТИ»

Коробки с гримом. Карандаши и кисточки. Батареи лосьонов и дезодорантов. Бижутерия. Широко распахнутый глаз. Касание кисточки – и глаз становится темнее, таинственнее, глубже... В женской гримуборной расположились четверо актрис. Это уже известные нам Аллочка и Ниночка; затем громогласная Сима Корзухина, неиспорченное дитя природы, неутомимый солдат справедливости, уроженка южной провинции, умудрившаяся сохранить родной говор даже в условиях столичной сцены; и, наконец, Елена Константиновна Гвоздилова, театральная прима, любимица критики, европейская штучка, ухоженная и уравновешенная, с хорошо отработанным выражением утомленной иронии в глазах.

– Это потому, что она доступная, – Алла продолжает обсуждение недавних событий. – Мужики это очень ценят. Ты можешь быть какая угодно страшная, но если ты подвижна на секс...

– Алл, не завидуй! – Нина старательно выводит на выбеленной щеке черную розочку. – Танька красивая. От нее еще в институте все дохли...

– И-их, дурынды! – не выдерживает Сима. – Зла на вас не хватает!.. Мы же революционный театр, на нас билетов не достать, а у вас все разговоры на уровне гениталий!..

– При чем тут гениталии? – вяло обижается Аллочка. – Тут человека чуть не убили!.. Вы же не видели, а говорите...

– Ужас, ужас! – без всякого ужаса подтвердила Ниночка. – Когда Лев Александрович выскочил с топором, я прямо чуть не описалась!

– Вот они, борцы за идею! – стонет Сима, схватившись за голову. – Шеф кровью харкал, чтобы создать театр, а они превратили его в бордель!

– Будем объективны, Симочка, – не поворачивая головы, ровным голосом произносит Елена Константиновна. – Рыба, как известно, гниет с головы. Нельзя руководить театром, находясь полгода в Англии...

– Ах, вот ты как заговорила! – у Симы в глазах запрыгали зеленые сатанинские огоньки. – Хозяин за дверь – лакеи гуляют?.. Или тебя в другой театр поманили, независимая ты наша?..

– Сима, если вам не трудно, давайте останемся на «вы», – также бесстрастно произносит Елена Константиновна. – Никуда меня не поманили. Просто я не люблю патриотического кликушества.

– Видали, девки? – Симе нужна аудитория, и она незамедлительно берет в союзницы

Аллочку и Ниночку. – Корабль еще не тонет, а крысы уже бегут с корабля!..

* * *

В другой гримуборной, сложив руки на коленях и опустив очи долу, сидит умытый и причесанный Игорь Гордынский. Весь он исполнен смирения и покорности, как монастырский послушник, случайно опоздавший к молитве, и видно, что он себе в этом качестве чрезвычайно нравится. Перед Игорем гневно вышагивает Федяева, которая за маской вполне убедительного гнева тоже никак не может скрыть удовольствия от нечаянно выпавшей ей общественной нагрузки.

– Ты учи, ситуация накалилась до предела, – говорит Федяева. – Актеры тебя терпеть не могут. В особенности мужчины!

– Зато женщины меня терпят, – застенчиво улыбается Игорь. – А женщины – лучшая половина человечества...

– Ты не юродствуй! – пытается осадить его Федяева. – Еще один скандал – и вылетишь из театра. Это я тебе обещаю!

– Неисповедимы пути твои, Господи! – вздыхает Игорь. – Может, и вылечу. А может, и все вылетим...

– Это что за намеки? – настораживается Федяева, и лицо ее покрывается пунцовыми пятнами. – Что ты городишь?.. Куда это вылетим?..

– В трубу, Лидия Николаевна! – Игорь впервые отрывается от пола и смотрит на Федяеву. – Би-Би-Си слушать надо!..

* * *

В следующей гримуборной происходит бурное объяснение между Левушкой и его женой Татьяной. Вряд ли по ее поведению мы смогли бы определенно заподозрить ее в супружеской неверности – нет, она ведет себя так, как в подобной ситуации вели бы себя все остальные жены, но что сразу бросается в глаза, – это то, что она действительно очень красива.

– Нет, было!.. – Левушка бьется в истерике, но бьется, так сказать, шепотом, памятую, что на крик опять могут сбежаться участливые коллеги. – И не смей мне врать!.. Господи, да пусть бы это был кто угодно, только не этот пошлый дурак с оловянными глазами!..

– Левушка, ну перестань себя мучить! – Татьяна разговаривает с мужем тоном, каким терпеливые няньки уговаривают, увещевают избалованных дитятей. – Дать тебе валокордин?.. Что я должна сказать тебе, чтобы ты успокоился?

– Я уже никогда не успокоюсь! – огромное тело Левушки сотрясается от рыданий. – Я обречен носить в себе этот ужас всю жизнь! Ты меня убила, понимаешь?..

– Ты сам себя убиваешь, – Татьяна украдкой смотрит на себя в гримерное зеркало и незаметно поправляет локон. – Сейчас у тебя подскочит давление, и ты не сможешь репетировать. А все из-за твоего больного воображения...

– Я тебя понимаю! – сквозь слезы разглагольствует Левушка. – У тебя толстый, лысый, некрасивый да еще и ревнивый муж!.. Если бы у меня была такая жена, так я – я бы ее ненавидел!..

– А вот я тебя обожаю! – Татьяна мгновенно и точно принимает кокетливый Левушкин пас. – Такой уж у меня испорченный вкус. Глупенький ты мой, глупенький... Ну, иди ко мне!..

Татьяна с силой привлекает мужа к себе, и он утомленно затихает у нее на груди, как ребенок, изнутивший себя долгим плачем, причину которого он уже успел позабыть...

* * *

По бесконечным театральным коридорам стремительно и сосредоточенно движется молчаливая группа людей, чей облик сразу же выдает в них представителей иного, не театрального мира. Шляпы, плащи, галстуки, кейсы. На лице у каждого – выражение брезгливой усталости. Как ни схожи они между собой, но среди них можно выделить главного – у него брезгливые складки ярче, чем у остальных. При некотором напряжении в группе можно разглядеть и женщину – ее выдает отсутствие шляпы и высокая прическа. Сопровождает группу директор театра. Он хохорится, развлекает гостей, много и бесполково говорит – словом, изо всех сил пытается выглядеть хозяином положения, но по его растерянному лицу видно: пришельцы явились не с добром...

* * *

Актерский буфет – это место, которое дает, пожалуй, наиболее выразительное представление о том, что такое театр изнутри. Простой человек с улицы вряд ли с ходу разберется, кто эти люди. Персонажи средневековой мистерии, маски комедии дель арте, обитатели иных миров или выходцы из преисподней – нечто разноцветное, буйное, орущее, из которого глаз не способен выхватить ни одного нормального лица, ни одного обычного костюма. Есть тут и малый мир, гомонящий, визжащий, путающийся под ногами – это актерские дети. Впрочем, малый мир внешне почти не отличается от взрослого – те же экстравагантные лохмотья, те же размалеванные лица...

– К вам можно? – к одному из столиков подходит лохматый молодой человек в цепях и набедренной повязке. Это Боря Синюхаев, вечный театральный кочевник, летучий голландец сцены, неугомонный искатель удачи, сменивший уже шесть театров и готовящийся расстаться с седьмым. – К вам можно? Благодарю вас. Ну что, Андрей Иваныч, финита ля комедия?.. Вы уж, если что, возьмите меня в зайчики, ладно?..

Андрей Иванович Нанайцев, сосредоточенно поглощающий котлету, не сразу улавливает драматический смысл сказанного.

– В какие зайчики, Боря?

– А в елочные. Ну-ну, все же знают, что у вас отработанный номер. Вы – Дед Мороз, Элла Эрнестовна – Снегурка. А я мог бы зайчиком, хоть седьмым от начала...

– Ты, Боря, не мог бы! – обрывается с другого столика Тюрин. – Зайчик – серьезная роль. Надо же все-таки взвешивать свои возможности, нельзя же так зарываться!..

– А в связи с чем вас потянуло в зайчики? – интересуется Элла Эрнестовна.

– А в связи с закрытием театра! – Боря удивленно поднял брови. – Товарищи, вы что, с Тибета?.. Читали последнее интервью нашего главного в английской газете «Гардиан»?

– Мы «Гардиан» не выписываем! – гордо сообщает жена Тюрина.

– Вы еще скажите, что и Би-Би-Си не слушаете! – Боря пытается привлечь внимание сидящих за другими столиками. – А я слушал. Случайно. Всего не разобрал, но смысл у них такой: министерство культуры – говно, управление – само собой говно, и вообще все начальство – говно!..

– Яркая мысль! – индифферентно констатирует Элла Эрнестовна.

– Но самое-то интересное, – продолжает Боря, – он там и нас приложил. Артисты, мол, ленивые, невежественные, лишены, мол, гражданского чувства. За точность не поручусь, но в целом примерно так...

– А что вы имеете возразить? – печально спрашивает Андрей Иванович. – Такое уж мы племя!..

С грохотом летят на пол столовые приборы и тарелки, и над одним из соседних

столиков вырастает разъяренная Сима.

— Где это ты слышал, подонок? — слова ее обращены к Боре, но тот благоразумно делает вид, что увлечен едой. — Ну кого вы слушаете? Он же платный стукач, а вы тут развесили уши!

— Ну, пошло-поехало, — вздыхает жена Тюрина. — Тронули какашку!

— Сима, окстись! — Федяева вмешивается в разговор, как всегда, вовремя, ибо безошибочно чувствует, когда наступает заветная минута воспитывать и определять. — Ты что, полуумная? Человек не сам это придумал, а слышал по радио!

— Ни черта он не слышал! — захочится Сима. — Это все кагебешные штучки! Это ему такое задание дали — распространять поганые слухи!.. У-у, стукачина!

— Серафима Михайловна, — тихо говорит Элла Эрнестовна. — Ну зачем вы так?

— Да Борька не обижается, — успокаивает Эллу Эрнестовну Тюрин. — Мы у нее все стукачи, причем все платные. Вот черт, весь театр стучит, а жить все равно не на что!

— Надо срочно раздобыть телефон шефа! — голосом, не терпящим возражений, заявляет Федяева. — Я имею в виду лондонский телефон!

— И что мы ему скажем? —sarкастически улыбается Боря. — Прилетайте скорее, Георгий Петрович! Соотечественники заждались! В особенности на Лубянке!

— Во, слыхали! — снова взвивается Сима. — Типичные речи стукача! Чтобы говорить такое вслух и при этом не сесть — нужно иметь специальную лицензию!

— Серафима Михайловна, чтобы говорить вслух то, что несете вы, нужно тоже иметь лицензию, — вежливо говорит Борис. Сима захлебывается от ненависти и на минуту умолкает.

— Как хотите, а позвонить надо, — настаивает Федяева. — Театр не может существовать без его создателя. Должны же артисты знать, на каком они свете...

— Наивные, Господи... — морщится жена Тюрина. — Он прямо обрыдается вам в трубку.

— Но все-таки будет хоть какая-то ясность, — неуверенно поддерживает Федяеву Элла Эрнестовна.

— Да и так все ясно! — Боря отодвигает от себя тарелку и вытирает салфеткой губы. — Шефа лишают гражданства, а сюда пришлют другого главного. И весь сказ! Сценарий уже давно утвержден.

— Нет, позвольте! — горячится Федяева. — Мы же не стадо овец, с нами обязаны считаться! Такого просто не может быть!

— В этой стране все может быть! — мрачно усмехается Боря. — Неужели вы всерьез считаете, что они держат нас за людей? Мы для них — шуты гороховые!..

— Боря, никогда не говорите «в этой стране», — морщится Андрей Иванович. — Вы так мало похожи на иностранца...

— А что вас покоробило, Андрей Иванович? — удивляется Боря. — Непатриотичный оборот?.. Но вы же человек свободных взглядов, сами отсидели одиннадцать лет...

— Боря, вы с такой легкостью говорите «отсидели», — тихо вмешивается Элла Эрнестовна, — как будто Андрей Иванович отсидел ногу...

— Да, вернется он, вернется! — кричит Сима. — Ничего ему не сделают! Ты слышала это интервью? И я не слышала!.. И никто не слышал!..

— Гордынский тоже слышал, — меланхолично замечает кто-то.

— Андрей Иваныч! — к столику Нанайцева пробирается помреж Тамара. — Вас срочно к директору!..

* * *

...Едва переступив дверь в кабинет директора, Андрей Иванович безошибочным чутьем старого театрального домового и еще более безошибочным чутьем старого лагерника определяет: случилось что-то неладное, и не просто неладное, а совсем скверное, что

случается далеко не каждый день. Внешне вроде бы ничего не изменилось, все на своих привычных местах... Финская мебель, фестивальные призы, заграничные афиши... Гости в директорском кабинете тоже явление обычное, можно сказать, ежедневное... На столе сияют золотые коньячные рюмочки, глубокой морской зеленью мерцает тархун, но это тоже появляется здесь не только по большим праздникам... И все-таки в сердце Андрея Ивановича, как пузырьки в газировке, начинают бешено колотиться крохотные иголочки страха...

— Входите, входите, Андрей Иваныч, — голос директора бодр и приподнят, но при этом лицо почему-то почти свекольного цвета. — Знакомьтесь, товарищи: это Андрей Иваныч, наш парторг... Ну, товарищи из райкома его знают...

— И мы знаем! — с доброжелательной гримасой кивает единственная во всей компании дама. — В кино иногда выбираемся... Очень приятно видеть вас, так сказать, живьем!..

— Анна Кузьминична из горкома, — продолжает конфирмовать директор. — А это Юрий Михайлович... Это наш покровитель... Наш куратор... Наш, так сказать...

Тот, кого называли Юрием Михайловичем и в ком Андрей Иванович тотчас же угадал главного, демократично останавливает директора движением руки — это, мол, суeta, дело, мол, не в титулах, есть проблемы поважнее...

— Извините, что я в таком виде! — запоздало спохватывается Андрей Иванович. — У нас ежедневные репетиции... Мне сказали — срочно, я не стал переодеваться...

— А что вы, собственно, репетируете? — Юрий Михайлович не мигая смотрит на Андрея Ивановича. — Насколько я понимаю, ваш главный режиссер находится в Великобритании?

— Ну, есть же и очередные режиссеры... — поспешил вмешиваться директор. — Театр не может не репетировать. Люди потеряют квалификацию...

— Разумеется, без Георгия Петровича трудно, — Андрей Иванович пытается выглядеть раскованным и независимым, но под немигающим взглядом куратора у него это плохо получается. — Однако же мы пытаемся как-то существовать... И ждем его возвращения...

— А вы не ждите, — бесцветным голосом советует Юрий Михайлович. — Он не вернется. К тому же вчера приказом по министерству культуры он освобожден от обязанностей главного режиссера.

Андрей Иванович затравленно глянул на директора, тот смотрел в окно и вытирая шею платком...

Трое райкомовских о чем-то приглушенно переговаривались между собой... Дама из горкома заинтересованно разглядывала афишу... И только Юрий Михайлович так же в упор, не мигая, смотрел на Андрея Ивановича.

— Понятно, — механически кивнул Андрей Иванович, хотя в голове у него шумело, ничего-то ему не было понятно. — И что же теперь будет?..

— Об этом мы еще поговорим. А пока срочно соберите партком на предмет исключения Георгия Петровича из партии. Решение принято наверху, но провести его надо через первичную парторганизацию.

* * *

Перед дверью парткома застыла молчаливая группа актеров. Те же живописные лохмотья, те же размалеванные лица. Еще минута — и будет казаться, что это всего лишь цветная фотография, но нет, щелкнул дверной замок — и вся группа пришла в движение, отхлынула от двери, образовала живой коридор...

Сквозь коридор проходит начальство во главе с Юрием Михайловичем. Чувствуется, что им неуютно пробираться сквозь эту странную, разрисованную, полуголую и враждебно настроенную толпу.

Вслед за начальством появляются члены парткома. Они идут молча, гуськом, не поднимая глаз, впереди, осунувшийся и постаревший, идет Андрей Иванович. Элла

Эрнестовна кидается к нему и, как сестра милосердия – раненого, принимает его на плечи.

– Ну что? – пытает одного из членов парткома Тюрин. – Кто был за, кто был против?

– Все – за! – вяло отвечает член парткома. – И попробовали бы не проголосовать...

– Исключили? – ахает Сима. – Ах вы, гадье!.. Ах вы, твари позорные!..

– Был бы у тебя партбилет, – огрызается другой член парткома, – ты бы по-другому заговорила!..

– У меня партбилет? – хохочет Сима. – Да я с таким, как ты, на одном гектаре... На кой мне он нужен, если из людей делает таких вот нелюдей?

– Не усугубляй, Сима, – мягко говорит Левушка. – Им и так тошно. Еще не вечер, еще не вечер... Будем бороться...

– Отборолись! – не унимается Сима. – Это вы при шефе были борцы!.. А без него вы – мразь!..

– Надо срочно написать в Политбюро, – пытается взять ситуацию в свои руки Федяева. – С просьбой о пересмотре...

– Лучше в ООН, Лидия Николаевна, – серьезно советует Гордынский. – Быстрее отреагируют.

– А что теперь с нами будет? – кокетливо вопрошает Аллочка. – Мы теперь тоже вроде как бы враги народа.

– Что-нибудь придумают, – в тон ей отвечает Ниночка. – Может, сошлют, может, расстреляют.

– Скорее всего, сошлют! – авторитетно поддерживает разговор Боря. – Будут предлагать точки – проситесь в Англию.

* * *

...На одном из столиков в гримуборной Андрея Ивановича разложена целая аптечка, над которой хлопочет переполошенная Элла Эрнестовна. Сам Андрей Иванович полулежит на диване, руки теребят диванную обшивку, на лбу – бисеринки пота.

– Да нормально, Элла, – успокаивает он жену, хотя самого колотит крупная дрожь. – Под лопаткой уже отпустило... Много нитроглицерина тоже нельзя, может быть коллапс... Ты знаешь, это было, как гипноз... Вот он смотрит на меня, и я чувствую, как язык у меня деревенеет... У него такой взгляд... нехороший взгляд... как у тех...

– Это страх, Андрюша, – Элла Эрнестовна промокает платком влажный лоб мужа. – Это на всю жизнь. Ты уж смирись с этим, побереги сердце...

– Он зачитал нам какую-то ерунду... Цитаты из западных газет... В общем, я плохо помню... А потом предложил голосовать... И рука у меня поднялась сама собой... И все подняли руки. Хотя нет, один был против. Коля Малинин. Монтировщик.

– Не будь ребенком! – уверяет мужа Элла Эрнестовна. – Ты думаешь, от вас что-то зависело?.. Да они исключили бы Георгия Петровича и без вас!.. Ваше голосование – пустая формальность!..

– Да пойми, Элла, – стонет Андрей Иваныч, – им было важно сделать это нашими руками!.. Чтобы показать нам, какие мы ничтожества!.. И они этого добились. Да, собственно говоря, и не добивались. Просто цыкнули – и мы тут же упали на карачки!.. Господи, какойстыд!..

– Прекрати, Андрей! – Элла Эрнестовна переходит на шепот. – Ты же знаешь эту машину. Она раздавит всякого, кто будет ей сопротивляться. Ты однажды уже попробовал. Пусть пробуют другие!..

* * *

По радиотрансляции – настойчивые звонки.

Татьяна в своей гримуборной поспешно натягивает на себя какую-то хламиду. Оглядывает себя в зеркале. Поправляет волосы. Пудрит нос.

«Ку-ку!» – Татьяна резко поворачивается и видит высовывающуюся из-за вешалки физиономию Гордынского.

– Ты с ума сошел! – ахает Татьяна. – Тебя ж могут увидеть!.. А ну, выматывайся немедленно!..

– Сейчас время пик, – объясняет Игорь. – Все на прогоне. – И тут же меняет тон: – Тань, только один вопрос: когда мы увидимся?

– Никогда, Игорь, – Татьяна снова поворачивается к зеркалу. – И не задавай больше никаких вопросов.

– Вот это да! – лицо у Игоря вытягивается. – Так-таки и никогда? Напугал тебя наш мавр!..

– Я не хочу доставлять Леве неприятные минуты. И так весь театр шушукается.

– А обо мне ты подумала? – вскрикивает Игорь. – Или мои переживания тут не в счет?..

– Ты – другое дело, – парирует Татьяна. – Ты – свободный человек. И потом – я люблю мужа.

– Что ты говоришь! – ехидничает Игорь. – Оказывается, ты любишь мужа!.. Не поздновато ли прозрела?

– А ты и в самом деле пошляк! – Татьяна брезгливо разглядывает Игоря в зеркале. – Правильно про тебя говорят: пошлый дурак с оловянными глазами... .

– Это кто же так говорит? – последние слова задели Игоря за живое. – Уж не Левушка ли? В таком случае можешь передать ему, что он благородный умник с натуральными рогами!..

Вот этого говорить не следовало, тут Игорю явно изменило чувство меры. Он не успевает даже осмыслить сказанное, а в руках у Татьяны уже матово поблескивают щипцы для завивки волос.

– Пошел вон! – приказывает Татьяна. – Немедленно пошел вон, или я за себя не отвечаю!

Вслед за тем щипцы действительно летят в сторону Гордынского, но он уворачивается.

– Правильно, – бормочет Игорь, потихоньку перемещаясь к двери, – один с топором, другая – со щипцами... Вполне в духе вашей семьи!.. Интересно, чем будут швыряться ваши дети...

В дверь, которая за ним поспешно захлопывается, летит флакон дезодоранта.

* * *

– Продали, подлюки! – стоя под горячим душем, Сима так яростно намыливает голову, как будто именно она главная виновница случившегося. – С потрохами продали! Ну ничего, вернется шеф – вы еще попляшете!..

– Ребята не виноваты, Серафима Михайловна! – робко вступается Алочка. – Они сами испереживались... Но что они могли сделать?

– Может, еще можно что-то исправить? – Ниночка косится на Гвоздилову. – Написать самому Черненко? Как вы считаете, Елена Константиновна?

– Я считаю, что когда актрисы разговаривают о политике – это уже смешно, – снисходительно отвечает Гвоздилова. – Но вдвойне смешно, когда они делают это в голом виде...

– Ах, тебе смешно? – Сима задохнулась от ярости. – Ну еще бы!.. Мы такие интеллектуальные, мы читаем Брохеса, остальное нам до лампочки! Правильно тебя шеф ненавидел!

Гвоздилова пожимает плечами, спокойно выключает воду и, не удостоив Симу

ответом, выходит в раздевалку.

— Как вам не стыдно! — срываются Аллочка (как и большинство молодых актрис в театре, она испытывает перед Гвоздиловой благоговейный трепет). — Елена Константиновна — воспитанный человек, а вы — базарная торговка!

— Вы просто завидуете Елене Константиновне! — поддерживает подругу Ниночка. — Завидуете ее успеху!.. Ее все уважают, а вас — нет!

— Я завидую? — поперхнулась Сима. — Матрешки, да вы в своем уме?.. Я завидую этой вяленой медузе?

Аллочка и Ниночка переглядываются и, не сговариваясь, высказывают в раздевалку, оставив Симу в гордом одиночестве.

— Бегите, бегите, шпана! — напутствует их Сима. — Поносите шлейф за своей старенькой королевой!..

* * *

В раздевалке Гвоздилова, уже накинувшая на себя халат, растерянным взглядом обводит пустые полки своего шкафчика.

— Девочки, простите, вы не видели... Я отлично помню, что положила их вот сюда... В общем, у меня пропали трусики.

— Это Серафима! — уверенно говорит Аллочка. — Руль за сто, это ее каверзы!

— Серафима Михайловна! — кричит Ниночка. — Вы случайно не видели трусики Елены Константиновны?

Из душевой доносится довольный смешок — Сима взяла реванш.

— Это французские, что ли? — отзыается Сима. — Как же, видела! Они просили передать, что улетают в Париж искать себе задницу поприличней!..

— Жалко Симу, — неожиданно говорит Гвоздилова. — Она очень хороший и искренний человек. Но ей мешает то, что она борется со всеми сразу...

* * *

А в душевой мокрая, голая, несчастная Сима отчаянно стучит кулаком в кафельную стену: «Суки вы!.. Суки продажные!.. Трусы!..»

* * *

...У стендса, где вывешиваются наиболее сенсационные вырезки из журналов и газет, скучилась огромная толпа. Все разговаривают шепотом, как на похоронах, подходят все новые люди, и каждый пробивается поближе к стенду, чтобы собственными глазами прочитать те роковые пять строк, которые уже выучены всеми наизусть: «Указом Президиума Верховного Совета СССР... лишить гражданства., за оскорбительные выпады в адрес...»

— Все! — констатирует мрачно Боря и обнимает за плечи притихшего Левушку. — Амба!.. Теперь они могут делать с нами все, что захотят!

* * *

...И снова по бесконечным тоннелям, коридорам и переходам театра нервной рысью несется начальственная группа. Шляпы, плащи, кейсы. Где-то сбоку семенит директор,

показной удали в нем заметно поубавилось, весь он как-то обмяк и сник, поэтому путешествие происходит в полном молчании.

* * *

...В огромном репетиционном зале собралась вся труппа. Ни покашливания, ни шушукалья, ни скрипа стульев, как это обычно бывает, когда в зале собирается много людей, – тишина. На первый взгляд может показаться, что там, куда сейчас устремлены взгляды актеров, происходит нечто завораживающее, притягательное, необычное – словом, нечто такое, от чего нельзя отвести глаз. Но вот камера берет обратную точку, и мы видим, что ничего необычного там нет: напротив неподвижной и безмолвной труппы – такой же неподвижный и безмолвный президиум, состоящий из уже известной нам начальственной пятерки. Пауза затягивается, становится двусмысленной, начинает заполняться опасной энергией.

– Ну что же, товарищи... – Юрий Михайлович окидывает аудиторию взором доброжелательной Горгоны. – Поскольку никто из вас не желает выразить свою точку зрения на случившееся, то я позволю себе сделать одно деловое сообщение. В связи с лишением гражданства Рябинина Георгия Петровича, соответствующие инстанции приняли следующие решения. Первое. Снять фамилию Рябинина с афиши театра...

– Как это снять? – вскакивает Сима. – Он же создал этот театр! Его фамилию знает весь мир!

– Возможно, – мягко соглашается Юрий Михайлович, – хотя, думаю, вы сильно преувеличиваете. Но согласитесь, что фамилия антисоветчика на советской афише – это недопустимая вещь. К тому же, Рябинин больше не главный режиссер театра. Второе. Исключить из репертуара все спектакли, поставленные Рябининым.

– А что же останется? – выкрикивает с места Левушка. – У нас все спектакли поставлены Рябининым. И только три – другими режиссерами.

– Вот это и есть ваш прожиточный минимум, – терпеливо объясняет Юрий Михайлович. – Во всяком случае, до прихода нового главного режиссера. И, наконец, третье. Репетиции новых спектаклей, начатых Рябининым до его отъезда, немедленно прекратить...

– Это никак невозможно! – с жаром возражает Федяева. – Артисты должны репетировать. Иначе половина из нас останется без работы!

– Странно все-таки получается, – словно ни к кому не обращаясь, раздумчиво говорит Юрий Михайлович. – Вы готовы говорить о чем угодно, только не о существе вопроса. А ведь поступок вашего бывшего шефа касается в первую очередь именно вас. В редакции центральных газет поступили уже десятки тысяч писем от трудящихся с резкой оценкой возмутительного поведения Рябинина...

– Можно вопрос? – простодушно спрашивает Гордынский. – А откуда трудящиеся узнали о возмутительном поведении Рябинина?.. Я внимательно слушаю советское радио, читаю и выписываю газеты – там ничего про это не говорят!..

Оглушительная пауза, наступившая вслед за репликой Игоря, вдруг взорвалась чьим-то звонким смешком. Засмеялся Боря, открыто и без страха глядя в гипнотические глаза Юрия Михайловича... Засмеялся Левушка... Засмеялась Татьяна... Усмехнулся Андрей Иванович... Улыбнулась Гвоздилова... Сообразив, в чем дело, в голос захочотала Сима... И вот уже вся труппа находится в хохоте, он идет волнами откуда-то из задних рядов, докатывается до президиума, обрушивается на него и откатывается вновь, чтобы через секунду вернуться новой оглушительной волной... Зафиксируем это вечное историческое противостояние. Хохочущая аудитория и окаменевший президиум. Сумасшедшие и здравомыслящие. Шуты и начальники.

* * *

... В актерском фойе труппа собралась на экстренный междусобойчик. Затурканный директор, сложив руки умоляющей лодочкой, тщетно пытается утихомирить актеров...

– Товарищи, Юрий Михайлович... м-м... выразил желание побеседовать с рядом актеров... м-м... с глазу на глаз... Огромная просьба, товарищи, ведите себя сдержанно и корректно!..

– Петр Егорыч! – неожиданно спрашивает Федяева. – А что это за анонимные люди в театре?.. Кто их пропустил?

Чуть в стороне демонстративно скучает группа молодых людей физкультурного вида. Все они в чехословацких костюмах и с короткими прическами. На лице у каждого присутствует яркое выражение незаинтересованности.

– М-м... это я их пропустил... – в замешательстве мямлит директор. – Мне позвонили из... м-м... В общем, товарищи просто контролируют ситуацию...

* * *

... Юрий Михайлович вонзает в Левушку свой немигающий взгляд, и тот съеживается, как устрица, в которую воткнули вилку.

– Нет, Лев Александрович, отмалчиваться вы не имеете права. Театр должен как-то обозначить свою гражданскую позицию. Скажем, написать коллективное письмо в газету...

– Я не люблю коллективные письма, – быстро говорит Левушка. – Это ложь и гадость. Каждый обязан иметь свою точку зрения.

– И какова же ваша точка зрения на поведение Рябинина? – любопытствует Юрий Михайлович. – Надеюсь, она не слишком расходится с точкой зрения партии и правительства?

– Слишком, – обреченно отвечает Левушка. – В поведении Рябинина нет никакой крамолы. Я считаю, что правительство должно вернуть ему гражданство!.. И извиниться перед ним!..

– Занятная идея! – сочувственно кивает Юрий Михайлович. – И вы надеетесь увлечь правительство этим проектом?

– Не знаю, – искренне сознается Левушка. – Видимо, надо обратиться к общественности. Люди должны знать правду!

– Скажите, а как вы относитесь к Гордынскому? – неожиданно меняет тему Юрий Михайлович. – Что он из себя представляет?

– Игорь? – вопрос застает Левушку врасплох. – Ну, как вам сказать... Человек как человек... А почему он вас интересует?

– Пытаюсь выяснить обстановку в театре, – улыбается Юрий Михайлович. – Говорят, что актер он средний... Да и человек – так себе...

– Кто это говорит? – Левушке становится нехорошо. – Игорь замечательный актер и достойный человек. В театре его любят...

– Да ну? – искренне удивляется Юрий Михайлович. – И вы тоже?.. А с чего бы это вам гоняться за своим любимцем с топором?

– Это частный конфликт, – баగровеет Левушка. – Он никого не касается... Я вообще не понимаю, к чему этот разговор...

– Не годитесь вы в Робеспьеры, Лев Александрович! – словно не слыша Левушкиного пыхтения, продолжает Юрий Михайлович. – Прежде, чем давать советы правительству, надо заслужить уважение собственной жены!

– Вы не смеете! – высоким голосом кричит Левушка. – Вы не смеете лезть в чужую жизнь! Я подам на вас в суд!

– Ступайте, Лев Александрович! – Юрий Михайлович морщится, как от зубной боли. –

И подумайте относительно письма. Горком очень обеспокоен климатом в театре. И моральным, и политическим...

* * *

...По театральному фойе, не обращая внимания на стриженых мальчиков в чехословацких костюмах, шествует долговязый молодой человек в очках и с фотоаппаратом. Его останавливают. Он что-то энергично объясняет, показывая рукой в сторону гримуборных, но видно, что его объяснения мальчиков не удовлетворяют.

— Это ко мне! — спешит на выручку Гвоздилова. — Корреспондент из «Советского экрана»!.. Пропустите, пожалуйста!..

Гвоздилова умеет приказывать не приказывая. Мальчики улыбаются и разводят руками — мол, сами понимаете, такая служба. Корреспондент проходит в гримуборную Гвоздиловой и закрывает за собой дверь...

— Учитесь, девки!.. — злобно шипит Сима. — Вот как надо устраиваться!.. В театре — траур, а у нее — самая жизнь!..

* * *

...В гримуборной корреспондент щелкает Гвоздилову.

— Голова чуть направо. Подбородок чуть выше. И легкий проблеск улыбки. А смотреть не точно в объектив, а чуть поверх него. Замечательно.

— Жаль ваших усилий! — усмехается Гвоздилова. — Из-за Рябинина материал наверняка не пойдет. Видите, что творится в театре?.. Чуть ли не комендантский час!..

— Ужас! — соглашается корреспондент, взявшись с фотоаппаратом. — Но будем надеяться. Все-таки дети за отцов не отвечают. И потом кино — другое ведомство...

Он на секунду отрывается от фотоаппарата и озадаченно смотрит куда-то за плечо Гвоздиловой.

— Елена Константиновна! Что это у вас там за надпись?.. Я не имею ничего против этого лозунга, но он может испортить нам кадр!..

Гвоздилова оборачивается. Во всю ширину зеркала губной помадой написано: «Долой сук!» Елена Константиновна устало вздыхает и начинает оттирать зеркало носовым платком...

* * *

— А чего ж не подписать? — весело удивляется Игорь. — Георгию Петровичу от моей подписи зла не прибудет. Только текст вы сами составьте, у меня не получится.

— Текст не главное, — Юрий Михайлович внимательно изучает развалившегося в кресле Гордынского. — Нужно минимум десять подписей. Тогда это мнение театра.

— Организуем! — машет рукой Игорь. — Но я надеюсь, это будет как-то учтено?.. Ну, звание, квартира... Или там командировка в Японию?..

— При чем тут Япония? — на скулах Юрия Михайловича рельефно проступают желваки. — Вы что себе позволяете?

— Как при чем? — обижается Игорь. — Раз я у вас на службе... Ну-ну, не торгуйтесь!.. За крупное паскудство надо и платить по-крупному!

— Плохо шутите, Гордынский! — чувствуется, что спокойствие дается Юрию Михайловичу с трудом. — При вашей репутации я бы вел себя скромнее.

— Уже донесли! — расстраивается Игорь. — Клеветники, завистники!.. Ну не дает им

покоя мое сексуальное здоровье!

— С сексуальным здоровьем у вас все в порядке, — желчно улыбается Юрий Михайлович. — А вот с пропиской, насколько мне известно, дело обстоит гораздо хуже...

— У меня временная, — Гордынский с готовностью лезет за паспортом, словно собираясь показать. — Директор все обещает квартиру, но... то генсек помрет, то Рябинина лишают гражданства...

— Так вот, если вы не возьметесь за ум, — веско и внушительно говорит Юрий Михайлович, — то можете вообще вылететь из Москвы. Тем более что театр вами не очень-то дорожит!

Игорь элегически смотрит в окно, потом с сожалением цокает языком и поднимается с кресла.

— Нетонко! — кручинится он. — Я существо ажурное, меня надо было вербовать бережно. Жаль, жаль!.. Вы были в сантиметре от успеха!

* * *

... В стеклянную кружку с шипением льется золотистое пиво... На патефонном диске крутится обшарпанная пластинка... Флегматичный Дрюля, задумчиво прихлебывая из пивной кружки, слушает Верди... В гримуборную влетает растрепанный Тюрин, чертыхаясь, шарит по бесчисленным складкам висящей на вешалке хламиды, наконец достает из ее недр смятую пачку сигарет...

— Вот это нервы!.. — разминая сигарету, восхищается Тюрин. — Земля горит, небо рушится, а мальчишка слушает Верди!.. Аномальный ты все-таки тип, Дрюля!..

— Это вы аномальные!.. — меланхолично отвечает Дрюля. — Все играете в казаки-разбойники!.. А я вне политики. Я ищу гармонию... Пью пиво, читаю Библию, слушаю Верди!..

— А вот скажи мне, Дрюля, — заинтересовывается Тюрин, — если тебя убивают... или лезут к тебе в квартиру... или насилуют твою жену... Что ты будешь в это время делать?.. Читать Библию?..

— Давай без глобальностей! — морщится Дрюля. — Никто нас покамест не убивает!.. Не надо мышиную возню выдавать за гибель Помпеи!..

* * *

... В разговоре с Гвоздиловой Юрий Михайлович мучительно напрягает остатки своего мужского шарма, — все-таки знаменитость, кинозвезда! — но, видимо, шарм начальника изрядно пожух от многолетнего бездействия, потому что не производит на Гвоздилову ни малейшего впечатления.

— Насколько мне известно, Елена Константиновна, — журчит Юрий Михайлович, — вы и раньше не ладили с Рябининым? А уж последний его поступок, видимо, и вовсе не привел вас в восторг?

— Я не делаю из этого тайны, — ровно отвечает Гвоздилова. — На мой взгляд, Георгий Петрович повел себя легкомысленно. Чем и поставил театр под удар.

— К сожалению, не все это понимают, — элегически вздыхает Юрий Михайлович. — Вот вы бы и объяснили это вашим коллегам. Да и не только коллегам...

— Вы предлагаете мне осудить Рябинина публично? — Гвоздилова качает головой. — Нет, во всенародных шабашах я неучаствую.

— Ну что за формулировка, Елена Константиновна? — мягко досадует Юрий Михайлович. — Вы же скажете то, что думаете. И что же плохого в том, что ваше мнение совпадет с мнением большинства?

– Дело не в большинстве, – терпеливо объясняет Гвоздилова. – Своим мнением я поддержу ваше мнение. А поддерживать вас – аморально.

– Кого это – вас? – Юрий Михайлович срывается на фельдфебельский тон. – Народ, партию, правительство?

– У вас мания величия, – спокойно отвечает Гвоздилова. – Вас – это лично вас. И вам подобных. А таких в стране много.

– Вы хотите меня оскорбить? – глаза Юрия Михайловича наливаются металлической синевой. – Это очень рискованно, Елена Константиновна!

– Вас нельзя оскорбить. Вы счастливый человек. Знаете поговорку: самый счастливый человек тот, кто не знает степени своего несчастья...

Гвоздилова безмятежно смотрит на Юрия Михайловича и ослепительно улыбается. Марлен Дитрих. Небожительница. Кинозвезда.

* * *

...В узком проеме плохо прикрытой женской гримуборной вот уже несколько минут настырно маячит какая-то фигура.

– Девочки, смотрите! – фыркает полуголая Ниночка. – Скоро нам придется раздеваться при них!.. Да вы входите, молодой человек, вам же оттуда не видно!..

Сима рывком распахивает дверь. Наблюдатель слегка отшатывается, но на его лице нет и тени смущения. Тухлый взгляд. Профессиональное выражение задумчивой рассеянности.

– Глупая ты, Нинка! – говорит Сима, не отрывая насмешливого взгляда от наблюдателя. – Нужны ему твои сиськи!.. У него тут дела посеръезней. Он контрреволюцию ищет. Правда, шурик?..

– Я не Шурик! – с достоинством отвечает застигнутый. – Меня зовут Евгений. А если быть совсем точным, то Евгений Александрович.

– Иди ты!.. – изумляется Сима. – У тебя ведь, поди, и фамилия есть?.. Но все равно, ты шурик! Все вы, Евгений Александрович, шурики!..

И Сима с треском захлопывает дверь.

* * *

...В кабинете директора накаленная обстановка. Вся начальственная пятерка в сборе. От былой респектабельности Юрия Михайловича не осталось и следа. Злой и взъерошенный, он втыкается сухими колючками глаз то в директора, то в Андрея Ивановича.

– Гнилой у вас коллективчик-то, гнило-о-ой!.. Распустил их Рябинин! Ну ничего, я им загривки поломаю! Готовьте приказ, Петр Егорович. Бусыгина, Гвоздилову и Гордынского – на увольнение.

– То есть, как на увольнение? – шепчет Андрей Иванович. – Но ведь это же произвол!.. У вас нет оснований!..

– Оснований больше, чем достаточно! – отрубает Юрий Михайлович. – Вам нужна формулировка? Неэтичные выпады в адрес советских и партийных руководителей. И пусть еще скажут спасибо, что только увольнение, а не семидесятая статья!

– Юрий Михайлович, – пробует вмешаться директор, – нельзя же так – сплеча... С Гвоздиловой может получиться скандал...

– Скандала не будет, – успокаивает директора Анна Кузьминична. – Горком полностью поддерживает позицию Юрия Михайловича. Райком, я надеюсь, тоже.

Безмолвные райкомовские анонимы согласно кивают головами: дескать, о чем речь, разумеется, поддерживаем.

– Но за что же увольнять? – негодует Андрей Иванович. – За то, что люди отстаивают свои моральные принципы?

– Моральные принципы? – Юрий Михайлович буквально задыхается от сарказма. – Одна трахается чуть ли не у всех на глазах... Извините, Анна Кузьминична... Другой носится по театру с топором!.. И при этом они еще умудряются иметь моральные принципы!..

– Ну зачем же вы так... – тускло возражает директор. – Просто актеры – легко возбудимые люди... Я сам в прошлом актер...

– Знаете, а у меня создалось впечатление, – интимно делится Анна Кузьминична, – что актеры немножко не люди. Похожи на людей. Очень похожи. Но не люди.

– Вот вы! – Юрий Михайлович резко поворачивается к Андрею Ивановичу. – Скажите, почему вы, пожилой человек, фронтовик, секретарь парткома, позволяете себе входить в кабинет в таком шутовском виде? Или вы таким образом демонстрируете мне свою независимость?

Андрей Иванович рассматривает свои лохмотья с таким видом, будто видит их в первый раз в жизни.

– Я у себя дома, – пожимает он плечами... – Я же не упрекаю вас за вашу форму.

Начальники переглядываются. Действительно, все одеты одинаково. Костюмы серого цвета. Галстуки. Кейсы. Даже на Анне Кузьминичне узенький дамский галстучек и строгий серый жакет. А уж трое близняшек из райкома – те и вовсе неотличимы друг от друга, как малыши в детприемнике.

– Хамите? – прищуривается Юрий Михайлович. – Ну, валяйте, ревитесь!.. Но предупреждаю, я человек злопамятный. И наглых шуток не прощаю!

– А вы меня не пугайте, гражданин начальник, – голос у Андрея Ивановича вдруг становится сиплым. – Меня и не такие пугали. И – ништяк, оклемался.

– Прекратите юродствовать! – кричит Юрий Михайлович. – Вы не на сцене!.. Разгулялись, клоуны! Я приведу вас в чувство! Вы у меня узнаете, что почем! Вы у меня на карачках ползать будете!

Юрий Михайлович внезапно смолкает, потому что из-за плеча Андрея Ивановича появляется Элла Эрнестовна. За ней в проеме двери – напряженные лица актеров.

– Не смейте на него кричать, – тихо говорит Элла Эрнестовна. – Или я вас ударю.

* * *

В тесной гримуборной не прдохнуть от табачного дыма.

– Одного я не понимаю, – быстро и возбужденно говорит Федяева. – Ну ладно, Левушка, ну ладно, Гордынский... Это для них не авторитеты... Но как они решились уволить Елену Константиновну?!

– В такой рубке щепок не считают! – усмехается Боря. – Им важно уничтожить Рябинина. Тут все средства хороши. Политика, Лидия Николаевна, грубая вещь!

– Политика тут ни при чем, Боря! – Гвоздилова качает головой. – Это биологическая война. Знаете, как у насекомых?.. Они чувствуют чужих. И пожирают. И не важно, прав ты или виноват. Важно, что ты не из их породы...

– Они нас будут жрать, – не выдерживает Левушка, – а мы будем молчать. Из деликатности. Чтобы не испортить им аппетита. Должны же мы хоть как-то защищать свое достоинство!..

Дверь распахивается, и в гримуборону влетает Тюрин.

– Левушка, говори потише! – шипит Тюрин. – А то возле вашей двери гуляет такой спортивный паренек, и ухо у него откровенно растет в вашу сторону!

– Черт-те что! – тихонько смеется Борис. – Вот так рождаются диссиденты. Я уже начинаю чувствовать себя маленьким Герценом...

* * *

… Дверь в кабинет директора осторожно приоткрывается, и в образовавшемся проеме появляется неуверенное лицо Татьяны.

– Пожалуйста, Танечка, входите! – директор рад любой возможности разрядить взрывоопасную атмосферу, а Татьяна все-таки дьявольски красива. – Вы ко мне или к... Знакомьтесь, товарищи, это Татьяна Бусыгина, наша молодая актриса!

– Мы наслышаны, – лаконично отзыается Анна Кузьминична и брезгливо поджимает губы.

Татьяну ничуть не смущает такая реакция, она привыкла, что все женщины в ее присутствии делают постное лицо и поджимают губы.

– Я бы хотела переговорить с Юрием Михайловичем, – извиняющимся голосом говорит Татьяна. – Всего несколько минут... Но, если можно, – конфиденциально...

Анна Кузьминична косится на Юрия Михайловича, пытаясь отыскать на его лице хоть слабую тень неудовольствия, но тот смотрит на Татьяну с явным любопытством – все вы, мужики, одинаковы! – и Анна Кузьминична с неохотой встает с кресла. Райкомовские близнецы поднимаются вслед за ней и синхронно хватаются за кейсы.

– Мы будем в буфете, – бурчит Анна Кузьминична. – Петр Егорыч, вы нас не проводите? А то в ваших катакомбах без проводникаходить опасно.

Директор предупредительно распахивает двери, и руководящая группа, топая, как октябрьята на выпасе, гуськом покидает кабинет.

– Я догадываюсь, зачем вы пришли, – не дожидаясь Татьяниных объяснений, говорит Юрий Михайлович. – Вы хотите уговорить меня аннулировать приказ об увольнении. Разочарую вас сразу – этого не будет.

Он едва успевает договорить фразу – и Татьяна тотчас, без всякой подготовки, начинает плакать. Глаза ее мгновенно набухают прозрачной влагой, нос краснеет, губы складываются в обиженную гримасу.

– Это жестоко, жестоко! – сглатывая слезы, говорит Татьяна. – Может быть, актеры повели себя немного легкомысленно, но нельзя же приговаривать за это к смертной казни!.. А увольнение – это казнь!

– Перестаньте демонстрировать свои профессиональные навыки! – Юрий Михайлович избегает смотреть на Татьяну. – Актерские слезы – недорогой товар. Этому учат в любом театральном институте.

– А в женские слезы вы верите? – Татьяна поднимает опухшие от слез веки. – Вы – сильный, умный, добрый человек. Ну почему вам так нравится выглядеть извергом?

– Я – изверг? – Юрий Михайлович возмущенно разводит руками. – А Рябинин кто – ангел? Он же вас предал!.. Почему же вы обвиняете всех вокруг, а его берете под защиту?

– Я умоляю вас, отмените приказ! – в голосе Татьяны слышатся какие-то новые решительные нотки. – Муж не знает, что я здесь. Он просто не пустил бы меня к вам. Я сделаю для вас все, что вы захотите, только отмените приказ!

– Вы с ума сошли? – сочувственно интересуется Юрий Михайлович. – Вы просто обольстительница из плохого кино. Но вам не кажется, что вы выбрали не самое удачное место для совращения?

Татьяна дергает за какой-то невидимый шнурок у горла – и пышная театральная хламида тяжелыми складками падает к ее ногам.

– Эт-то что такое? – ошеломленный Юрий Михайлович панически кидается к Татьяне. – Вы соображаете, что вы делаете? А ну-ка, оденьтесь немедленно!.. Слышите?!

– Я заперла дверь, – лихорадочно шепчет Татьяна, лицо ее почти касается лица Юрия Михайловича. – Ключ у меня. Не надо бояться, сюда никто не войдет...

– Сумасшедшая! – шипит Юрий Михайлович. – Всех вас надо в Кащенко! Оdevайтесь

сию же секунду, или я позовню...

— В милицию? — Татьяна заглядывает в глаза Юрию Михайловичу. — Или в горком? Вы меня не обманете! Женщина всегда знает, нравится она или нет. Я же видела, какими глазами вы смотрели на меня там, на собрании...

И она неожиданно впивается в губы Юрия Михайловича долгим и мучительным поцелуем.

Щелчок. Блиц. Щелчок. Блиц...

Обалдевший Юрий Михайлович не сразу понимает, откуда вдруг появился этот режущий глаза свет...

Щелчок. Блиц. Щелчок. Блиц...

А когда понимает, то уже ничем не может себе помочь. Так и стоит посреди директорского кабинета с дико вытаращенными глазами, галстуком, съехавшим набок, и растерзанной рубашкой, в обнимку с голой красавицей, бесстыже улыбающейся в фотообъектив...

Щелчок. Блиц. Щелчок. Блиц...

Левушка аккуратно прячет фотокамеру в футляр, Татьяна деловито натягивает на себя хламиду. За их спинами — группа актеров. В глазах — ни удивления, ни осуждения, ни восторга. Закончился спектакль. Свершился акт возмездия...

— Признаться, я вас недооценивал! — почти с восхищением констатирует Юрий Михайлович. — Страшный вы народец!

— С волками жить — по-волчьи выть, — равнодушно отвечает Левушка. — Вы сами выбрали этот вид оружия.

— И что же вы будете делать с фотографиями? — кисло улыбается Юрий Михайлович. — Отшлете в газету «Правда»?

— Ну почему обязательно в «Правду»? — так же без интонаций отвечает Левушка. — Есть и другие правдивые газеты. Например, «Юманите».

Юрий Михайлович пристальноглядит на Левушку, пытаясь понять, не шутит ли он, но в глазах у Левушки холодно и пустынно, как в зимних небесах...

* * *

...В одном из многочисленных театральных переходов дорогу актерам внезапно преграждает группа угрюмых пареньков в чехословацких костюмах.

— Отдайте камеру! — негромко требует один из них, судя по виду, старший.

— Разве она ваша? — кротко удивляется Левушка и прячет фотокамеру за спину.

— Отдайте камеру! — не повышая голоса, повторяет старший.

— Лева, пас! — кричит Игорь, неизвестно когда и как оказавшийся за спиной у «чехословацкой» группы, и вытягивает руки: дескать, ловлю!

Левушка неловко кидает фотокамеру Игорю. Тот едва успевает поймать ее и тут же получает сокрушительный удар в переносицу. Удар, надо сказать, профессиональный, потому что Игорь валится наземь, как сноп. Истошно визжит Сима, Левушка бросается Игорю на помощь, но двое бравых пареньков мгновенно заламывают ему руки.

Старший вскрывает камеру: камера пуста, пленки нет.

— Где пленка?

Левушка с заломленными назад руками пожимает плечами:

— А ее и не было...

По знаку старшего Левушку быстро ощупывают — пленки нет.

— Я ж вам сказал: не было. Шутка!..

Старший коротко размахивается и в сердцах расшибает камеру о стену. Всклипывают осколки. Вся операция занимает не более нескольких секунд.

Потрясенные и притихшие, стоят в театральном переходе артисты.

А слаженная группа «бойцов невидимого фронта» молча удаляется по пустынному коридору.

* * *

…В кабинете директора хлопочут врачи. Бледный Юрий Михайлович в расстегнутой рубахе лежит на директорском диване.

– Сволочи! – не может успокоиться Анна Кузьминична. – Нет, я этого так не оставлю!.. Я натравлю на них прокуратуру!

– Успокойтесь, Анна Кузьминична! – директор дрожащими руками наливает в стакан воды. – Выпейте тархунчику!.. Аристы погорячились… Они люди нервные!..

– Оставьте! – Анна Кузьминична отталкивает стакан. – Таким нервным место в Лефортове, а не на советской сцене! Будь моя воля, я бы их…

– Анна Кузьминична, – просит с дивана Юрий Михайлович, – соедините меня с Николаем Андреичем! А вы, Петр Егорыч, соберите труппу на последний разговор…

* * *

В репетиционном зале – звенящая тишина. Тишина, чреватая взрывом. Юрий Михайлович говорит внятно и раздельно, проверяя доходчивость сказанного внушительными паузами, – точно швыряет камешки с обрыва, всякий раз терпеливо дожидаясь, когда снизу донесется глухой стук…

– Я хотел бы довести до вашего сведения, что руководящие инстанции, получившие подробную информацию о ненормальной ситуации, создавшейся в вашем коллективе, настаивают на немедленном расформировании труппы. В ближайшие дни в театре будет работать специальная комиссия из представителей партийных и советских органов совместно с представителями общественности, которая все тщательно взвесит и разберется в безобразиях, которые здесь происходят…

Юрий Михайлович встает из-за стола, давая понять, что обсуждать сказанное не входит в его намерения. Он знает, что речь его произвела на аудиторию самое сильное впечатление, и возможные прения могут это впечатление ослабить. Но он не знает, что последняя точка в сегодняшнем разговоре будет поставлена не им…

– Простите! – звонким голосом говорит Левушка. – Но прежде чем вы и ваши коллеги покинете этот дом, мы тоже хотели бы довести до вашего сведения кое-что. В знак протеста против незаконных и антигуманных действий руководства по отношению к нашему коллективу мы объявляем голодовку!..

– Что они объявляют? – переспросила Анна Кузьминична, не умея сразу переварить пугающий смысл услышанного.

– Голодовку! – Юрий Михайлович сверлит Левушку немигающим взглядом, как факир, внезапно разучившийся заклинать кобру.

– Наши требования! – продолжает Левушка. – Первое. Немедленно аннулировать приказ об увольнении актеров. Второе. Восстановить в репертуаре все спектакли Рябинина. И, наконец, третье. Вернуть Рябинину советское гражданство и должность художественного руководителя театра. Пока эти требования не будут выполнены, мы прекращаем с вами всякие переговоры. В ответ на возможные попытки остановить голодовку силой мы вынуждены будем прибегнуть к самосожжению.

– К чему прибегнуть? – снова не врубается Анна Кузьминична. Видимо, слово «самосожжение» кажется ей некоей литературной метафорой.

– К самосожжению! – раздраженно отвечает Юрий Михайлович. Похоже, он и сам не может до конца поверить в серьезность всего происходящего.

– Что же касается лично вас и вашей компании, то мы предлагаем вам в течение пятнадцати минут покинуть помещение театра. – Левушка смотрит на часы. – Сейчас в подвале находятся трое наших товарищ. У них есть пакля, газеты и канистра с бензином. Если через пятнадцать минут вы еще будете находиться в этом здании, они, не дожидаясь дополнительного сигнала, совершат акт самосожжения.

– Тоже фокус? – тихо спрашивает Юрий Михайлович. – Как с пленкой?..

– Приглашаю вас лично убедиться в том, что это не выдумка, но не дольше, чем в течение тех же пятнадцати минут.

– Товарищи, – после долгого молчания снова тихо говорит Юрий Михайлович, – вы отдаете себе отчет... Это же политический шантаж... Неужели все в театре поддерживают эту дикую провокацию?

Юрий Михайлович обводит глазами присутствующих. Венецианский карнавал. Лысая гора. Съезд шизофреников. Даже у детей – глаза, как у леших.

– Вас устраивает такой ответ? – после выразительной паузы интересуется Левушка. – Или все-таки хотите посмотреть подвал?

Ситуация преглупейшая... Поддаться на провокацию, потребовать доказательств... Снова стать общим посмешищем...

– В таком случае, – продолжает Левушка, – не смеем вас больше задерживать. Боря!.. Игорь!.. Проводите товарищей... У нас слишком мало времени, – он деловито смотрит на часы.

* * *

...Группа «товарищей», эскортируемая стрижеными мальчиками в чехословацких костюмчиках, безмолвно движется по театральному тоннелю в направлении служебного входа...

* * *

...А в театре уже происходит нечто невообразимое!.. Актеры тащат театральную мебель... Барrikадируют двери... Заколачивают окна... Рабочие сцены стараются вовсю.

Театральный столяр Кондратьич, красноносый и вечно пьяненький, прилагивает к заколоченной двери леденящий кровь плакат: «Осторожно! Заминировано!»

– Хорошо придумал! – хвастается Кондратьич. – Теперь пусть только сунутся!..

– Что значит «заминировано»? – холдеет Левушка. – Здесь же дети!..

– Да что ты, Левушка! – хохочет столяр. – Это же так, бутафория... Для остротки...

– Тут некого страшить, старик, – строго говорит Левушка. – Страшить надо тех, кто снаружи...

– Тоже правильно, – соглашается огорченный Кондратьич. – Светлая ты голова, Левушка!..

* * *

...В театральном фойе собралась вся труппа. Сейчас актеры без грима, и можно впервые рассмотреть их лица. Усталые, землистого цвета, с синими кругами под глазами.

– Хорошенько подумайте, братцы, – взволнованно говорит Левушка. – Те, кто хочет уйти, могут уйти. В первую очередь, конечно, следует увести отсюда детей. Тех, кто считает необходимым остаться здесь – прошу подойти ко мне!.. Без обид, братцы... .

Из толпы выходят Татьяна, Сима, Боря...

— Товарищи! — директор, как обычно, складывает руки умоляющей лодочкой. — У вас у всех есть семьи, родители, дети... Подумайте, если не о себе, так хотя бы о них!..

Из толпы выходит Гордынский.

— Если будет позволено, — тихо говорит он, обращаясь к Левушке, — я бы хотел остаться. Обязуюсь подчиняться общей дисциплине.

— Оставайся! — Левушка пожимает плечами. — Каждый имеет право защищать свою честь. Если, конечно, она у него имеется...

Вслед за Гордынским из толпы выходит Федяева. Потом Андрей Иванович с Эллой Эрнестовной. Немного погодя к ним присоединяются супруги Тюрины. Выходит Гвоздилова.

— Елена Константиновна! — Левушка приятно ошарашен. — Вы хорошо подумали? Ваш выбор может иметь для вас самые серьезные последствия...

— Вы — эгоист, Лева, — усмехается Гвоздилова. — Все норовите героически умереть в одиночку. А другим, между прочим, тоже хочется войти в историю...

Из толпы выпархивают Аллочка и Ниночка, за ними, не выпуская из рук драгоценного патефона, выходит Дрюля.

— Дрюля! — радостно удивляется Тюрин. — Ты-то куда со своим патефоном?.. Ты же вне политики!

— А при чем тут политика? — меланхолически отвечает Дрюля. — Если мир раскололся без моего участия, то надо же мне где-то быть. Так уж лучше с вами.

— Товарищи! — взывает директор. — Еще не поздно остановить эту дурацкую комедию!.. Я уверен, если мы извинимся перед Юрием Михайловичем — нас простят...

Директор продолжает говорить, а из толпы выходят все новые и новые люди. Актеры, бутафоры, осветители, монтировщики...

* * *

...Кабинет директора теперь полностью оккупирован актерами. На директорском столе несколько телефонов, и все они в настоящий момент заняты. Из общего гула вырывается голос Федяевой.

— Шурик?.. Ты меня, пожалуйста, не расстраивай, сынок, учи сольфеджио!.. А вот Вера Ивановна говорит, что не учишь! В общем, если не сдашь зачет — про магнитофон забудь!..

— Бардак! — возмущенно вздыхает Тюрина. — Ведь договорились же болтать не более трех минут!.. В любой момент могут позвонить оттуда, — она выразительно тычет пальцем вверх, — а телефон занят!

— Ты за меня не волнуйся! — мурлычет в трубку Аллочка. — Голодовка голодовкой, а с голоду мы тут не помрем! У нас шикарный буфет, бывает даже горячее...

— Что ты плетешь? — настораживается Сима. — Какое тут у нас горячее?.. Мы же эвакуировали буфет! Или ты трескаешь тайком от всех? Как Лоханкин?

— Я голодаю честно! — обижается Аллочка, прикрыв трубку рукой. — Наравне с коллективом! Просто муж нервничает. Должна же я как-то его успокоить?

— Фантастическая идиотка! — восхищается Сима. — Ты же дискредитируешь идею! А если телефон прослушивается?.. Выходит, наша голодовка — чистый блеф?

— Оля! — кричит в трубку Татьяна. — Отзвони в ВТО Антонине Васильевне!.. Скажи, что мы с Левушкой отказываемся от Пицунды! Пусть отдадут путевки кому-нибудь другому!..

* * *

Вечером Левушка обходит посты. У центрального входа дежурят Тюрин и Андрей Иванович.

– Сейчас-то потише, – докладывает Тюрин. – А днем был ужас!.. Оцепление милиции... Толпа с лозунгами... Орут... Бьют стекла...

– А почему бьют стекла? – удивляется Левушка. – Ну да, они же не знают, что произошло! Надо объяснить людям нашу позицию...

– Наивный вы человек, – усмехается Андрей Иванович. – Вы никогда не сталкивались с таким явлением, как организованный праведный гнев трудящихся? Будьте уверены, им уже объяснили вашу позицию.

* * *

В одном из театральных переходов Левушку настораживает некий странный звук, похожий на стук молотка по металлу. Левушка озирается. Тоннель пуст. Левушка заглядывает в темный проем – тут находится лестница, ведущая на чердак.

– Эй! – кричит он в пугающую темноту. – Кто там?.. Советую не прятаться! Сейчас сюда соберутся все посты и вам не поздоровится!

– Соберутся они тебе, с-час! – слышится откуда-то сверху ворчливый голос, и через секунду из мрака появляется столяр Кондратыч. – Отсюда никуда не докричишься!.. Изоляция, как в Петропавловке!

– Кондратыч! – Левушка принимает строгий вид. – Ты чего это здесь? Знаешь, который час? Половина второго!

– Сигнализацию делаю! – снисходительно объясняет Кондратыч. – Чтоб через крышу никто не проник! Ступи-ка на лестницу!.. Ну ступи, ступи, не бойся!

Левушка ступает на лестничную клетку, и тоннель заполняет свирепая трель звонка.

– С ума сошел! – пугается Левушка. – Ты же весь театр подымешь! Нашел время экспериментировать! Выключи немедленно!

– Легко сказать «выключи»! – кручинится Кондратыч. – Я пока только систему включения отработал. А выключение – это второй этап.

* * *

... Левушка в своей гримуборной чистит зубы. За ним с выражением немой укоризны маячит Боря Синюхаев.

– И не проси! – сурово отрезает Левушка. – Еще и суток не прошло, а им подавай свидание! Тут не пионерлагерь!

– Но и не Бухенвальд! – парирует Боря. – Что плохого в том, что люди хотят повидаться с родными? Это естественное желание!

– Но не в нашей ситуации! Просто так милиция их в театр не пропустит. Значит, снова нужно звонить по инстанциям, просить, унижаться...

– Почему унижаться? – Боря чувствует в Левушкиных аргументах слабину. – Не просить, а требовать! Свидание с родными – это наше святое право!

– Ладно, – сдается Левушка. – Только свидание не должно длиться более получаса. И на это время следует усилить посты.

* * *

...По театральным переходам движется шумная толпа родственников с сумками, сверстками и авоськами. В актерском фойе их встречает такая же шумная толпа артистов. И снова слезы. Такое ощущение, что эта встреча происходит не в центре Москвы, а где-нибудь в читинском остроге...

* * *

— Ты совсем синяя! — тревожится Аллочкин муж, молодой бородач в джинсовом костюме. — Ты не обманываешь, вас действительно хорошо кормят?.. Ты сказала им, что у тебя гастрит?

— Толечка, не волнуйся! — Аллочка смотрит на мужа правдивыми и влюбленными глазами. — Кормят, как в «Арагви». Только никому об этом не говори, ладно?.. Все-таки официально у нас голодовка.

— Понимаю, — заговорщицки говорит бородатый Толечка и вынимает из сумки объемистый сверток. — В таком случае, вот!.. Это тебе от мамы. Тут пирожки с капустой. Съешь сама и передай товарищу.

— Толечка, спасибо, но... — мрачнеет Аллочка. — Я не возьму. У нас это не полагается, — и снова поднимает на мужа невозможное искренние глаза. — Ты не беспокойся, я тут жру, как слон!

* * *

— ... Да не тычь ты мне свое яблоко! — с нарочитой суровостью одергивает сына Федяева. — Ты же знаешь, я их терпеть не могу! Как твое сольфеджио? Только не врать, Шурик!..

— Нормально! — хрумкает яблоком Шурик, узкий, бледный, ушастый отрок, похожий на умную летучую мышь. — Учу, как обещал... Мам, а правда, что вы против советской власти?

— Чепуха! — яростно говорит Федяева. — И ты не должен повторять вслух эту чушь! Эти мерзкие сплетни распространяют злые и глупые люди! Кто тебе это сказал?

— Вера Ивановна! — Шурик увлеченно грызет яблоко. — А еще она сказала, что я не имею права на бесплатное обучение, потому что моя мать махровая антисоветчица. А я ей сказал, что она сволочь!

— Как ты посмел! — Федяева закатывает сыну звонкий подзатыльник. — Вера Ивановна — прекрасная учительница, пожилая женщина, заслуженный человек! Сегодня же извинись, понял?

* * *

... Левушкина мама поразительно похожа на сына: такая же круглолицая, толстая, одышиливая, в глазах — зеленая искра романтического непокоя. Единственно, чего ей недостает для полного сходства с Левушкой — это яркого блюдца лысины, венчающего облик нашего героя.

— Левушка, я не засну всю ночь, если ты не съешь хотя бы кусочек кулебяки. Тебе необходимо есть, у тебя плохое сердце, и жена совершенно за тобой не следит! Вот такой малюсенький кусочек — разве это принципиально?

— Ну какая кулебяка, мама? — морщится Лева. — Мы же объявили голодовку. Это была моя инициатива. Ты дезавуируешь меня как лидера!

— Юрий Михайлович сказал, — мама неожиданно склоняется к Левушкиному уху, — что тебе грозит тюрьма... Но он готов тебя защитить, если ты снимешь свои дурацкие требования...

— Ты разговариваешь с этим подонком? — отшатывается Левушка. — За моей спиной? Я запрещаю тебе вести с ним переговоры! Ты слышишь, запрещаю!

— Глупенький! — плачет мама. — Юрий Михайлович — интеллигентнейший человек... Он

хочет тебе добра! Я презираю твоих друзей! Они тебя не понимают. Они же не люди – артисты!

* * *

... В стороне от гомонящей толпы сидит углубившаяся в чтение Гвоздилова. Завистливо потолкавшись среди чужих родственников, к ней подсаживается так никем и не востребованная Ниночка.

– А вы почему в одиночестве, Елена Константиновна? Учтите, больше свиданий не будет! Лев Александрович категорически против!

– Все мои в отъезде, – оторвавшись от книги, говорит Гвоздилова. – Старики на даче, муж в командировке. Слава Богу, догадалась, взяла с собой «Новый мир».

– А у меня и вовсе никого! – жалуется Ниночка. – Родители в Челябинске. Я же иногородня. А как вы переносите голодовку? Ничего?.. Я – ужасно!

– Я – тоже! – простодушно отзыается Гвоздилова. – Еще один день – и съем собственную кофту... Вообще, долговременные подвиги не для меня. Меня надо сразу кидать на амбразуру, а то я опомнюсь – и всех продам!

– Сказать по правде, – набирается храбрости Ниночка, – я очень удивилась, когда вы остались... У вас все-таки особенное положение, кино, успех... Зачем вам эта голодовка?

– Сама не знаю, – усмехается Гвоздилова. – Человек познается по глупым поступкам. Замужество, деньги, карьера – это стереотипы биографии. А вот глупый поступок – он всегда только твой!..

* * *

Бессонный Лева обходиточные посты. На сей раз у центрального входа дежурят Боря Синюхаев и Игорь Гордынский.

– Ну что на западном фронте? – интересуется Левушка. – Надеюсь, без перемен?.. Хотя если без перемен – это тоже скучно!

– Нам скучать не дают, – отзыается Гордынский. – Сегодня двоих шуганули. Пытались пролезть через бутафорский цех!

– Чего они добиваются? – удивляется Левушка. – Мы же их предупредили, что если они попытаются воздействовать на нас силой...

– Плевать они хотели на наши предупреждения, – усмехается Боря. – Слышишь, что на улице делается?.. А ведь уже первый час ночи!

– А что плохого в том, что люди митингуют? – беспечно возражает Левушка. – Может, они хотят выразить нам сочувствие...

– Сочувствие? – переспрашивает Гордынский. – Странный у них способ выражать сочувствие. Вот уже час скандируют одно только слово «под-ле-цы!» Подлецы – это мы...

– Почему «подлецы»? – сомневается Левушка. – Во-первых, они кричат неразборчиво... Мне вот, например, слышится «мо-лод-цы!» Да-да, молодцы! Зачем так плохо думать о людях...

* * *

... Левушка идет по пустынному ночному коридору... Гулкое эхо усиливает и множит стук его каблуков. Странно выглядит театр ночью. Огромное, пустое, чужое здание с притаившейся по углам враждебной тишиной.

Внезапно Лева останавливается. Где-то здесь, совсем рядом, в одном из переходов,

слышны звуки крадущихся шагов. Левушке становится не по себе.

— Кондратьич! — говорит Левушка и сам пугается собственного голоса. — Это ты тут шебуршишь?.. Не валяй дурака, Кондратьич, слышишь?

В ту же секунду, неслышные, как привидения, на Левушку наваливаются трое... Зажимают ему рот... Заламывают руки... Волокут в темноту... Несколько коротких ударов по корпусу, последний — отрезвляющий — по лицу. Левушка так ошеломлен, что даже не пытается сопротивляться.

— Не ори, — шепотом предупреждают его, — а слушай внимательно. Если завтра к десяти утра вы не прекращаете бузу — вам будет очень хреново. А тебе, барбос, в особенности. Усек?

— Не совсем, — вежливо отвечает Левушка и облизывает кровоточащую губу. Теперь, перед лицом опасности, он вдруг совсем успокоился.

— Попадешь в Склифосовского — там сообразишь! Цацкаться с вами, засранцами, тут никто не будет. Это вам не Польша. Так и передай своим карбонариям!..

— А вы кто? — простодушно интересуется Левушка, пытаясь запомнить хоть одного из преследователей в лицо. — От кого передать?

— Благодарные зрители! — с коротким смешком рекомендуетя призрак. — В общем, запомни: завтра к десяти вас уже здесь нету! И не вздумайте что-нибудь отчебучить!

Там, за спинамиочных гостей, явно что-то происходит. Левушка даже не видит, а скорее чувствует это. Видимо, то же начинают чувствовать и гости. Один из них резко оборачивается, и в образовавшемся зазоре мы видим фигуру Игоря Гордынского.

— Игорь! — кричит Левушка. — Не подходи! Их трое! Чеши за ребятами!

— Ничего! — с веселой яростью отзыается Игорь. — Как-нибудь отмахнемся!.. Ну-ка, подите сюда, голубки!.. Я вам прочищу кловики...

Двое не заставляют себя просить вторично и молча набрасываются на Игоря, третий придерживает Левушку за заломленную руку. Игорь дерется легко и красиво, точно фехтует. Кажется, ему важнее выглядеть красиво, чем победить. Левушка внутренне как-то обмякает и успокаивается, и поэтому пропускает тот роковой миг, когда Игорь вдруг оказывается на полу. Его продолжают бить ногами, и, хотя длится это считанные секунды, Левушке кажется, что прошла целая вечность. Все кончается так же неожиданно, как началось. Три призрака точно растворяются вочных коридорах, оставив на полу неподвижного Гордынского.

— Игорек! — Левушка склоняется к Игорю. — Ты живой?.. Не пугай меня!.. Ответь что-нибудь!

Гордынский молчит. Левушка беспомощно озирается по сторонам.

Тоннель жутковато пуст, как улица зачумленного города. Ни звука ни шороха. Только эхо Левушкиного голоса продолжает колотиться в гулких переходах огромного здания.

— Братцы! — отчаянно кричит Левушка. — Игорю плохо!.. Помогите же кто-нибудь, братцы!..

Левушка судорожно хватает Гордынского под мышки и волочит по тоннелю. Пот катится с Левушки градом, каждый шаг дается ему с трудом. В какой-то момент он замечает, что за Игорем тянется алая влажная полоса — полоса настоящей, а не бутафорской крови!.. — и это повергает его в ужас.

— Игорек! — жалобно просит Левушка. — Потерпи, дорогой!.. Ты слышишь меня?.. Потерпи, не умирай!..

* * *

Он еще продолжает тянуть Гордынского по пустому тоннелю, хотя уже чувствует, как деревенеют кисти рук и нарастает боль в лопатке. Он знает, что скоро боль станет невыносимой, и руки разомкнутся сами собой — тогда их могут не хватиться до утра...

– Братцы! – Левушке кажется, что он кричит во всю силу легких, а между тем из горла выривается только сиплый клекот. – Он же умрет!.. Помогите, братцы!..

* * *

...Их так и находят, полусидящими в обнимку у каменной стены. Левушка бережно прижимает к груди голову Гордынского. Кто-то щупает им пульс... Кто-то заглядывает под веки... Кто-то поднимает их на руки и несет по коридору...

* * *

...В репетиционном зале актеры хлопочут вокруг забинтованного, как кокон, Гордынского. Кризис миновал, страхи остались позади, но Игорь продолжает оставаться безусловным героем дня. Левушке тоже перепало несколько комплиментов, но поскольку он в сравнении с Игорьком выглядит менее эффектно – всего лишь крохотный пластырь на щеке – то ему поневоле приходится отойти на второй план.

– Я сам виноват! – Игорь уже в десятый раз с удовольствием анализирует ситуацию. – Надо было сразу же вырубить первого. Он был поздоровей. А я стал демонстрировать класс, показывать приемы...

– Помолчи, балаболка! – с плохо скрытой симпатией прикрикивает Федяева. Видимо, Гордынскому опять удалось на какое-то время завоевать это суровое сердце. – Тебя не тошнит?.. Если не тошнит – значит, все в порядке. Сотрясения мозга нет.

– Да-а, Кондратьич, – осуждающее говорит Тюрин. – Плохой из тебя Кулибин! Сигнализация, сигнализация!.. А она не фурычит!..

– Почему не фурычит? – обижается Кондратьич. – Схема работает отлично. Только контакт иногда барахлит... Техника – упрямая вещь!..

– Они пошли в атаку! – Борины глаза полыхают мрачным огнем. – Значит, наша угроза не принята всерьез. Предлагаю с сегодняшнего дня всем ночевать в репетиционном зале. Сюда же надо перенести канистры с бензином!

– Боря, вы так страшно говорите! – зябко хихикает Ниночка. – Как будто и вправду собираетесь облить себя бензином и поджечь!

– А вы, Нина, – тихо говорит Левушка, – все это время полагали, что мы шутим? В таком случае вы ошиблись, и вам еще не поздно уйти...

* * *

...Сима распахивает дверь в свою гримуборную и останавливается на пороге. Аллочка бьется в истерике, Ниночка успокаивает рыдающую подругу.

– Вы чего, телки? – озадаченно спрашивает Сима. – Дома какое несчастье?.. Или это у вас с голодухи?

– Не хочу! – захочится от рыданий Аллочки. – Не хочу больше играть в народовольцев!.. Не хочу голодать! Не хочу обливаться бензином!

– А-а! – нехорошо улыбается Сима. – Вот оно что!.. Решила мазать лыжи?.. Ну так катитесь! Только тихо, без деклараций...

– Вы на нее не сердитесь, Серафима Михайловна, – просит Ниночка. – Просто так совпало... У Аллы сегодня день рождения...

– Во кретинка! – всплескивает руками Серафима. – Тогда тем более чего реветь! Веселиться надо! В твоем возрасте это еще праздник.

— А с чего мне веселиться? — Аллочка продолжает всхлипывать. — В этот день Толик всегда водил меня в «Арагви». Абхазские розы покупал. Вот когда было весело...

— Ну, насчет «Арагви» — это вряд ли, — задумчиво говорит Сима. — И розы тоже... А день рождения мы тебе сотворим. И не хуже, чем твой Толик...

* * *

— Коля! — Левушка умоляющими глазами смотрит на монтировщика декораций Колю Малинина. — Если не ты, то никто. На тебя вся надежда. Нужны цветы. Желательно розы. Это дело чести. Рискнешь?

— Да я — пожалуйста! — неуверенно говорит Коля. — Но ведь там же оцепление... Кто же меня пропустит обратно?.. А незаметно, я думаю, не проскочишь!..

— Проскочишь! — настаивает Левушка. — Со стороны столярного цеха здание не просматривается, там крыши. Потом — ты не артист, тебя никто не знает, в крайнем случае мы потребуем, чтобы тебя пропустили!

* * *

...Гремит бравурная музыка. Стремительно раздвигается занавес. Из глубины сцены на зрительный зал идут Аллочка и Андрей Иванович. Она — в крохотной изящной короне и в длинном сверкающем платье. Он — в смокинге, в цилиндре и в белых перчатках.

— Господа! — торжественно произносит Андрей Иванович. — Сегодня нашей несравненной Алле Васильевне шарахнуло целых двадцать пять! Вы скажете, столько не живут. Да, действительно, возраст преклонный. Но наша славная развалюха не сдается, отчаянно цепляется за жизнь, молодится изо всех сил, что и позволяет ей выглядеть аж на восемнадцать!.. Поздравим же нашу ветераншу с круглой датой и пожелаем ей новых сценических, а возможно — чем черт не шутит! — и женских побед!.. Никакой день рождения не обходится без подарков, поэтому убедительно прошу вас, оторвите от себя последнее и поделитесь им с той, которая никогда не жалела для вас своего искрометного таланта! Кто что может, господа, кто сколько может!..

Музыка усиливается, актеры пестрой вереницей тянутся на сцену, перед Аллочкой растет гора подарков. Каждый подарок Андрей Иванович оценивает отдельно.

— Игорь Гордынский! — возвещает Андрей Иванович. — Не найдя в своем имуществе ничего более существенного, чем он сам, Игорь дарит юбилярше номер телефона своего общежития и право звонить ему в любое время суток!

— Вообще-то я замужем, — кокетливо улыбается юбилярша.

— Но бывают минуты острой тоски!.. — разводит руками забинтованный Гордынский.

— Супруги Тюрины! — продолжает Андрей Иванович. — Что несут на алтарь супруги Тюрины? Книга «Золотой теленок». Супруги уверяют, что из всего золота, которое они накопили за свою жизнь, эта вещь — самая дорогая... Посмотрим цену... Да, действительно: один рубль шестьдесят копеек!

Вслед за супругами Тюриными на сцене появляется степенный Дрюля со своим неизменным патефоном.

— Андрей Мартынов! — объявляет Андрей Иванович. — Или попросту Дрюля! В отличие от всех предыдущих подарков — это уже не просто подарок, а самый настоящий подвиг!.. Ибо представить себе Дрюлю без патефона так же невозможно, как Льва Толстого без бороды.

Андрей Иванович продолжает вдохновенно сочинять все новые репризы. Один за другим поднимаются на сцену актеры... Счастливая раскрасневшаяся Аллочка принимает бесконечные подарки...

— А теперь главный подарок нашего вечера! — в голосе Андрея Ивановича появляется зычное tremolo. Таким голосом цирковые шпрехшталмейстеры объявляют смертельные номера. — Слабонервных прошу держаться за стулья!.. Шоколадный торт!

Новый всплеск музыки — и на сцену выносят торт. Помпезное архитектурное сооружение, отдаленно напоминающее Дом дружбы на Калининском проспекте... Мавританские башни, розочки, виньетки... Комбинация невообразимых фитюлек... Колеблющиеся язычки свечей... Левушка преподносит имениннице огромный букет роз... С треском взрываются елочные хлопушки...

— Господа! Только без жлобства! — предупреждает Андрей Иванович. — Ввиду голодовки торт сделан из палье-маше! Поэтому поступим, как в советском кино — сделаем вид, что поели, и вытрем губы салфеткой!

— Дорогие мои! — говорит Аллочка, и гомон стихает. — Вы даже не представляете, что вы все для меня значите! Я и раньше знала, что моя жизнь без вас была бы неполной, но сегодня я поняла, что если я потеряю вас, то жизнь моя потеряет смысл!

— Не плачь! — кричит Левушка. — А то мы сейчас слабые — пойдет цепная реакция... Давайте танцевать! Кавалеры приглашают дам, а я приглашаю именинницу! Володя, вальс!

На сцену обрушивается вальс. Левушка подхватывает Аллочку, Андрей Иванович — Эллу Эрнестовну. Гордынский — Гвоздилову... На сцене появляется все больше и больше танцующих пар... Тюрин церемонно приглашает жену... Боря вовлекает в круг танцующих Татьяну... Дрюля тянет за руку упирающуюся Федяеву... Вальс, вальс! В какой-то момент Татьяна начинает с тревогой наблюдать за Левушкой. Тот беззаботно кружится с Аллочкой, рассказывает что-то смешное, хохочет, но по его посеревшему лицу Татьяна понимает, что с ним происходит неладное... Она склоняется к Бориному уху, шепчет ему что-то, тот понимает с полуслова, очередной вираж — Боря элегантно оттирает Левушку и кладет Аллочкину руку себе на плечо...

* * *

— Это глупо! — за кулисами Татьяна отчитывает запыхавшегося Левушку. — Хорохоришься, как петушок! А у тебя больное сердце!.. Выпей таблетку интенкордина, слышишь?..

— Никаких таблеток! — вытирая платком влажный лоб, отмахивается Левушка. — Если я проглощу таблетку — это будет уже не голодовка!.. И вообще я прекрасно себя чувствую!..

* * *

...В директорском кабинете, как всегда, полно народу. Пожалуй, даже больше, чем всегда, потому что для личных звонков отведен только один телефон, и, естественно, к нему тут же выстроилась очередь. Три остальных телефона курирует дежурный — надо следить, чтобы их никто не занял, а заодно не проворонишь звонок «сверху».

— Ну что? — влетает в кабинет Левушка. — Ни ответа ни привета? Это плохо!.. Так они действительно заморят нас до смерти! Видимо, проверяют на вшивость...

Звонит один из трех незанятых телефонов. Боря кидается к столу, безошибочно определяет нужный телефон и тут же намертво прилипает к трубке.

— Алло!.. Кто-кто?.. Какой Попов?.. Ой, извините, я вас не узнал!.. Это Боря Синюхаев! Здрасьте, Сергей Серге-ич!.. Да пока ничего, живы-здоровы...

Левушка расплывается в радостной улыбке — видимо, человек, назвавший себя Поповым, ему чрезвычайно симпатичен. Он делает Боре нетерпеливые пассы, чтобы тот передал ему трубку, и в конце концов, не выдержав, отнимает ее силой.

— Сергей Сергеич? — возбужденно кричит в трубку Левушка. — Здрасьте, Лева

Бусыгин!.. Спасибо, что позвонили, а то мы тут задыхаемся без новостей!.. Приедете? Прекрасно!.. Будем ждать!..

— Я думал, кто из начальства, — разочарованно бухтит сквозь бинты Гордынский. — А Попов нам не помощник! Чего доброго, еще начнет призывать нас капитулировать...

— Сергей Сергеич? — вскидывается Лева. — Да ты спятил! Левак, прогрессист, друг шефа!.. Я уже не говорю о том, что писатель классный! Его самого гробили — будь здоров!

* * *

— Да, обстановочка тут у вас!.. — Сергей Сергеевич обводит взглядом репетиционный зал. — Желябов помер бы от зависти! Газеты, пакля, бензин... Самим-то не смешно? Уж на что я пожил на белом свете, а диссидентствующих артистов вижу впервые! Писатели — да, ученые — да, инженеры — куда ни шло, но артисты? Боюсь представать перед вами консерватором, но, по-моему, дело артиста — играть на сцене, в кино, а не в политику! Ну, ладно, что сделано, то сделано... Давайте думать, как отмываться! Сами понимаете, одними только извинениями вам теперь уже не отделаться!

— А мы не собираемся ни перед кем извиняться! — отчеканивает Левушка. — Извиняться должно правительство. Мы выдвинули требования и ждем, когда они будут выполнены!

— Ой, как страшно! — смеется Сергей Сергеевич. — Ребята, вы клинические идиоты! Решили напугать державу? Ее и не такие пугали. Вы ведь, поди, представляете себя этакими героями Брестской крепости? И полагаете, что вся страна не спит, наблюдая за вашей доблестью?.. В таком случае, я вас разочарую, стране на вас глубоко наплевать!.. Ну, есть, конечно, заинтересованные люди, которым приказано вас постращать... Но ведь и они в этой игре пешки, от них ничего не зависит!.. Ну подставите вы Юрия Михайловича, ну снимут его с работы, а завтра придет другой. Ну свалите вы этого другого, а послезавтра придет третий!.. А до правительства вам — как до звезд, правительство эта мышиная возня не интересует, да и вряд ли оно вообще о вас слышало...

— Услышит! — уверенно говорит Федяева. — Есть еще и такое понятие, как общественное мнение! Мы рассчитываем на поддержку общественности.

— Общественное мнение? У нас? — Сергей Сергеевич пожал плечами. — Ну, понятно, что толпа, которая бьет вам стекла и выкрикивает ругательства — это никакая не общественность, а хорошо организованная массовка. Но вот беда! — прогрессивной демонстрации, призывающей поддержать вашу акцию, я на улицах что-то не заметил. А знаете почему?.. Да потому, что все нормальные люди над вами смеются! Во всякой борьбе есть свои правила, и эти правила надо соблюдать. А если куча экзальтированных шутов выдвигает заведомо невыполнимые требования и пытается шантажировать правительство — это может вызвать у интеллигенции только снисходительную улыбку! Ну, переубедите меня! Докажите мне, что вы серьезные, взрослые, политически зрелые люди!.. Сформулируйте мне вашу идею! Объясните конкретно, чего вы добиваетесь!

— У нас несколько требований, — спокойно отвечает Боря. — Почти все они касаются защиты нашей чести и достоинства. Но главное, на чем мы настаиваем, это — возвращение Рябинину советского гражданства!

— Вот-вот! — с усмешкой кивает Сергей Сергеевич. — А вы уверены, что он сам этого хочет? А что если он специально давал все эти скандальные интервью, чтобы иметь возможность остаться на Западе? Вы скажете, что он мог там остаться и без скандала? Верно, мог! Но без скандала он там никому не нужен. Чтобы Запад проявил к тебе интерес, ты должен иметь ореол мученика, изгнанника, борца за права человека! Неужели вам никогда не приходила в головы такая элементарная догадка?

— Как вам не стыдно! — едва сдерживая ярость, говорит Сима. — Вы же ближайший друг Георгия Петровича! Почему вам так не терпится сделать из него подлеца?

— Ну, вот и я попал в реакционеры, — разводит руками Сергей Сергеевич. — Разумеется,

я не знаю истинных намерений Георгия Петровича. Я только пытаюсь мыслить логически. Рябинин, что называется, третий калач и, в отличие от вас, превосходно знает правила игры. Давая все эти интервью в печать, он не мог не понимать, чем это для него кончится!.. А это значит, что он шел на лишение гражданства сознательно! Ну вот скажите, звонил ли он вам хоть раз из Лондона? Объяснял ли свои поступки? Беспокоился ли, как вы тут без него?.. Нет? Нет!.. Так какого же черта вы портите себе жизнь в угоду его биографии? Во имя какой идеи вы, нищие советские комедианты, разыгрываете из себя матерых диссидентов? Впрочем, воля ваша, поступайте, как знаете, я искренне хотел вам помочь!..

— Спасибо, — проникновенно отвечает Гвоздилова. — Вы действительно сделали все, что могли. И не ваша вина, что мы оказались такими идиотами.

Наступает неловкая пауза. Никто не предлагает Сергею Сергеевичу уйти, но он чувствует, что от него ждут именно этого. Пауза затягивается. И тогда Сима, точно показывая, что разговор исчерпан, затягивает тоненьким голоском:

Наверх вы, товарищи, все по местам, Последний парад наступает...

Ее поддерживает еще несколько голосов. Поют посемейному, тихо, нестройно и жалостно. Будто это не гордая мужественная песня, а саратовские страдания. Сергей Сергеевич некоторое время зачарованно слушает песню, словно пытаясь вникнуть в ее смысл, а затем резко поднимается со стула и, не прощаясь ни с кем, выходит из репетиционного зала. Вслед за ним высакивает Левушка...

...Сергей Сергеевич стремительно удаляется по коридору. Левушка едва поспевает за ним.

— Сергей Сергеич! — задыхаясь, говорит Левушка. — Извините, если мы вас обидели... Вы же знаете, артисты, как дети... Ну, брякнули по простоте душевной...

— А вы что, действительно голодаете? — Сергей Сергеевич внезапно останавливается. — По-настоящему?.. То есть, все это время вы ничего не ели?..

— Конечно, ничего! — удивляется Левушка. — А как же иначе? Если бы мы голодали не по-настоящему — мы перестали бы себя уважать.

— Господи, какие идиоты! — ужасается Сергей Сергеевич. — И я еще взывал к их разуму!.. Да, до сегодняшнего дня я был о вас лучшего мнения.

— Неправда! — тихо говорит Левушка. — Вы всегда были о нас худшего мнения. А мы оказались лучше. Это-то вас и раздражает. Разве не так?

Прощаются они молча и, не подавая друг другу руки, — просто обмениваются кивками. Сергей Сергеевич долго смотрит, как Левушка уходит по бесконечному тоннелю.

— Дураки! — вдруг с неожиданной яростью кричит Сергей Сергеевич. — Чтобы стать Христом, надо иметь идею! А у вас ее нет и не может быть! И не прикидывайтесь детьми! Вы — злобные, коварные, хитрые, подлые и тупые существа! Нет, вы не дети! Вы — сукины дети!

Левушка останавливается посередине тоннеля и поворачивается к Сергею Сергеевичу. Кажется, сейчас он ответит оскорблением на оскорбление, наговорит кучу яростных и запальчивых слов, сорвется на крик. Но вместо этого Левушка набирает воздуха в легкие и вдруг заводит звонким, как струна, голосом:

Наверх вы, товарищи, все по местам, Последний парад наступает...

Тут он по-дирижерски взмахивает руками, и по его яростному взмаху оглушительно вступает мощный невидимый хор:

Врагу не сдается наш гордый «Варяг», Пощады никто не желает!..

Сергей Сергеевич ищет по карманам платок, чтобы промокнуть внезапно вспотевший лоб, а когда вновь поднимает глаза, Левушки в тоннеле уже нет.

А хор, набирая яростную силу, продолжает катиться по гулким, пустым коридорам:

Врагу не сдается наш гордый «Варяг», Пощады никто не желает!..

...Ночь. Репетиционный зал. Артисты спят тут, не раздеваясь: кто на полу, кто на пандусе, кто на сдвинутых столах. Впрочем, судя по приглушенным разговорам, возникающим в разных концах помещения, спят далеко не все...

* * *

– Толика жалко! – всхлипывает Аллочка. – Случись со мной что-нибудь, он просто погибнет! Ты же знаешь, какой он ни к чему не приспособленный!

– Ах, оставь! – машет рукой Ниночка. – Чего это он неприспособленный? Сам готовит, сам стирает, сам полки делает... Уж кто другой, а твой Толик не пропадет!

– Девочки, а давайте я сказку расскажу, – предлагает Игорь. – Жил в одном королевстве свирепый дракон. Каждое утро ему на завтрак приводили красивую девушку...

– Опять он о еде! – возмущается Ниночка. – Ты что, нарочно, что ли?.. У меня и так живот к позвоночнику прилип!

– Что же я могу поделать? – вздыхает Игорь. – На том стоит весь мировой фольклор. Раз – и слопал Красную Шапочку!

– Игорь! – тихо спрашивает Аллочка. – Как ты думаешь, что с нами будет?.. Неужели нам позволят вот так умереть? Господи, уж лучше бы нас всех арестовали!

* * *

– Лен, ты спиши? – Сима в темноте подползает к прикорнувшей в углу Гвоздиловой. – Я хочу сказать тебе...

В общем, ты прости меня... Ну, ты понимаешь, за что... Я была дура!

– Я не сержусь, Сима! – как всегда ровно отвечает Гвоздилова. – Я сама актриса и хорошо знаю, что такое артисты. Им надо все время с кем-то бороться. Это оттого, что их унижают...

– Вот, возьми! – Сима протягивает Гвоздиловой сверток. – Это твое. Ну, трусики... Я спрятала их тогда в душевой... Обозлилась на тебя... А теперь вижу – ты... Возьми, а?

– Вы так торжественно их преподносите, – смеется Гвоздилова. – Как переходящее знамя. Так и хочется горячо поблагодарить вас за оказанное доверие!

* * *

– ...А в Пицунду мы можем поехать осенью! – говорит Татьяна. – Путевки будут, мне обещали.

Татьяна видит, как лицо Левушки покрывается бисером пота.

– Что, что, Левушка? Опять сердце?..

– Ерунда! – морщится Левушка. – Обыкновенный спазм! Это от перемены погоды... Ничего, сейчас отпустит!

– Левушка, я боюсь! – Татьяна прикладывает ухо к Левушкиной груди. – Бухает, как молоток! Очень болит, да? Давай вызовем врача?

– И думать забудь! – отстраняется Левушка. – Только врачей здесь не хватало!.. Накормят тебя через трубочку – и кончилась твоя голодовка!

– Да пошла она к черту, эта голодовка! – плачет Татьяна. – У тебя больное сердце! Тебе нужен режим! И ребята вон еле ходят... Давай вызовем!..

– Не смей! – сипит Левушка. – Ты сделаешь мне только хуже!.. Меня уже отпустило! Правда, отпустило!

Левушка умиромтвренно улыбается, чмокает Татьяну в губы и демонстративно поворачивается на правый бок. Татьяна еще какое-то время с тревогой смотрит ему в лицо и успокаивается только тогда, когда слышит ровное и размеренное сопение.

* * *

...И снова по театральным проходам несется взмыленная группа начальников. Юрий Михайлович, Анна Кузьминична, трое из райкома и сопровождающие их молодые люди с короткими спортивными прическами и в костюмчиках чехословацкого производства.

* * *

...Актеры молча выстроились на сцене... Ни звука ни движения. Глядя на эту безмолвную толпу, можно предположить, что визит высоких гостей не производит на них никакого впечатления. В глазах актеров – ни страха, ни ожидания, ни любопытства.

На этом фоне Юрий Михайлович, и без того изрядно подрастерявший большую часть своего сановного достоинства, выглядит жалким и униженным просителем.

– Товарищи! – произносит Юрий Михайлович, и на лице его брезжит извиняющаяся улыбка. – Вышестоящие инстанции ознакомились с вашими требованиями и сочли возможным их удовлетворить. Приказ об увольнении актеров аннулирован. Спектакли Рябинина сохраняются в репертуаре. Фамилия его соответственно остается в афише... Что же касается возвращения Рябинину гражданства... тут вопрос более сложный... необходимо выяснить мнение самого Рябинина... с ним будут вестись переговоры...

Юрий Михайлович спотыкается на полуслове. Он ждал любой реакции – смеха, ропота, но только не этой странной аморфной тишины. Не обрадовались, не разозлились. Стоят и молчат.

И Юрий Михайлович, пугаясь этого равнодушного безмолвия, начинает торопливо начинять паузу словами:

– Поверьте, товарищи... Делается все возможное... К сожалению, вопрос о возвращении гражданства находится не в компетенции министерства культуры... Но компетентные органы прилагают все усилия...

И снова глухой ухаб тишины. Никто не двигается, никто не произносит ни слова. И Юрий Михайлович, окончательно теряя остатки респектабельности, продолжает баражаться в этой тишине, с ужасом чувствуя, что увязает в ней все глубже...

– Я уверен, товарищи, что вопрос решится положительно... Просто следует запастись терпением... Нельзя форсировать события... Товарищи, почему вы молчите?.. Скажите хоть что-нибудь!..

И опять – ни звука в ответ... Хоть бы один вздохнул, зевнул или переступил с ноги на ногу!..

Тишина становится для визитеров невыносимой, превращается в настоящую пытку. Непостижимые типы эти артисты. Стоят и смотрят. И по их глазам не понять, слышат ли они, что им говорят...

– Да люди вы или нет? – неожиданно кричит Анна Кузьминична. И на глазах у нее закипают слезы. – Что вы еще от нас хотите? Хватит нас мучить! Если вам не жаль самих себя, то пожалейте хотя бы Юрия Михайловича!.. У него прединфарктное состояние!

– Не надо кричать, – негромко говорит Боря. – Спасибо за информацию. Мы все поняли. К сожалению, ваш визит запоздал. Голодовка была бы прекращена и без вашего прихода.

Толпа актеров расступается, открывая глубину сцены, и у Юрия Михайловича обрывается сердце: там, на сцене, привязанный веревками к деревянным носилкам,

торжественный и неподвижный, лежит Левушка.

На секунду в мозгу Юрия Михайловича вспыхивает слабая искра надежды – не очередной ли розыгрыш? – но тут же гаснет, не успев оформиться в сколько-нибудь взятную мысль. Нет, никакой это не розыгрыш. У смерти свое, особое выражение лица. Его видно сразу. Оно пропадает сквозь любой грим.

– Простите, – говорит Боря, обращаясь в зал. – Но мы хотели бы остаться одни. Нам надо проститься с нашим товарищем. Не волнуйтесь, никаких эксцессов не будет. Через несколько минут мы покинем это помещение...

* * *

...Актеры тщательно и подробно готовятся к своему выходу на публику. Натягивают на себя хламиды. Накладывают грим. Подводят глаза. И вот уже исчезают желтизна кожи, заострившиеся носы и впалые щеки. Словом, кто угодно, только не те, которых наблюдали еще минуту назад.

* * *

...Впервые за это время мы выбираемся из глубоких, душных и полутемных театральных помещений на залитую солнцем весеннюю улицу.

Собравшаяся перед театром толпа под приглядом милиции ведет себя довольно спокойно, однако в этой толпе чувствуются притаившиеся до поры грозовые разряды. Внимание собравшихся приковано к обшарпанной неказистой двери служебного входа. Наконец дверь распахивается – и перед толпой предстает странная похоронная процессия: группа людей с раскрашенными лицами и облаченных в декоративные лохмотья несет на плечах носилки со столь же экстравагантно выглядящим покойником. Должно быть, вот так же средневековая толпа реагировала на появление «ведьм», которых выставляли на площадях, дабы обыватель мог напрямую выразить им свое презрение и свой гнев – она зашевелилась, зароптала, загудела, охваченная общим электричеством гражданского негодования. Над головами взметнулись самодельные плакаты: «Злобствующих антисоветчиков – вон из СССР!», «Сегодня – антисоветизм, завтра – фашизм!», «А сало русское едят!», «Нам стыдно, что вы наши соотечественники!», «Лакеи имперализма, убирайтесь из России!».

И вот уже огромная толпа, еле сдерживаемая милицией, постепенно окружает ненавистных «ведьм», берет их в плотное кольцо, опасно подбирается все ближе. Впрочем, как и в любой толпе, люди здесь самые разные: кого-то забавляет этот диковинный спектакль, кто-то движим любопытством узнать, чем все закончится, а кто-то исполнен решимости принять личное участие в «охоте».

Внезапно в похоронную процессию летит камень, и клокочущая скрытой энергией толпа, будто только и дождалась этого сигнала, начинает забрасывать «ведьм» камнями. Один из камней рассекает Аллочкину щеку, сквозь толстый слой белого грима пропадает яркая багровая полоса, и ее рваные края набухают кровью.

– Алла! – надрывно кричит из толпы Толик. Аллочка в оцепенении оборачивается к толпе, скользит взглядом по лицам, кажется, не вполне понимает, что происходит...

И вдруг на миг Боре чудится, что из толпы раздалось негромкое и нестройное скандирование:

– Мо-лод-цы! Мо-лод-цы...

Он резко поворачивает голову, стараясь выискать взглядом тех, кто скандирует. Неужели показалось?..

Удержанная двумя молоденькими милиционерами, колотится мать Левушки. Глаза

ее расширены от ужаса, она беспрерывно что-то говорит, но в общем шуме ее невозможно расслышать...

Продирается вперед федяевский Шурик. Он показывает на мать, что-то объясняет милиционеру. Тот, не слушая, заталкивает его обратно в толпу.

— Товарищи! — взывает Юрий Михайлович. — Опомнитесь!.. Достигнута договоренность!.. Не сходите с ума! Там мертвый человек! Оставьте их в покое! Это же варварство, товарищи!..

Похоронная процессия какое-то время топчеться на месте, пытаясь найти безопасный проход. Милиция тщетно пытается разорвать кольцо обезумевшей толпы. Слезы, стоны, проклятия, камни, свист...

И тогда Боря Синюхаев выхватывает у милиционера мегафон и прикладывает его к рту.

— Товарищи!.. — голос его, усиленный рупором, заставляет толпу притихнуть. — Товарищи! Минувшей ночью умер замечательный артист Лев Бусыгин!.. Всю свою жизнь он служил искусству, правде, добру!.. Он отыграл свою последнюю роль и уходит от нас навсегда!.. Проводим же его так, как надлежит провожать артистов!..

И Боря первым начинает аплодировать. Его поддерживают не сразу. Оторопевшая толпа не в состоянии мгновенно переварить услышанное. Кто-то снимает с головы кепку, кто-то смущенно прячет агрессивный транспарант, кто-то лезет в карман за носовым платком... То здесь, то там раздаются неуверенные аплодисменты, и вот уже вся огромная площадь, словно устыдившись своего недавнего поведения, аплодирует мертвому Левушке...

...И тут происходит невероятное. Из-под чуть дрогнувшей ресницы покойника выползает здоровенная слеза и, словно стесняясь своих размеров, быстро скатывается по щеке, оставляя за собой живую влажную бороздку. Первой реагирует на это Татьяна, ни на секунду не отрывавшая взгляда от Левушкиного лица. Она беспомощно оглядывается на коллег, ища в их глазах подтверждения происходящему. Затаив дыхание, все напряженноглядят на Левушку. Секунда, другая... И покойник, точно почувствовав, что от него ждут проявлений жизни, коротко шмыгает носом.

— Живой! — ахает Татьяна. — Солнышко мое единственное, счастье мое ненаглядное, Левушка мой любимый, живой!

— Врача! — волнуется Аллочка. — Надо срочно вызвать врача! Кто-нибудь умеет делать искусственное дыхание?..

— Какое, к черту, дыхание? — одергивает ее Тюрин. — Он и так дышит, как паровоз! Сейчас главное его не спугнуть!..

— Фантастика! — восхищается Сима. — Скажи, Лен! Это что же у него было? Летаргический сон, что ли?..

— Хохмачи! — шипит Юрий Михайлович. — Сволочи, подонки! Вы еще ответите в горкое за ваши шутки!..

— Какие шутки? — удивляется Гордынский. — Разве с такими вещами шутят?.. Просто жизнь пошла немножко не по Марксу...

Внезапно Левушка открывает глаза и садится на носилки. Толпа в очередной раз замирает.

— Товарищи! — срывающимся голосом говорит Левушка. — Я вот сейчас лежал и думал: почему все самое лучшее приходит к человеку после смерти? Слава, уважение, любовь!.. Раньше мне казалось, что мы живем в мире ненависти... А теперь понимаю, что это неправда... Любви в мире гораздо, гораздо больше... И когда в каком-то месте ее скапливается особенно много, — там могут произойти любые чудеса...

Левушка взмахивает рукой, словно желая добавить еще что-то, но внезапно лицо его сморщивается, и он плачет, размазывая по щекам счастливые слезы.

Находчивый Дрюля быстро ставит патефонный рычажок на пластинку, и над очарованной площадью возникает сладкий итальянский тенор, исполняющий Верди...

Звучит итальянская ария. Скандирует улыбающаяся толпа. И актеры, ничего уже не соображающие от пережитого ужаса и смертельной усталости, но послушные вечному и неистребимому актерскому инстинкту, мгновенно натягивают на лица профессиональные улыбки и кланяются, кланяются, кланяются, поворачиваясь во все стороны и жмурясь от солнца, падают и поднимаются, и поддерживают друг друга за локти, и снова кланяются, скорее даже не понимая, а чувствуя, что наконец-то кончился этот бесконечный спектакль, и, судя по аплодисментам, прошел он вполне прилично...

Вглядимся же напоследок в эти странные, размалеванные, эксцентрические лица. Левушка. Татьяна. Борис. Андрей Иванович. Элла Эрнестовна. Сима. Гвоздилова. Гордынский. Федяева. Аллочка. Ниночка. Супруги Тюрины. Дрюля. Артисты. Нелюди. Сукины дети.

«Голубой огонек»

Как сделать «Голубой огонек» вновь желанным для зрителей? Именно желанным, а не вынужденным зрелищем, поскольку ничего другого в новогоднюю ночь на экране не увидишь?

Многолетняя практика проведения «огоньков» за столиками с кофе давно уже приучила телезрителей к отсутствию неожиданностей в сценарии: беседа со знатным хлеборобом из Казахстана – далее эстрадный номер – беспомощный в литературном отношении конферанс – затем снова номер – беседа с представителем завода «Серп и молот» и т. д. И все это с безумными потугами создать «непринужденную обстановку» хотя очевидно, что в стаю разнородной компании, да еще под телекамеры, все не могут себя чувствовать одинаково непринужденно. Чувствовать себя раскованно или даже симулировать раскованность дано, к сожалению, далеко не всем профессионалам, то есть актерам. Вспомним хотя бы тоскливые передачи из «Театральной гостиной». А ведь тут актеры находятся, казалось бы, среди своих коллег и в своей стихии! Чего же требовать от бедного труженика из Казахстана, который впервые сидит перед телекамерой и которого игривая дикторша пытается вызвать на светскую беседу?.. Неловко труженику, вполне достойному и заслуживающему всяческого уважения человеку, неловко зрителям, понимающим неорганичность и противоестественность происходящего, и только бойкая дикторша с профессиональной «задушевностью» продолжает не замечать всеобщей неловкости.

В свете всего сказанного, нам представляется, что гостями «Голубого огонька» должны быть только актеры (может быть, еще и писатели), словом, люди имеющие профессиональный опыт аудиторного общения. «Голубой огонек» – зрелище. Зрелище предполагает аудиторию. Разумеется, «огонек» рассчитан в первую очередь на телезрителей. Но чтобы зрелище стало живым и раскованным, нужна еще и аудитория в зале, где происходит непосредственное действие. Живые овации зала не заменишь жалкими хлопками расположившихся за столиками «гостей». В свою очередь актеры, работающие на живой зал, в большей степени чувствуют себя актерами, ибо постоянно слышат его реакцию. Можно сослаться хотя бы на практику передачи «Вокруг смеха». Да, случаются и там шутки не самого высшего качества, но посмотрите как заразительно смеется один, потом другой, потом весь зал, а уже вслед за ним и вся многомилионная аудитория страны, собравшаяся у экранов телевизоров. Актер, выходящий с номером, содержащим в себе претензию на юмор, всегда выясняет: сколько людей в зале? И успокаивается, если узнает, что много. Актеру нужен смех, громкий смех, много смеха. Тогда и ему самому работается легко, он изящен, выразителен, точен – он слышит дыхание зала.

Возникает вопрос: стало быть «Голубой огонек» должен целиком повторить «Вокруг смеха» – и все проблемы будут решены? Нет, не совсем так. Дело в том, что передача «Вокруг смеха» обязана своей популярности не форме (форма тут довольно ортодоксальна), а своей приверженности юмору. Повторить простую концертную форму «Вокруг смеха» –

значило бы свести проблему «Голубого огонька» к минимуму. Вернемся к формуле: «Голубой огонек» – прежде всего зрелице. И тут самым целесообразным нам представляется форма традиционного шоу. Шоу при наличии живого зала, отсутствия заданного сюжетного конферанса, быстрой смены номеров. А какие возможности собственного телевидения (технологические возможности) открываются при этом!..

Возможность эмоционального сопререживания многомиллионной аудитории довольно небольшого зала студии увеличивается во много раз. Количество постановочных теле-эффектов обеспечивает успех такой передачи у зрителей. И, наконец, атмосфера импровизированного праздника, на котором зрители встречают всех звезд страны, создает ту самую магию «личного присутствия» в темноте зала (якобы невероятно огромного зала, границ которого мы не должны видеть в течение всей передачи), – это то, чего так долго и зачастую тщетно добивается наше телевидение в поисках контакта со зрителем.

Могут спросить: а для чего собственно нужно, чтобы телезритель не видел истинного количества публики в студийном зале? Нам представляется, что это обязательное условие успеха «огонька», при котором каждый телезритель чувствует себя сидящим в зале, пронзенном софитами и юпитерами, участником зрелица, магия которого определяется еще и словом «грандиозное». Волшебство такого зрелица предполагает темноту в зале, размытость его реальных границ, погруженность в особую праздничную зрелицкую атмосферу.

Предвидя возражения финансовых сторон: во сколько, мол, обойдется такое зрелице и какое количество дней понадобится собирать живой зал? – можем с уверенностью сказать: это будет стоить чуть не дороже, чем обычный «Голубой огонек». Необходимо только выстроить запасной павильон, отдельными элементами напоминающий декорацию сцены, на которой будет происходить наше шоу. Это необходимо сделать для того, чтобы иметь возможность доснимать номера, не нуждающиеся, что называется, в живой поддержке аудитории (главным образом, танцевальные и музыкальные, а именно эти номера в процентном отношении составят около половины всего новогоднего шоу).

Спрашивается, в чем же заключается драматургия сценария новогоднего «Голубого огонька», если речь идет всего лишь о динамичной смене номеров, пусть даже замечательно поставленных и эффектно снятых?..

Безусловно, взамен традиционного унылого конферанса, представляющего собой некий сюжетный «шампур» любой концертной телепрограммы, необходимо придумать некий жанровый стержень, на который можно было бы без усилий и художественных потерь нанизывать номера нашего «шоу». Возьмем хотя бы такой популярный и любимый на сегодняшний день жанр, как «пародия». Нет необходимости назойливо напоминать зрителю каждые полчаса: сегодня у нас вечер пародии! – но иметь в виду при создании некий генеральный жанр, – скажем, ту же самую пародию, – необходимо!

Пародия давно уже перестала быть привилегией собственно литературы. Вспомним хотя бы замечательные пародии-имитации Геннадия Дудника, Юрия Филимонова, Геннадия Хазанова, Владимира Винокура, кинопародии Константина Яницкого, музыкальные пародии совсем молодого Алексея Птицына, пародийные спектакли кемеровского театра кукол «Люди и куклы», пародийные танцы Валентина Манокина, Татьяны Лебель и Владимира Никольского, пародийные импровизации Александра Ширвиндта и Михаила Державина!

Оказывается, жанр пародии давно уже едва ли не самый любимый у сегодняшней аудитории. Если попытаться привлечь к работе в «Голубом огоньке» одних только крупных и популярных актеров, работающих в жанре пародии, то можно с уверенностью сказать, что «Голубой огонек» получит новую жизнь.

Разумеется, этот основополагающий, генеральный жанр не исключает и наличие в шоу номеров иных жанров и направлений. Но, думается, следует быть крайне аккуратным в отборе. Нельзя же в самом деле объять необъятное, нельзя совместить в одном представлении столь разные моменты нашего искусства как строгая песня в исполнении ансамбля песни и пляски имени Александрова и «танец маленьких лебедей» в исполнении

солисток Большого театра. Искусство наше многожанрово и разнопланово, но существует и без «Голубого огонька» масса концертных форм, в которых возможно совмещать Образцову и Рихтера с Шуровым и Рыкуниным. Думается, что «Голубой огонек» скомпрометировал себя именно своей многолетней всеядностью, что привело к разновкусице, а затем и к откровенной пошлости этого когда-то любимого зрителями телепредставления.

Вопрос конферирования номеров можно до поры оставить открытым. Он может быть и его может не быть в равной степени. Если найдется молодой и одаренный конферансье, способный изящно, весело и со вкусом импровизировать перед камерой – тем лучше. Но, думается, пока наша эстрада не богата такими людьми, а Гаркави и Смирнова-Сокольского у нас больше нет.

Вследствие этого на телеэкране и появляются временами люди с «сердечными» и бессмысленными улыбками, вся работа которых сводится к тусклой функции объявления номеров.

Итак, шоу. Стремительное, динамичное, красочное и содержательное зрелище, поддержанное работой светотехников и телеоператоров, участием эстрадных, теле и кинозвезд, а главное – живой реакцией многолюдного зала.

Думается, было бы целесообразно привлечь к работе над сценарием писателей, остро и современно чувствующих смешное. Назовем наугад Аркадия Арканова, Григория Горина, Александра Хорта, Александра Хайта, Викторию Тубельскую, Михаила Задорнова, Александра Иванова, Викторию Токареву. Список этот может оказаться внушительным.

Примечания

1

При участии И. Шевцова